

Н. В. НАВО

.

ДУША ВЗАЙМЫ

Эзотерический триллер

**ИЗРАИЛЬ
2013**

Смертное проклятие обрушилось на героев, полюбивших друг друга и оставивших ради своей любви всю свою прежнюю жизнь. Они обращаются за помощью к таинственному Магу. В процессе расследования, проводимого Магом, он уводит героев в Мир Эфира. Перед героями раскрываются истинные сущности обитающих на Земле существ. Выясняется, что на Земле живут не только люди, но и пара-люди - смертельно опасные энергетические вампиры, имеющие отличное от людей происхождение.

В книге тесно переплетены любовь, эзотерика и антропология на основе динамичного детективного сюжета.

Редактор Семён Габай

Обложка и иллюстрации художника Эдуарда Бресслера

Н. В. Наво. ДУША ВЗАЙМЫ. Эзотерический триллер.
Типография АйБиСи. Израиль, 2013. Стр. 360.

© Н.В. Наво. Душа взаимы
Типография АйБиСи

© Все права принадлежат автору

ISBN 978-965-92183-0-1

ИЗРАИЛЬ
2013

Все персонажи и события, описанные в книге, являются вымышленными и представляют собой плод воображения автора.

Любые параллели, совпадения между действующими лицами произведения и реально существующими людьми являются случайными, не имеющими никакого отношения к действительности и являются собой отражение образа мышления и фантазии каждого конкретного и отдельно взятого читателя.

При написании данной книги ни одно животное не пострадало.

Н.В. Наво

Подняться в офис Колдуна, как объяснила Эле секретарша, можно было прямо с подземной стоянки. Очень удобно – найти паркинг в центре Тель-Авива – проблема в любое время суток.

– К Колдуну? – переспросил утром Миха, заломив бровь и сохранив тонкий баланс между ядом и презрением в интонации вопроса, когда Элька сообщила мягко, но жестко – стать в подарочной упаковке – о принятом ею решении:

– Мы немедленно едем к Магу, – обозначив голосом профессию, как имя.

– Я к шаману не поеду, – отрезал Миха. – Бред!

Ткнул себя пальцем в грудь:

– Я – врач, ты – тоже! – сузил глаза. – Неужели ты думаешь, мы не в состоянии справиться с ситуацией? Найти правильное решение? Провести целенаправленную диагностику и подобрать лечение?

– Конечно, милый! – улыбнулась Эля. – Но не в твоём случае. Твое состояние не подходит под определение "болезнь". Правильное название...

Она на секунду задумалась.

– ...хворь! Доброе, старое, зря забытое слово.

Усмехнулась:

– Хотя, поразмыслив, прихожу к выводу – "порча" определяет твоё состояние наилучшим образом!

– К Колдуну не поеду! – снова отрезал Миха.

Эля вздохнула.

Разговор состоялся менее часа назад, а теперь Миха нажал на тормоз, остановив машину перед закрытым шлагбаумом, за которым спуск на стоянку нырял под здание.

Слева – будка охранника. Израиль и его реалии. Террорист как герой нашего времени.

"Аренда тут дорогая, – невесело отметил про себя Миха, – а, значит, растёт и цена решения нашего вопроса, он включит в стоимость консультации и возмещение затрат. Э-хе-хе..."

Темное, худое лицо стражника с пронизательным взглядом майора Пронина помаячило в окнах "Форда". Крышка багажника глухо захлопнулась, слегка сдавив воздухом барабанные перепонки, и качнув машину – "проверка на бомбу" не заняла много времени.

Щуплый охранник-эфиоп, одетый в контрастно-белую, не по размеру огромную рубашку, окружавшую его маленькое тело огромным крахмальным пузырем, и в такие же пузырящиеся черные штаны, лениво шевельнул кистью – "Чист! Проезжай!".

– Господи! – в сердцах бросил ему Миха. – Ну где ты видел хоть раз русского еврея-террориста, а?

Тот не снизошел до ответа – а может, просто не понял?

Промелькнуло название фирмы, вышитое оранжевыми нитками на нагрудном кармане: "Мощь Господа". Миха повел головой и насмешливо фыркнул. Автомат выплюнул парковочный талон, шлагбаум конвульсивно дернулся, медленно поднимаясь.

На подземном паркинге все было, как обычно бывает на подземных стоянках: душно, жарко, пыльно, застоялая бензиновая гарь пропитала воздух. Миха заглушил мотор, посидел еще пару секунд неподвижно, внутренне готовясь к необходимости встать. Закусил загодя губу, открыл дверцу, опустил наружу одну ногу, осторожно вынес следом вторую и замер. Виски стали заранее покрываться липким потом. Поморщился и встал, стараясь перенести вес на открытую дверцу.

Боль проснулась с восторгом. Завизжала от радости и впилась всеми своими бесчисленными зубастыми пастями в легкие, печень, выдирая, казалось, куски, как у Прометея. В глазах потемнело, и поплыли разноцветные круги, среди которых преобладали черные. Пот заструился по затылку. Хорошо хоть, тенниска на нем была темно-синяя, не видно, как она сразу промокла на спине насквозь. Постарался

незаметно для Эльки растереть поясницу. Он в свои пятьдесят с недлинным хвостиком обычно и чувствовал себя, да и выглядел лет на сорок с хвостиком коротким. До недавних пор. До последнего времени, когда на него навалилась эта беда. Ударила без предупреждения, без предвестников. Ударила наотмашь и без пощады.

Пока он неуклюже поднимался с водительского места, Эля, чертовка, успела вылететь из машины, мазком мастера скользнуть помадой по губам, подметив профессиональным наметанным врачебным глазом его закушенную губу, бледный, в испарине, лоб. Успела поймать страдание во взгляде, прежде чем он опустил глаза, и скрипнуть зубами от беспомощного отчаяния.

Эле в ее сорок пять нельзя было дать больше тридцати – большие кошачьи желтые глаза нагло крали возраст, подменяя его хитрым лукавством. Она, зная это, выстраивала над ними еще и большой самурайский пучок черных волос, маленькие губки бантиком, покрытые лаково-красной помадой, и густые тени над веками в агрессивном стиле "Сан-Суси" завершали сходство с японской миниатюрой. Да и рост был подходящий, японский, если бы не двенадцатисантиметровые стилеты туфелек, завершающих стройные и длинные ножки.

– Элька! – он сделал первый шаг, смог сдержать стон, мысленно похвалил себя, но на втором шаге не сдержался, охнул. Даже в тусклом люминисценте бережливых хозяев паркинга было заметно, как сразу затрепетали ее веки.

– Как тебе вообще пришла эта идея в голову найти шамана! – выкрикнул он первую же мысль, лишь бы не дать сочувствию прорваться слезами.

Она шмыгнула носиком, пожала плечами, зашуршала, забренчала неизвестными предметами, постоянными спутниками каждой уважающей себя дамской сумки, выудила

платочек, аккуратно промокнула глаза. Отодвинула от себя руку – оценила инстинктивно размер ущерба, причиненный ресницам, и вздохнула:

– Как, как...

.....

...Как выразить, объяснить, передать ее состояние превращения из женщины, врача с многолетним стажем и холодным отточенным диагностическим мышлением, в поджарую волчицу, готовую со смертной решимостью защищать свое логово?

Как только стали возвращаться первые результаты мишкиных анализов, обследований; как только она увидела первые неопределенные пожатия плечами коллег, недоуменные замечания из категории: "нетипичная клиническая картина", или "полученные результаты пока не позволяют судить о...", её интуиция разорвала тесные рамки логического мышления и взяла руль на себя.

"Они не могут ничего понять", – решила про себя Эля, видя, как Мишины друзья: хирурги, терапевты, онкологи пытаются собрать из результатов самых передовых в мире методов обследований единую клиническую картину, подгоняя их друг к другу в тщетной попытке сложить пазл.

"Они не смогут, – с абсолютной уверенностью сказал ее внутренний голос. – Не смогут, потому что это невозможно – кусочки из разных пазлов никогда не составить вместе".

Первая компьютерная томография легких была довольно оптимистична – небольшие консолидации в нижних долях обоих легких.

«Чепуха, коллега, сами знаете – с вашим стажем курильщика! Но повторим, конечно, для вашего спокойствия».

Повторили. Лица лечащих друзей стали вытягиваться – очаги появились и в других сегментах легких, а в нижних – начали сливаться между собой.

Друзья начали стыдливо прятать глаза, уходить от отве-

тов, избегать встреч в коридорах клиники и с ней, и с Мишкой. Все, кроме хирургов. Хирурги могли честно развести руками – не на операцию, к терапевту, пожалуйста...

Терапевты беседовали с онкологами. Складывалось впечатление об атипичном течении. Простите, атипичное течение ЧЕГО? Ну, вы сами врачи, должны понимать, неприятно, но факт, а химиотерапия должна дать хороший результат. Возьмем биопсию, получим патологическое подтверждение.

Взяли. Не получили. Патологи дали расплывчатое заключение. Множество атипичных клеток. Нет четких признаков, но и отрицать злокачественную природу полученных образцов легочной ткани не представляется возможным. Неоднозначные изменения в региональных лимфатических узлах.

Она продолжала соглашаться с Михой, с его бравыми заявлениями, что все уже вот-вот станет понятно, что ПЭТ - КТ* абсолютно чистое, а это уже само по себе классно – у него нет онкологии! Скоро и диагноз подоспеет, вот увидишь! А пока эмпирически подобранное лечение помогает, и анальгетики работают!

Она продолжала согласно кивать в ответ и смотрела в его глаза, в которых бился страх, неслышный крик: "Боже, что со мной происходит!" и страдание от не замирающей, терзающей боли, все сильнее и сильнее сжимающей легкие и не дающей дышать.

И тогда пришло ясное понимание бессилия медицинской науки. И вместе с этим пониманием она почувствовала, как внутри нее всколыхнулась и стала неудержимо рваться наружу спавшая, неизвестная ей доселе сущность. Сущность, отбросившая за ненужностью здравый смысл, логику и достижения медицинской мысли. Сущность, отрастившая ей виртуальные когти и зубы, чтобы лучше охранять и нападать,

* ПЭТ–КТ – позитронно-эмиссионная томография, современный метод выявления многих видов злокачественных новообразований и их метастазов.

и уши, чтобы лучше слышать. Сущность опасной и беспощадной в защите своего дома волчицы.

Куски фраз, слова, выхваченные, вылущенные из мусора случайных бесед на улице, в супере, коридорах больницы, стали приобретать неясный, но явно скрытый в них, пока неуловимый смысл: "Ищи Знаки. Открой истинный слух. Научись слышать, – сказал ей внутренний голос. – Иди вглубь, думай, чувствуй, сопоставляй. Ищи и обрящешь".

Она мысленно кивнула себе – я согласна. Психиатрия? Ну и пусть! Но интуиция шепнула – нет! Нет, не психиатрия, вовсе наоборот!

Слова, обрывки слов, куски фраз – вдруг завихрились вокруг нее, словно смерч, в эпицентре которого она находилась постоянно. Людская болтовня. Она стала СЛЫШАТЬ ее. Гомон навязчиво лез в уши, сводил с ума своей неумолчной бестолковостью:

«У Илюши вчера первый зубик... Приперся, бухой в жопу, я ему, ка-ак... Про Вовочку слышал?.. А он на рыбалку... Колесо, сука, пропорол... А туфли такие красивые... Да он ее уже год, как трахает...»

«Боже! – взмолилась она, зажав уши ладонями в попытке прекратить этот нескончаемый, лишенный смысла поток. – Я не понимаю, зачем мне это! Я ничего не понимаю! Голова горит!»

«Молчи и слушай! – откликнулся кто-то внутри. – Подбери сопли – они никому не интересны – и слушай!».

Эля вздохнула, скрипнула зубами, разжала руки и с головой погрузилась в словесное море, лишь ночью отдыхая от похожего на птичий базар людского гомона. На следующий день она поняла, что одни слова ей слышатся чаще других.

«Менахем вчера чуть не опоздал... Вчера так торопилась, еле успела... Сергей орал на меня – опоздаем, дура! Завтра, смотри, не опоздай. Не опоздал, едва успел, не

опоздай, не опоздай, не опоздай. Смотрел, смотрела, смотри, смотри. Смотри?»

«Смотри – не опоздай... – рассуждала она. – Не опоздай – куда? Не опоздай сделать – что?»

И вокруг нее, рядом с ней, поблизости от нее зазвонили телефоны. Все хваталась за свои мобильники, будто ковбой Дикого Запада за "кольты" и "смит-энд-вессоны". Всем понадобилось всё и срочно, срочно, СРОЧНО!

"Смотри не опоздай – срочно звони. Звони куда? Кому? Зачем?" – Эля лихорадочно думала, сопоставляла, перебирала наугад первые пришедшие в голову имена. Ничего. Ровным счетом ничего.

А потом Слух исчез, стал снова просто слухом. Вокруг по-прежнему текла говорливая человеческая река, но слова уже не проникали настойчиво в мозг, а оставались тем, чем они и были раньше – привычным фоном. Но вместо него пришло Зрение. Глаз выхватывал не замечаемые ранее детали: граффити с пентаграммами на заборах, каббалистические символы на стенах домов. Ветер прошелестел страницами газеты на ее столе и упорхнул, оставив открытой страницу с заголовком: "Театр Романа Виктюка или Колдовской Мир".

Утром она проснулась рано, было совсем темно. Кондиционер гнал холод. Миха спал и тихо стонал во сне. Эля потрогала его майку – она пропиталась насквозь холодным потом.

Она встала, тяжело вздохнув, нащарила ногами тапочки и тихо прошла в салон – выключить кондиционер. По дороге налила себе на кухне стакан холодной воды – проснуться.

Нажала на кнопку "выкл." на пульте кондиционера. Чертыхнулась – опять сработал телевизор, среагировал не на свой пульт! Подошла выключить.

«...и все-таки, профессор, не считаете ли вы возможным, насылая порчу, вызвать у объекта опухолевые заболевания? – произнес кто-то вкрадчиво с ожившего экрана. – Э-э-э... –

протянул с сомнением сочный баритон».

Эля охнула и выпустила из внезапно ослабевших рук стакан с водой. Стакан угодил прямоком на приставку кабельного ТВ. Полыхнуло синим, приставка испустила предсмертное шипение, и в квартире выбило пробки.

На работу она не пошла, сказавшись больной. Просидела весь день у компьютера (электричество Миха вернул, просто подняв переключатель предохранителя на щите), сперва в тщетных поисках передачи – виновницы гибели кабельного телевидения в их одной, отдельно взятой квартире; затем – просматривая объявления с предложениями паранормальных услуг.

У Эли сложилось совершенная уверенность в участии всех и каждого в насылании и снятии сглаза, порчи, приворотов и общении с духами. Неисчислимое множество волшебников, ведьм, колдунов, магов, ведунов, шаманов и представителей множества иных смежных экзотических профессий заполонило виртуальную реальность. Что они только ни делали, включая тонкую нивелировку курса парных валют на рынке Форекс!

«Надо же – какая смесь Средневековья с нанотехнологиями!» – уважительно покачала головой Элька.

Девяносто процентов объявлений Эля отмела сразу – настолько они были рассчитаны на деревенского простака. Оставшиеся десять процентов были подставными сайтами, которые привели ее в итоге к трем – четырем фамилиям. Решить ее проблему – не взялся никто.

Эля позволила себе порыдуть немного, затем пошла льдом уменьшать припухлости под глазами, наклеила наклейку и поехала забирать Мишу с работы. Зашла в аптеку при больнице купить Мише лекарств, да и вообще накопилось того-сего по мелочи...

– Извините, вы ведь говорите по-русски? – неуверенное обращение.

Эля обернулась на голос.

Женщина лет шестидесяти. Русые волосы из-под простой полотняной косынки. Голубые глаза. Чуть вздернутый нос, полноватое, под стать всей фигуре, лицо. Среднерусская внешность.

– Да, говорю, – тепло улыбнулась Эля, желая приободрить, снять неуверенность. – Я могу вам помочь?

– Скажите, – с каким-то непонятым удивлением спросила та. – А у вас в стране "скорую" тоже по "03" вызывают?

– Нет-нет, – качнула головой Эля. – Надо набрать "101", – и участливо спросила: – Может, вам нужна помощь? Я – доктор, не стесняйтесь, пожалуйста!

– Что вы! – испуганно выставила руки перед собой незнакомка и даже обиженно фыркнула. – Никакая помощь мне не нужна! Я просто так спросила! У нас "03" звонили, – запнулась, бросила на Элю какой-то дикий взгляд. – Извините...

– Ничего-ничего, – ошарашенно пробормотала Эля, стараясь боком незаметно отойти от странноватой женщины (псих, честное слово!).

– Я тут остановилась! – странная баба дернула рукой, указывая на гостиницу напротив больницы. Дернула механически, не по своей воле, словно огромная марионетка на невидимых нитях, – в 345 номере.

Улыбнулась глуповато и повторила:

– Ага, в 345!

Густо залилась красной краской, зарылась от стыда лицом в ладони, и с криком: «Господи, что это я несу! Ох-х, простите меня девушка!» вылетела из аптеки, только электронный звоночек успел слабо звякнуть, выражая общее недоумение немногих посетителей, посмотревших ей вслед. Перевели взгляд на Эльку. Она пожала плечами – мол, меня не касается, и кто это – знать не знаю!

Кто-то кашлянул, словно дал сигнал, все зашевелились,

занялись своими лекарствами, зашуршали рецептами. Эля еще раз пожала плечами – всякие странные люди встречаются! – и тоже вернулась к своему списку покупок.

Терпеливо постояла в небольшой очереди в кассу – взгляд на часы: есть еще время, успевает. Кассовый аппарат бодро отстукал штрихкоды.

Сумма в точности повторяла Элин год рождения. О чем она и сказала кассирше, вытаскивая кредитку. Сообщила, не придавая значения – курьёзный факт и всё.

– Надо же! – молоденькая черноглазая и смуглая израиль-тянка, с ясными, черно-синими глазами потомка кочевников Авраама, оторвалась от кассы и взглянула на Элю. – Загадайка еще три номера навскидку и покупай лотерейный билет! Выиграешь десять лимонов – половину мне!

– Договорились! – подмигнула Элька, снимая с прилавка пакет с покупками. Вышла в больничный холл. Прошла несколько шагов. В голове щелкнуло. Все кусочки сложились, выстроились в одно целое. Упала на подвернувшуюся кстати скамейку. Посмотрела перед собой невидящими глазами. В висках сперва застучало, а потом принялся за работу целый кузнечный цех.

Эля пошарила, не глядя, в сумке, вытащила мобильник.

«У нас 03 звонили...»

Набрала 03 – код Тель-Авива, затем цифры 345, гостиничный номер, в котором остановилась странная незнакомка, четыре цифры – год своего рождения. Помедлила, резко выдохнула и нажала зеленую кнопку. Время остановилась.

Автоответчик включился после первого же гудка.

«Уважаемая Эля Владимировна! Мы необычайно рады вашему звонку. К сожалению, сейчас в офисе никого нет. Но мы ждем вас с доктором Михой завтра с утра, как только вам удастся отпроситься с работы, – а вам непременно удастся, не переживайте! – по адресу...»

Приятный мелодичный девичий голос назвал адрес в центре Тель-Авива.

«Ждем вас непременно!» – повторил с легким нажимом голосок, и автоответчик отключился. Эля положила телефон назад в сумку и впервые за полгода с пронзительной остротой пожалела, что бросила курить.

.....

Всего этого рассказать она Мишке не могла – в лучшем случае недоверчиво бы скривился, в худшем – озаботился бы всерьез ее психическим здоровьем. Поэтому щелкнула зеркальцем, тщательно, с холодным прищуром оглядев чуть тронутые влагой ресницы, и повторила:

– Как – как... Одна баба сказала...

– Что за...

– Господи, ты ее не знаешь, а вот я знаю хорошо!

Толкнула шутливо в плечо:

– Пошли, опоздаем! Пошли, я сказала!

Как и рассчитывала, отвлекла обманным маневром, правда, ощутимо получила от Михи по заднице – ничего не напишешь, у каждого метода есть побочные явления!

– Идем! – Мишка перехватил инициативу и потянул ее к светящейся впереди надписи "Лифт" – опоздание к волшебникам чревато неприятными последствиями!

Они подошли к лифту. Миха нажал кнопку вызова. Она зажглась багровым тусклым светом, где-то наверху тяжело завыл мотор, жалуясь протяжно на свою долгую жизнь.

Лифт тренькнул и зазывно распахнул двери. Они втиснулись в крохотную кабинку. Все старые тель-авивские лифты рассчитаны на людей, страдающих от анорексии.

Уныло поползли по зеленоватому табло электронные цифры: "2", "3".

– Секретарша что – дала адрес и отключилась? Бросила трубку, так и не представилась?

– Нет, Мишка!

Элька смешалась, и готова была от стыда провалиться под землю. Это было настолько на нее не похоже! Господи,

старая, выжившая из ума баба! Не запомнить ни имени секретарши, ни названия фирмы, – броского, кстати, крутится в уме, но никак не всплывет в памяти! – ни имени самого Мага, кстати, банального, никакой экзотики!

Не могла себя заставить поднять глаза на Мишку – ой, сты-ыдно!

– Ладно, ерунда! – тактично не стал беречь ее раны Миха. В конце концов, какая разница? Лифт грузно качнулся и с тяжелым выдохом сжатого воздуха раскрыл двери. Второй этаж. Прибыли.

На секунду они замерли. Миха первым вышел на площадку. Эля шла чуть сзади и с веселым испугом таращилась из-за его плеча на типичный офисный коридор. Ничего в нем особенного, магического не было. За исключением, разве, какой-то звенящей пустоты.

Обычная безликая кишка небрежно сформированного архитектурного пространства, освещенная лампами дневного света. С обеих сторон в нее выходят одинаковые, разводами раскрашенные под дерево двери. Пахнет старой, лежалой пылью. Плитка на полу, рябая от выбоин, дробит коридор квадратиками.

На мгновение вдруг воцарилась полная тишина, подчеркнутая слабым журчанием воды в клозете в конце коридора. И сразу же вернулись звуки улицы: жужжанье мотороллеров, писклявые голоса разносчиков мороженого, соло выхлопной трубы мощного мотоцикла...

Он кашлянул и слегка приглушенным голосом – нежилая пустота вокруг действовала на нервы – спросил:

– Эль, пора?

– Пора, Мишка. Полторы минуты осталось.

Сами того не замечая, Эля и Миха относились ко времени с удивительным уважением.

Наверное, с таким же пиететом относятся ко времени люди, чья жизнь зависит от его секунд: киллеры, саперы,

шпионы и люди других удивительных профессий, а также приговоренные к смертной казни.

Большую часть своей жизни Эля и Мишка провели в операционной. Виртуозы, "звезды" своего дела, они порой сталкивались с обратным отсчетом секунд, когда в голове включался чужой механический голос и отстраненно сообщал:

"Остановка сердца. До необратимой смерти мозга осталось... Время пошло..."

И время шло. Оно бывало таким разным!

То стремительным, когда кровь черно-красным потоком неслась из операционной раны в пластиковые вакуумные банки, и ты превращался в десятирукогого Будду, успевая одновременно:

- вонзять канюли в вены, ставить пакеты с кровью, плазмой, тромбоцитарной массой;

- отшвыривать в угол пустые пластиковые мешки из-под физраствора, Хартмана и прочих жидкостей, которых можно влить в человека, спасая ему жизнь;

- подгонять нерасторопных помощниц и неуклюжих, как щенки, младших врачей;

- заказывать новую кровь в Банке Крови, подсчитывать в уме кровопотерю и адекватность ее возмещения;

- выхватывать с монитора одним взглядом все показатели жизнедеятельности, анализировать их и сохранять в памяти, чтобы потом, когда сможешь вздохнуть, занести в компьютерную карту больного;

- следить, чтобы температура тела не упала ниже критической отметки, около которой ждет старуха с косой. А это непросто, когда живот распахан от грудины до лобка и весь ливер наружу, и кровь льется туда и обратно рекой;

- и, конечно, материть вполголоса, а иногда и в полный голос! – хирургов, которые довели и больного, и тебя до жизни такой.

То оно, время, становилось тягучим, резиновым, как часы на картинах Сальвадора Дали, когда тебя диким криком по телефону вызывают в операционную. Ты влетаешь и видишь чернеющее на глазах от тяжелого ларингоспазма тельце младенца, а бестолковый твой подчиненный стоит застывшим от растерянности истуканом, а вены нет, и не будет. Не будет, если ты ее не отыщешь и не "откроешь".

И ты знаешь, что, начиная с этого момента до остановки сердца, у тебя есть 90 секунд, если не сможешь "раздышать" ребенка.

Вся операционная застыла и смотрит только на тебя.

Во рту твоём сухо и горько от выброса адреналина. Стараешься унять дрожь в руках, стук собственного сердца в ушах мешает слышать уходящий в пике монитор. А внешне ведь – само спокойствие! И успеваешь "запихать" трубу, останавливая обратный отсчет на последних секундах, так в кино красные, быстро бегущие назад цифры на таймере бомбы замирают на цифре "1".

И пока это им – Мишке и Эльке – удавалось всегда: остановить обратный отсчет.

Двери всех офисов радовали бы армейскую душу унылым единообразием: белая рама, дверная плата под темно-коричневое дерево. Единственное различие – порядковые номера: 201, 202, 203...

Дверь Колдуна выходила седьмой по счету слева, номер офиса 209, как записала Элька. Дверь эта была действительно седьмой по счету слева. И на ней сталью отблескивали большие цифры "29"*

– Странно, – пробормотал Миха.

– Что – странно? – Эля стояла чуть за ним, привычно уткнувшись носом в его плечо.

– Номер кабинета... Он должен быть "209", и у тебя так и записано... а тут – "29". Ничего не перепутала?

* Согласно нумерологии, 29 – это число борьбы со злом.

– Ну, ты прямо! – задыхнулась от возмущения Элька. – Если я имен не запомнила, это еще не значит...

– Все, все, все! – Мишка поднял руки жестом "сдаюсь".

– Может, "ноль" в номере просто упал? – предположила Эля.

– Может, и упал. – Мишка с сомнением покачал головой. – Только цифры стоят слитно, без пропуска.

Вдохнул и протянул руку к кнопке звонка – обычной, ностальгической, с виду советской пуговке, без выкрутас, понтов и прибабасов.

– Мишша! – тихонько прошептала Элька. И что-то в ее голосе шевельнуло волосы на затылке Михи и, легким морозцем пробежав по коже, заставило рвануться глазами за ее взглядом.

На правом косяке двери пылала желтым огнем массивная мезуза, на вид - чистого золота, впрочем, Миха был не бог весть какой спец в ювелирке, мог и ошибиться.

Она не светилась отраженным светом люминесцентных ламп или живого солнца. Нет, нет, она именно горела! От нее исходило желтое пламя, но без жара, хотя казалось – коснись, и сожжет руку в момент!

Мезуза разгоралась прямо на их глазах. И чем больше она разгоралась, тем ярче на ней проступало прозрачное голубое сияние буквы "Шин" на ней, отражаясь в их распахнутых глазах. Мишина рука застыла, так и не коснувшись звонка. Но дверь, тем не менее, широко и быстро распахнулась.

– Пожалуйста, проходите... – пророкотал мощный, оперный баритон.

– Нет-нет! Простите! Повремените чуть! – человек, открывший им дверь, бросил озабоченный взгляд на мезузу:

– Мезуза чуть ли не плавится! Да и алмаз вот-вот вспыхнет! Сколько же на вас черного!... задержитесь немного над порогом... просто постойте, прошу вас, я скажу, когда можно будет зайти! Вот так... Превосходно! Порог, скажу вам, сде-

лан из гейландита. Не слышали никогда, я полагаю?

И не ожидая от них, оторопевших, ответа, продолжил:

– Это особенный камень. Не драгоценный, но достаточно редкий. Мне его поставляют геологи из Сибири. Знаете ли, по роду своей деятельности порог мне приходится менять постоянно. Камень обладает редчайшей способностью забирать на себя отрицательную, черную энергию у переступающих через него. У меня его емкость насыщается быстро.

"Господи, не дай Бог, болтуном окажется", – с неприязнью подумал Мишка.

Он посмотрел вниз, и первым переступил одной ногой через порог – довольно широкую, сантиметров двадцать, не меньше – полосу серо-голубого камня, и рефлекторно напрягся в ожидании: удара молнии? грома? покалывания в висках и прочей атрибутики книг в стиле "фэнтэзи"?

Ровным счетом ничего... постоял над порогом немного.

– Все, достаточно. Теперь вы, госпожа, прошу вас, – вновь прозвучал вибрирующий баритон.

Эля, тоже чуть напрягшись, проскользнула в комнату.

Дверь за ними захлопнулась, отсекая кондиционированную прохладу офиса от душного тель-авивского лета.

Встретивший их мужчина, отступив немного в глубь комнаты, слегка поклонился. Вышло это у него как-то совершенно естественно, неформально и вместе с тем с чувством глубокого достоинства, абсолютно без заискивания перед клиентом.

Лет ему было... Сорок? А может, и шестьдесят. Роста он был довольно высокого, заметно выше Михи с его метр восемьдесят.

На его лице доминировал и управлял всеми прочими чертами мощный библейский нос. Идеально выбритая кожа упруго обтягивала не только выступающие скулы, но и весь лицевой скелет, хотя и была продублена возрастом. Волосы по цвету представляли "соль с перцем", когда в смеси больше

соли, но вились жесткими, густыми кудрями. Не волосы, а стальная спираль.

Цвет глаз в неярком свете приемной был неясен. Они были однозначно темными, но оттенок не улавливался.

А вот взгляда не было совсем. То есть, как таковой взгляд, безусловно, был, но поймать его, уловить направление, понять выражение не представлялось возможным. Он не то чтобы ускользал от собеседника, а скорее налетал на него, обрушиваясь одновременно со всех сторон.

«В том числе и со спины тоже», – подумала Эля.

Одет их визави был совершенно не по-израильски. Во-первых, пиджак. Кто же носит летом в Тель-Авиве клубный пиджак?! И зимой-то его носителей можно пересчитать по пальцам одной руки! А уж летом! Нонсенс, господа, нонсенс!

А тут не просто клубный пиджак, а из тончайшего кашемира, превосходно сшитый явно на заказ где-нибудь на Джермин-стрит, Лондон, идеально сидящий по фигуре. Да и грех не сидеть на такой-то фигуре!

Тонкая темно-синяя ткань подчеркивала фигуру человека, не понаслышке знакомого с боевыми искусствами разных и многочисленных стран. Мышцы нигде не топорщили костюм, не бугрились как у бодибилдера, но и места для сомнений в их наличии они решительно не оставляли! На левом нагрудном кармане пиджака алела эмблема с изображением пылающего меча в пентаграмме. Темно-серым брюкам необычайной выделки сукна не помешала бы табличка: "Осторожно! Острая складка!".

Завершающий штрих – конечно же! – зеркального блеска туфли. Английская непобедимая классика. Джон Лобб и иже с ним.

Миха любил стиль и ценил его чувство у других, поэтому он мысленно уважительно покачал головой, оглядев незнакомца. Кстати, а кто он? Ведь не представился! Референт? Секретарь? Помощник? Неназванный господин спокойно и

молча ждал, предоставив Эле и Михе возможность осмотреться.

Они стояли в большой круглой белой комнате с высоким сводчатым потолком.

«Метров пять, не меньше», – прикинул в уме Михя.

Комнату перечеркивала узкая черная каменная плита стоявшего на тонких металлических опорах длинного стола. На нем одиноко светился неизменный экран офисного компьютера.

За столом, подперев рукой щеку, сидела девица лет двадцати пяти и с любопытством смотрела на посетителей. Девица ничем не примечательная, таких невзрачных простушек ходит по улицам миллион с хвостиком каждый день. Глаза, однако, были необычны, и не цветом или величиной – как раз самые обычные темно-карие, а пронзительным, не по внешности, взглядом.

За спиной девицы всером расходились четыре белые двери с простыми круглыми металлическими ручками. Единственным цветовым пятном не в черно-белой гамме была картина в простенке меж дверьми. А единственным предметом, намекавшим на принадлежность офиса к оккультному миру, служила колода карт Таро на столе секретарши.

«Какая необычная картина... надо бы подойти поближе, рассмотреть», – по близорукой привычке сощурилась Эля в попытке разглядеть холст.

– Прошу прощения, но придется пару минут подождать, – референт, как для себя решил Михя, коротко склонил голову и скрылся в одной из дверей за спиной секретарши. В ее проеме мелькнул изогнутый, убегающий вдаль длинный и такой же белый коридор.

«Не офис, а царство Зимы», – подумал Михя.

В его голове привычно, как всегда перед деловыми переговорами, включился счетчик, прикидывая стоимость аренды, оргтехники и всего прочего антуража. Мишке было приятно считать себя деловым человеком.

В последние годы Миха, помимо анестезиологии, решил-ся заняться бизнесом. И окунулся в модную, бурно растущую тему медицинского туризма. Лечение в Израиле!

Начал с нуля, с ничего. После двадцати лет жизни в Израиле подрастерял все московские связи. Но упорства Михе было не занимать, сам мог одалживать желающим! Названивал знакомым по всему бывшему Союзу. Вспоминал однокурсников по своему "Первому Московскому Меду им. Сеченова". Болтал, напоминая о былых веселых кутежах, и о себе, вновь становясь ближе, смеялся, уговаривал, рисовал перспективы, сулил проценты. И дело закрутилось! Сперва, как всегда, медленно, а потом ничего – ура! ура! Завертелись колеса!

Появился первый больной, который с момента своего появления в зале прилета начал подозрительно шуриться на Миху. Он во всем искал подвоха, и во всем, как ему казалось, его находил. Его нужно было постоянно убеждать в одном и разубеждать в другом.

Все свободное от операционной время его требовалось сопровождать на обследования, консультации и синхронно переводить все результаты на русский, а дурацким его вопросам придавать товарный вид на иврите, или опускать вовсе.

А решение бытовых проблем, типа: "Я требую в номер махровые тапочки. Бежевые! Говорю им русским языком на ресепшне, а он глазами хлопает, козел! Русского не знает, дятел!".

Мишка вздыхал, шипел сквозь зубы волшебные слова: "Твою мать!", и находились в гостинице бежевые шлепанцы... Специально для вас, дорогой пациент, эксклюзив!

Миха обладал природным обаянием и харизмой, великолепными организаторскими способностями, а терпение у него появлялось в избытке, стоило только лишь почуять в воздухе легкий еще запах денег.

Первый больной не вышел комом, а уехал очень довольный Михой, Израилем вообще, и израильской медициной в частности, а Мишка еще два дня мучился тяжелым похмельем.

От имени первого пациента позвонили еще несколько. Приехали, пролечились, и тоже остались довольны результатом – Миха работал четко, профессионально. В силу своего стажа, да и статуса, знал светил израильской медицины лично, отсюда и правильный подбор лечащих врачей, отсюда и успех лечения.

Миха нашел подходящего, интеллигентного водителя, он же одновременно и сопровождал пациентов – на жаргоне "туристов" – на обследования. Потом пришлось взять и сопровождающую: молодую, симпатичную, глупенькую, правда.

Так Миха стал, как он сам себя обозвал: "Знатным Кэшеваром" – наваривал "кэш".

Лечебный туризм сам по себе, и Миха в этом бизнесе – это отдельная, крайне увлекательная тема! Кто только не стремился принять участие в этом благородном деле спасения жизней и здоровья иностранных граждан, зачастую бывших соотечественников! Каких только рыбок не развелось в этой мутной водичке! Таксисты и уборщицы, люди иных неизвестных профессий, а то и вовсе без них – все они мечтали принять посильное и беззаветное участие в этом непростом труде. Все они считали, что организация лечения людей – дело плевое, не требующее никаких медицинских познаний.

Миха скоро научился отличать этих "посредников" от действительно серьезных организаторов лечения, совершенно необходимых для правильного ведения всего процесса, по одному только внешнему виду. Их всех отличали: выпирающие животы над черными брюками или джинсами, бегающие глаза, нагло-уверенный голос и – конечно! – узконосые лакированные туфли. Миха прозвал их "штиблетные мальчики".

К Михе пошли деньги, "мани", "капуста", "бабло". А с ними пришли "БМВ", дорогие, знаковые шмотки, часы «Марин – Бреге». Часы, причем, не простые, а швейцарские, как неожиданно выяснилось для него самого, оказались мишиной слабостью.

С бизнесом, правда, ушло все свободное время, которого и так-то было чуть – Израиль страна очень работающая. Встает рано, работает много – в семь утра операционная уже гудит – ложится поздно. Здравствуй, хронический недосып, деловые неизбежные российские пьянки, нервные срывы...

«Господи, ну что же это я, – Миха досадливо поморщился. – Это уже отдельная лекция на тему: "Медицинский туризм и его последствия для всех участников процесса"».

Эля перебила его мысли, дернув за руку:

– Две вещи. Меня поражают здесь две вещи...

– Первая, это, конечно, несоответствие между истинными размерами офиса, и тем, каким он, по идее, должен быть. – Миха приосанился. Он и сформулировал четко и красиво, и перед Элей смог покрасоваться умом и сообразительностью.

Эля, однако, только дернула плечиком:

– Это, милый, вторая вещь... А первая, – она посмотрела на Миху, и впервые за последние несколько недель ее глаза засветились надеждой на спасение и, от этого, невероятной радостью. – Ты как себя чувствуешь, солнце?

Сердце Михи ухнуло и пропустило удар. Он осторожно потянул в себя воздух. Боль привычно шевельнулась, просыпаясь, как всегда, при глубоком вдохе. Выпустила когти. Миха зажмурился, закусил губу, в ожидании раздирающего удара. Но боль лишь провела лапой по желудку, как будто бы ее лишили сил, и спряталась, затаилась клубочком, рыча от злости.

Миха вдохнул еще раз, поглубже. Чистый свежий воздух полился нектаром в легкие. Боль метнулась внутри, попыталась скрутить, бросить на колени, заставить кричать. Но

силенок-то у нее поубавилось, господа, явно поубавилось! Только на холодную испарину и хватает... Но мы, врачи, люди привычные, нас этим не возьмешь!

Никакого логического обоснования. Ничего кроме двух глупых мыслей в голове.

Первая: "Все смешалось в доме Облонских". Вторая: "Эко хвост-то прижали!", с явным туповатым, просторечивым оттенком. Причем, кому прижали хвост, то ли медицине, то ли боли, Миха не знал.

Эля смотрелась зеркальным отражением его растерянности.

– Ты чувствуешь...

– То же, милый, что и ты!

Сбоку тактично откашлялись.

– Здравствуйте! – напомнила о себе, забытая в сутолоке событий и впечатлений, секретарша.

– Ой! – Эля вздрогнула и отпрянула от Михи. – Здравствуйте!

Секретарша вышла из-за стола. Темно-серый деловой костюм, юбка до середины икр, белая блузка. Ноль украшений. Серая мышка. Крепкое, политкорректно правильное, бесполое рукопожатие в стиле "Мы дети Обамы".

– Очень приятно познакомиться. Я – Нина. Как наверняка догадались – секретарша. Впрочем, Эле я уже имела честь представиться по телефону.

Эля смутилась, виновато покосилась на Мишку. Впрочем, ей казалось, что имя Нина в телефонном разговоре не прозвучало. Хотя...

– А вы – господа врачи...

– Можно просто: Эля и Миха. Очень приятно, – улыбнулась ей Эля за них обоих, и пожала протянутую руку, – и нам назначена встреча с господином... – она вопросительно замолчала, приглашая секретаршу продолжить.

– Конечно! – бодро согласилась секретарша. – Но босс,

как вы сами слышали, попросил подождать несколько минут...

Эля поджала губы. Имени хозяина секретарша так и не назвала.

– А это был он? Он, что, сам нам открыл дверь? Собственной персоной? – вмешался Миха.

– Да, сам! – гордо улыбнулась Нина. – Большая редкость увидеть две Божьи Искры, объединенные в пару! Вот босс и вышел поприветствовать вас лично.

Эля удивленно приподняла брови, а Миха вопросительно прищурился.

– Прошу прощения... – одновременно вырвалось у них, они переглянулись, и Миха продолжил, – как вы сказали? Божьи...

– Объяснять что-либо клиентам – не моя прерогатива, – предрешая вопрос, Нина выставила вперед левую ладонь знаком "стоп". – Он сам все объяснит. Чутьочку терпения.

В речи ее проскальзывал странный, непонятный акцент. Он не ассоциировался у Михи ни с одним из слышанных прежде.

– Вам капучино? Минеральную воду без газа? – она кивнула с улыбкой Эле, и повернулась к Михе. – А вам смертельно крепкий двойной "макиатто" и "колу-зирро"? Алкоголь не предлагаю, так ведь? – неожиданно добавила вдруг секретарша, сама смутилась своей бестактности, зарделась и вылетела за дверь, в офисную кухню, наверное.

Оба несколько оторопели. Их вкусы и предпочтения, конечно, не являлись тайной за семью печатями, но зачем Магу понадобилось это выяснять? Не такие они важные персоны... Так же, как и факт Мишиной "завязки". Мишка семь месяцев назад, после очередной пьянки, понял: завис над пропастью, еще немного – нырнет с головой, и не вынырнет. Еле-еле смог остановиться. Раньше тоже, бывало, удавалось тормознуть, но через пару месяцев срывался. В

этот раз решил – все, окончательно! И поверил.

Так оно и пошло, слава Богу.

– Не понимаю, как они... – начала Элька,

– А почему боль притупилась? – перебил ее Мишка. – А размеры офиса? А потолок сводчатый? Это ты понимаешь?

Он нервно дернул плечом:

– А Божьи Искры какие-то? Это нас так обозвали, между прочим!

– Успокойся, пожалуйста! – нервно фыркнула Эля, и повернулась к нему спиной. – Откуда мне знать? Сейчас Маг вернется, вот у него и спросишь!

И подошла ближе к столу секретарши, рассмотреть картину на стене. Единственное, как уже было сказано, цветное пятно на белоснежно-стерильных стенах.

Картина была довольно большой – с метр на полтора, наверное. На ней был изображен уходящий от нас вдаль по пустыне воин. Древний воин. Широкая обнаженная спина была туго перетянута кожаными полосами нагрудных доспехов. Заплечные ножны пусты. Поверх них, на мощные мышцы спины, обрушивался длинный хвост черных вьющихся волос.

Походка воина была расслабленной – последний бой недавно окончился, его десница еще крепко сжимала огненный меч... «Огненный?!» – удивилась про себя Эля. Пригляделась. Да, меч в руке воина пылал языками огня, или же, казалось, весь состоял из пламени. А новый бой еще только предвещали неясные багровые всполохи за низкими холмами на горизонте, покрытыми жухлыми кустами.

Картину писал неплохой художник, но непрофессионал, не чувствовалось в нем годов, отданных мучению ученичества, овладению рисунком и чувством перспективы. Эля считала себя человеком, понимающим толк в живописи.

Но зато неизвестно почему возникала полная уверенность в том, что автор являлся свидетелем, очевидцем, если не

участником запечатленного им события.

– Нравится? – звякнула подносом Нина, бесшумно вынырнувшая из кухни, и уже шустро расставляющая по столу чашки с ароматнейшим кофе, запотевшие до инея бокалы с водой и колой.

– Э-э-э... – неопределенно протянула Эля.

– Хозяин, знаете ли, иногда грешен. Любит писать маслом. В основном военная тематика разных веков. Этот "шедевр", – с иронией отозвалась Нина о творчестве босса, – один из самых любимых. Потому и висит тут. Только посетителей смущает, – вздохнула она, и неодобрительно поджала губы.

– И много у вас посетителей? – попытался придать разговору деловую направленность Мишка.

– Таких, как вы – шестая пара.

– Угу. А за какое время? – Миша попробовал схитрить.

– А за все время, – без улыбки ответила секретарша, и подняла на Миху глаза.

Он встретился с ней взглядом, и не было в ее глазах ничего девичьего или по возрасту наивного. В них светилось то глубокое знание, что обретается с опытом долгой, очень долгой жизни, которую просто не могла прожить эта девчонка, лет двадцати с небольшим от роду.

– Что ж это я! – спохватилась она, – ваш кофе остывает!

И она, ловко перегнувшись через весь стол, поставила перед Михой его двойной "маккиато".

Миха считал себя ценителем кофе. Между нами говоря, положила руку на сердце – безо всякого на то основания. Ну, попил человек кофе в дорогих кафе и ресторанах различных городов мира, в том числе и по всей Италии, это же не делает автоматически его знатоком! Хотя, в наши дни заблуждение, согласитесь, распространенное.

Но этот кофе явно не нуждался в кофейном эксперте для своей оценки! Он был восхитительно самодостаточным, и обладал всеми атрибутами "вещи в себе". Что же касается его

благоухания, то ничего, кроме дебильноватого мысленного причитания: "Нектар, батюшки, божественный нектар!", Мишке в голову не лезло.

– Ну? – благожелательно спросила девица, и уставилась на Мihu, как бы приглашая его к дегустации.

Миха поднес чашку ко рту и сделал крохотный глоток. Есть ли какие-то правила кофейной дегустации? Кофейная церемония - аналог чайной? Или же как дегустация вина? Волна крепкого, но не горького вкуса обволокла небо, фруктовый оттенок вспыхнул на мгновение на языке и исчез, оставив стойкое послевкусие.

"Крепкий кофе меня воскрешает", – любил повторять Наполеон Бонапарт. Этот кофе его убил бы. Ничего крепче Муха не пил никогда в жизни.

Эля смаковала капучино, полуприкрыв веки.

– Нет слов, просто нет слов, – Муха прокашлялся, и тут – всё-таки, вращение в околоолигархических кругах имело свои плюсы! – он вспомнил:

– Скажите, но это не "Блю Маунтин"?

– Нет, что вы! – Нина даже всплеснула руками. – Это Hacienda La Esmeralda. Спешл. Сам Петерсен лично следит за сортировкой бобов, прежде чем отправить моему боссу. Это его лучшая "гейша", – она поправилась, – хотя правильное было бы сказать "гиша". Говорят, производители кофе изменили название дерева в рекламных целях. Гейша, безусловно, вызывает больше приятных ассоциаций у потенциального покупателя.

– Однако, – она явно хотела польстить посетителю, – "Блю Маунтин" тоже превосходный сорт. Любимый напиток английской королевы, не так ли? – она улыбнулась. – По слухам, и Джеймса Бонда тоже.

– И вы что, всех посетителей угощаете таким кофе? – отрешенно поинтересовалась Эля, смакуя с сожалением последние капли.

– Скажете тоже! – фыркнула Нина и поджала губы. – Это

же никаких денег не хватит! Подается только Божьим Искрам по указанию босса!

Дверь справа от стола секретарши широко распахнулась под чьей-то мощной рукой – волна воздуха от ее быстрого движения колыхнула волосы Нины.

– Прошу прощения за затянувшееся ожидание, – завибрировал уже знакомый баритон, – проходите, пожалуйста, в кабинет, прошу вас!

Колдун, – или правильнее называть его, как Эля, Маг? – приглашающе им кивнул с порога и вежливо придержал дверь. Она была большой, но не чрезмерно, чтобы не вызывать агарофобию, и – слава Богу! – квадратной.

"В круглой приемной все-таки чувствуешь себя некомфортно. Как это американским президентам работается в Овальном кабинете? Да и мебель подобрать к круглым стенам проблематично... на заказ разве... Впрочем, для Президента США это не вопрос". – Все эти мысли резво проскочили в Элькиной голове, пока она с выражением критического одобрения рассматривала кабинет.

Дверь за ними захлопнулась.

Комната была погружена в полумрак. Ее едва освещали свечи в большой, подвешенной высоко под потолок венецианской люстре из красных, зеленых и желтых тяжей муранского стекла, поблескивающих в отсветах камина. Только потолок из тяжелых закопченных веками массивных балок мог с честью принять на себя вес венецианского произведения искусства.

Слева от двери, недалеко от входа, в уходящем под потолок изразцовом камине потрескивали дрова в танце искорок, уносящихся в дымоход, сложенный из красного когда-то, а ныне почти черного кирпича.

«Камин? Летом?! В Тель-Авиве?!» – ошеломленно подумала Эля, бросив оторопевший взгляд на Мишку. Он только пожал плечами.

В комнате стояла гулкая, объемная тишина. Ее подчеркивали шорох тлеющих поленьев и тиканье еле видимых в темноте напольных часов.

Никаких внешних звуков, живущих своей жизнью в Тель-Авиве в любое время дня и года: детский плач; гудки наглых, покрытых шрамами, полученными в бесчисленных парковочных битвах, машин; гортанный визгливый смех темнокожих крашенных блондинок с черными корнями волос, - в комнату не проникало.

Хотя левая стена и была затянута тяжелой черной, в складках, шторой, возникала смутная уверенность, что окна за ней нет. Выложенный желтыми квадратами паркетный пол темнел начищенным воском зеркалом, привнося запах мастики в сложный аромат кабинета, и скрывался под массивным письменным столом, рождающим в мозгу словосочетание "мореный дуб".

Поверхность стола была не просто черной. Это было материальное воплощение идеи черного имени Малевича.

За столом поблескивала мокрым асфальтом карбоновая строгая спинка кресла с металлическими подлокотниками. В свечном свете переливалось бликами название фирмы: "Mansory"*. Два точно таких же кресла стояли перед столом.

Глаза привыкали к темноте, и вот уже в дальнем правом углу проявился силуэт старинных напольных часов а-ля лондонский Биг-Бен, с медно-желтыми цилиндрами гирь за стеклом. На каминной полке угадывался могучий семисвечник. А по правую руку, отраженным огнем камина, горели лезвия многочисленных ножей, кинжалов и стилетов, развешанных на черной замше.

Среди них были и невероятно древние клинки, и сов-

* "Mansory" – тюнинг-овая немецкая фирма по углеводородным корпусам для элитных марок автомобилей: Бентли, Феррари, Ламборгини и т.д. Попутно выпускает самую дорогую в мире офисную мебель.

ременные, любимые бойцами всевозможных спецназов и бандитами всех стран короткие зачерненные ножи, сверкающие тонкой кромкой лезвия. Всех их объединяли ухоженность и готовность к немедленному делу.

Комнату наполнял насыщенный необычный аромат, сбитый из устоявшегося годами запаха прогоревших дров, свечного воска и дыма крепких сигар, причем лишенный табачной застоялости, так свойственной прокуренным комнатам. Несмотря на камин, в комнате стояла комфортная прохлада.

«То, что надо для операционной, – с завистью подумал Миха. – Градусов 22 – 23».

Вечный климакс орущих хирургов заставлял снижать температуру в оперблоке до 18 - 16 градусов. Это вызывало большие проблемы во время операции: больной быстро превращался в сосульку, или на жаргоне "Снегурочку". Снегурочки вели себя взбалмошно и плохо: роняли давление, замедляли резко пульс, а могли и вовсе остановить его. На выходе из наркоза начинали дрожать, как отбойный молоток, и тогда уже давление и пульс зашкаливали. В общем, все неприятности – из-за хирургов!

А спроси хирурга, не задумываясь, скажет, что во всем виноват анестезиолог.

.....

Миха стряхнул лишние мысли, вернул себя к реальности, сосредоточился.

– Господа врачи! – их пока что безымянный хозяин указал на кресла и сел сам первый, подав пример. Произведение дизайнерской автомобильной мысли, волею судеб приобретшее ножки вместо колес, приняло нелегкий груз с молчаливым достоинством. – Присаживайтесь, располагайтесь удобнее. Нам есть о чем поговорить, не так ли?

Эля улыбнулась как всегда открыто и жизнерадостно.

– Надеюсь, – ответил Миха с сухим предубеждением.

Кресла были удивительно удобными. Спинка чутко сле-

дила за каждым движением своего клиента, и казалось, даже предвосхищала изменения позы.

– Ну-с! – хозяин офиса откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди, вздохнул умиротворенно. – Прежде чем мы приступим, говоря медицинским языком, к обследованию, диагностике и последующему лечению, я с удовольствием выслушаю все ваши вопросы, которых, как мне думается, у вас уже накопилось немало, и даже, – подчеркнул он, – на некоторые из них отвечу...

Его глубокий вибрирующий баритон резонировал, заставлял дрожать воздух комнаты, отзывался басами в грудной клетке.

– Не знаю лучшего средства для того, чтобы растопить лед недоверия и неловкость первых минут знакомства, чем хорошая, добрая сигара! – и он улыбнулся, словно кот, вспомнивший о сметане. Одним плавным движением поднялся из кресла и оказался сразу у каминной полки, не скрипнув половицей и не потревожив пламени свечей.

– Не угодно ли сигару? – Колдун обратился только к Михе. – А вам, сударыня, не предлагаю, поскольку вы недавно бросили. "Black Dragon", господин доктор? Гондурас. Отличаются необычайной эстетичностью покровного листа. – Он потянулся к каминной полке и снял с нее сигарный ящик. – Кроме того, ассоциации с драконом будят во мне приятные юношеские воспоминания. – Маг ностальгически вздохнул. – Но не будем тревожить былое. Хочу заметить, господа врачи, к воспоминаниям надлежит относиться с величайшей осторожностью, ибо никогда не знаешь, чем чревато их пробуждение. Но пока довольно об этом!

Он поставил ящик на письменный стол, открыл его, с наслаждением вдыхая крепкий сигарный дух, тотчас ударивший из-под крышки, и развернул его к Михе, уже снова сидя в кресле:

– Какой формат сигар вы предпочитаете в это время дня? Лично я всегда курю только формат Джульетта-2, обычно известный в быту, как Черчилль. Удобнее двойной короны, хотя и того же калибра. Почему-то пользуется популярностью у ортопедов, – недоумевая, покачал головой. – Как анестезиолог, вы, быть может, знаете, с чем это связано?

– Э-э-э... – только и смог выдавить из себя растерянный Мишка.

– Понятно, – отрешенно ответил их странноватый хозяин, склонив голову набок и решая в уме некую, уютную задачку:

– Хотя, если вы не привыкли к сигарам, может, вам лучше попробовать формат Петит Корона, известный также, как Марева?

Маг потрянул головой:

– Впрочем, решайте сами!

И подтолкнул к Михе сигарный хумидор, где, в аккуратном ряду, тщательно отделенные друг от друга прокладками из тонкой рисовой бумаги, лежали пять шедевров сигарного творчества.

– Э-ээ... Огромное спасибо вам, – несколько сумбурно отвел предложение Михе, невольно кося одним глазом на Элю. – Но я тоже бросил курить.

Проклятый Колдун, недоверчиво заломив бровь, прищурился. "Неужели?" – без слов, но красноречиво говорила его мимика.

– Миша! – в голосе Эли появились угрожающие сейсмические нотки, а взгляд, направленный на Миху, приобрел бритвенную кромку.

– Эля, солнце! Я действительно не курю! Мы же так вместе решили, – излишне убедительно зачастил Миша и бросил быстрый умоляющий взгляд на Колдуна. – Ты же знаешь! – он возвел глаза к потолку. – Ну, может, я и сделал пару затяжек за все время, но это всё! Честно!

– Хорошо! – Эля подняла изящный указательный пальчик с коротко обрезанным темно-вишневым ногтем. Увы! Длинные ногти и работа в операционной – понятия несовместимые, хоть плачь! – Временно принимается!

Они синхронно повернулись к Магу. Сами того не замечая, их руки нашли одна другую, и пальцы переплелись.

– Та-ак, – протянул Колдун тоном фокусника, готового раскрыть секреты некоторых, самых примитивных и замшелых трюков перед почтенной публикой, и потер руки:

– Спрашивайте! Кто первый?

Эля, мотнув головой, ринулась в атаку:

– Что с мишиной болью? Что вы о ней знаете? Она приутихла на время или насовсем? Это ваша заслуга?

– А как к вам обращаться? – спросил у Колдуна Миха. – Мне очень неловко, но то ли Нина не назвала вашего имени, то ли у меня уже проявляются возрастные изменения, – он, как бы извиняясь, развел руками, – но имени вашего я не знаю.

– Что вы, что вы! В извинениях нет никакой необходимости. Тем более, что истинного имени я вам открыть не могу – это даст вам определенную власть, сами знаете, надо полагать из книг... не все в них фэнтэзи, кстати. Вы, доктор, обращайтесь ко мне, как сами меня окрестили – Колдун. А вам, доктор, – он обратился к Эле, – больше нравится Маг. Вот и зовите меня Магом! – он довольно потер руки. – Ну-с, с формальным знакомством покончили. Что у нас дальше?

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака изящную сигарную гильотинку, тщательно примерился и обрезал кончик сигары.

– Давайте рассмотрим ситуацию, – он зажег длинную сигарную спичку и начал равномерно обжигать сигару. – Вы, Миша, почувствовали в своей жизни, а потом и в состоянии здоровья некие изменения, которые не смогли объяснить ни простой логикой, ни жизненным опытом, ни профессиональ-

ными познаниями. Тогда у вас, Эля, – кончик сигары засветился идеально ровным красным кругом, и табачное облако окутало всех троих, – впервые возникла идея получить паранормальное объяснение паранормальных явлений. Но вы, Миха, на тот момент были резко против этого, и слышать не желали!

Отсвет сигары переместился лазерной меткой на мишкину грудь.

– Так? – тоном прокурора потребовал ответа Колдун.

– Так! – повинно кивнул Миха, подавив желание добавить: "Вашеблаародие!"

– Но когда началось стремительное ухудшение здоровья, вопрос, обращаться за магической помощью или нет, уже не стоял! – Маг оторвал глаза от сигары, охватив их своим неуловимым взглядом со всех сторон одновременно. – Что же вы удивляетесь, когда человек, к которому вы пришли решить паранормальные проблемы, проявляет паранормальные способности! Разве не так должно быть? Разве не поэтому вы здесь? – сигара вернулась на свое привычное место.

Повисла недолгая пауза.

– Возразить, в общем-то, нечего, – задумчиво протянула Эля, – конечно, так и должно быть. Просто трудно во все это поверить... что все это действительно существует. Рядом с тобой! Подсознательно пытаешься объяснить все это обманом, желанием сшибить деньги на твоих страданиях... Развод лохов, короче.

Голос ее внезапно сел, она замолчала, стараясь дышать ровно, и ненавидя себя за такое публичное проявление своей слабости.

– Простите, – закрыла лицо руками, сморгнув слезы.

Михе до смерти хотелось ее прижать к себе, и самому уткнуться в ее волосы, не сдерживая слез. Нервы за последние месяцы истрепались так, что он, человек с сильной

волей, раскрутивший с нуля миллионный бизнес, начинал задыхаться от ощущения ужаса и неотвратимой беды там, где раньше бы перешагнул через такой пустяк, даже не заметив.

– Ладно, давайте закончим с вопросами, если таковые еще остались, – в голосе Мага проявилось впервые легкое нетерпение, – и перейдем к делу!

Эля, отвернувшись, полезла в сумку за зеркальцем – не потекла ли тушь? – и никак не отреагировала.

– Еще только парочку – и все, ладно? – обаятельно улыбнувшись, попросил Миха, и, не дожидаясь ответа, быстро спросил: – А боль? Боль вы убрали совсем, навсегда? Или...

И замер, не закончив. Эля оторвалась от зеркальца и засыпала, обратившись в слух.

– Хм... Боль... – Колдун задумчиво пыхнул сигарой, будто приросшей к углу его рта, и совершенно не мешавшей ему говорить.

«Он, наверное, и ест с сигарой», – промелькнуло в голове у Михи, и судя по ее взгляду, у Эльки тоже.

– Боль... – Колдун встал, подошел к камину, посмотрел молча на пламя. Вернулся. Постоял чуть, поджав губы, и сел. Посмотрел на клиентов. Они не сводили с него взгляда, затаив дыхание. Тишину прерывали только шорох прогоревших дров в камине, да тиканье часов.

– Вы, наверное, обратили внимание на мезузу на входной двери? – Маг откинулся на слегка скрипнувшую спинку кресла. Его лицо ушло в тень, и только могучий нос не мог никуда скрыться от света, как горный пик на восходе. Отличная иллюстрация к "Носу" Гоголя. Жутковатая, правда.

– Она выполняет свое предназначение – не пускать зло в дом. И делает это, как вы видели, очень эффективно. Проблема в том, что она отсекает зло, преследующее человека, а то, что в него уже проникло, отсечь уже нельзя.

А степень воздействия на вас, господин доктор, очень и очень велика! – в голосе Мага прорезались нотки врача,

напавшего на интересный случай, исход которого для него самого не так уж и важен. – Поэтому я попросил вас постоять над порогом, – продолжил Колдун, подняв указательный палец. – Гейландит! Гейландит прекрасно абсорбирует отрицательную энергию, накопившуюся в человеке в результате порчи, сглаза... Плод относительно низкой черной магии. На вас гейландит подействовал, но лишь частично!

Колдун подался вперед, и его лицо обеспокоенно вынырнуло вслед за носом из темноты:

– Свидетельство хорошо организованного, массивного продуманного воздействия. Черная Магия значительно более высокого уровня, чем порча, насланная городской ведьмой. Так сразу, с кондачка, диагноз не поставишь. А боль – это один из симптомов, говоря вашим профессиональным языком. Вы получили лишь симптоматическое лечение, ну скажем, как "акамол" снижает температуру, а "оптальгин" снимает головную боль. Саму же болезнь, прежде чем лечить, надо диагностировать. Для этого нужно пройти обследования...

– Какие такие обследования? – озвучил их общую мгновенную настороженность Миха.

– А для того, чтобы составить план обследования, как и в медицине, необходимо начать с анамнеза, уважаемые господа врачи! – оставил Маг их вопрос без ответа. – Да-с! Анамнез, история заболевания, основа основ, вам ли этого не знать! – он откинулся на спинку кресла, пыхнул сигарой, приглашая к беседе:

– Ну-с, начнем?

Миша кашлянул, прочистил горло, готовясь начать рассказ, открыл рот и...

.....

Пространство над столом Колдуна взорвалось разноцветьем красок! Они обрушились все сразу, возникли из ниоткуда. (Хотя у Эльки в этот момент словно пронесся, про-

шелестел, ветерок в голове). Они клубились разноцветными вязкими шариками, похожими на шарики мороженого, сталкиваясь, но не смешиваясь, не сливаясь один с другим. Будто кто-то подвесил в воздухе над столом огромный прозрачный вафельный конус.

Эля стиснула Мишкину руку. Ногти впились в его кожу с такой силой, что проступила кровь. Он даже не обратил внимания, зачарованно приоткрыв рот, не отрывал глаз от удивительного зрелища. Колдун подался вперед, нос вытянулся хищным клювом, на лицо упал разноцветный свет, разукрасив его в боевую маску.

– Вот он – ваш первый цвет в этой стране, господин доктор!

У Михи первой краской проявилась темно-красная, загустевшая от времени, похожая своим цветом на старое, доживающее свой век вино.

– Так, так, – Колдун бережно окунул кончик пальца в клубящуюся над столом широким конусом, как в бокале без стенок, краску. Осторожно приложил к языку, прислушался к своим ощущениям. – Полностью зарубцевавшаяся первичным натяжением всех чувств, и в первую очередь чувством горькой обиды, глубокая многолетняя рана. Такие рубцы оставляет после себя односторонняя, беспощадно изнасилованная второй, равнодушной стороной, любовь.

Он уважительно поднял брови, посмотрел на Миху:

– Поверьте моему опыту, очень часто нанесенные столь мощным хищником раны не заживают! Жертва постепенно истекает энергией, чахнет... – он возвел глаза к небу, вздохнул и вновь всмотрелся в разноцветную колбу.

– Госпожа доктор! – Маг бросил на Элю быстрый, удивленный взгляд. – И у вас цвета зажившей тоски, горечи, униженной, растоптанной любви! Оч-чень интересно, – сказал он знакомым всем врачам тоном профессора, наткнувшегося на любопытный клинический случай.

Левая рука широко и плавно взмахнула влево, а правая – вправо. И невидимая колба лопнула, и шарики стремительно полетели от одной ладони к другой, все быстрее и быстрее, пока не слились в одну многоцветную струю, словно у непревзойденного жонглера.

Опустошенность и страшная горечь первых браков, долгий шлейф тоски и печали. Целеустремленность и желание вырваться из нищеты бурлят цветом кипящих струй. Светлые краски желания покоя и общечеловеческого благополучия. Бурые тона тяжелого чувства. "Теперь моя очередь быть любимым!".

Маг качнул головой – нехорошие краски, обоюдоопасные. Тихие спокойные тона безмятежной семейной жизни во втором браке. Все это летело от одной руки Колдуна к его второй руке, быстрее и точнее слов наполняя кабинет историями их жизнью.

Спокойные темно-голубые тона – такие дает уверенность в поддержке, спине за твоей спиной. Но просвечивает через них бурый фон, не исчез никуда.

«Ага! – кивнул сам себе Маг. – Вот и первые предвестники на горизонте, еще еле заметные даже моему глазу, а господам врачам и подавно».

Сине-черный оттенок. Власть денег. Страсть "ЕЩЁ!" – одна из самых сильных, если в жизни пусто. Вот так! И вот уже "моя очередь быть любимым" несется белкой в колесе, рабом всего окружения. Окружение оделось в ядовито-зеленые тона – цвета владельцев, феодалов.

Темные цвета пренебрежения бывшим кумиром все гуще и гуще из фона проступают на первый план, замещают медленно и верно многоцветную палитру монохромом. Багровый цвет мщения начинает преобладать, бывший кумир уже не тот добытчик, уже мы сами с усами, уже мы можем его пнуть, стоит нам лишь захотеть...

"Акела промахнулся, – хмыкнул Колдун, изумленно

покачал головой. – Великий Творец, как же у них все схоже в жизнях. Как будто в зеркало глядят! – спохватился. – Чему ж тут удивляться – посему сочли необходимым их соединить".

Все сильнее грязно-серые оттенки в жизни госпожи доктор – хорошо запрятанная злость стягивает, давит, не дает дышать. И на всем протяжении – энергия уходит из них потоком, хлещет без меры, питает их окружение, им не дают восстановиться – истощение потенциала хорошо заметно.

Колдун пожимает плечами – ничего нового, известный факт. Иного и ожидать не приходится.

Все неприятнее цвета, угрюмей оттенки – цвета измены, алкоголя не несут света. И зреет, зреет месть, ее багровый цвет еще прячется под тонами жизни, отчего похож оттенком на кожу мавра.

Стремительными, как орбиты электронов, витками несутся разноцветные ленты вокруг неподвижных рук Мага, словно Парка с ее необыкновенной пряжей.

Так, так! Вот и золотистые цвета вдруг вспыхнувшей, словно гром с небес, любви... Маг хмыкнул своим мыслям – так оно, конечно и было. Здесь бушует всеми цветами темной радуги скандал признания... Ага! Вот он, момент нанесения удара! Мгла смертного проклятия. Умелого, мастерски и в правильное время наложенного и хорошо зафиксированного проклятия.

Он несколько расслабился, откинулся на спинку кресла, окутал себя плотным облаком дыма после хорошей затяжки и стал похож на самодовольного чеширского кота, если, конечно, в природе встречаются чеширские коты с мощными библейскими носами.

Поверхность стола престала играть всеми красками мира и вернулась к воплощенной в материи идее черного.

– Так, так, – задумчиво пробурчал себе под нос Колдун, побарабанил пальцами по столу, поднял на них глаза:

– Скажите-ка, уважаемые господа врачи, не случилось ли

вам в последнее время испытывать какие-либо, – он неопределенно пошевелил пальцами, – странные ощущения?

– Только их и испытываем, – скривился Миха, – после того, как проткнули мне глаза, извините, – поправился он, – я хотел сказать, не мне, конечно, а мне на моих фотографиях. То есть... вышло, может, и неуклюже, но вы меня поняли?

Колдун усмехнулся:

– Забудьте эти детские выходки!

– Детские? – вспыхнул Миха. – Да если бы вы там были в этот момент...

– Что вы, господин доктор! – примирительно выставил Колдун перед собой руки и улыбнулся. – Я несколько не умаляю злобы и черноты этого действия, – он брезгливо переделнул плечами:

– Я лишь хочу сказать, что действительность намного страшнее этой пародии на ритуалы вуду. Но об этом позже, прошу вас. Я имел в виду нечто иное. А именно, изменения в обстановке, в восприятии внешней, так сказать, среды.

Они переглянулись. Элька бросила на Миху взгляд, полный сомнения: "А стоит ли об этом говорить?".

Мишка кивнул в ответ: "Думаю, да. А что нам терять?"

И повернулся обратно к Колдуну:

– Ну... кое-какие вещи нам действительно показались странноватыми, – и замялся.

– Например? – Колдун благожелательно кивнул, приглашая к откровенности.

– Мы как-то относительно недавно возвращались с Юга...

.....

Стояла летняя, подчеркнутая обилием звезд, средиземноморская ночь. Они возвращались с Юга страны в ее Центр. Звучит это намного грандиознее, чем – их вейсс! – есть на самом деле. Сотня километров в один конец – вот и вся дорога. Ехали, болтали о чем-то, благо поводов для разговора хватало. Но больше, конечно, присматривались друг к другу.

Присматривались... слово звучит настороженно, с толикой недоверия. Именно так оно и было. Даже привычек друг друга не знали. Их просто взяли, пнули под зад и выбросили на необитаемый остров.

Одному за пятьдесят, а другой под пятьдесят! И смех и грех! Вот в таком духе и протекала поездка.

Вдруг они оба крикнули одновременно друг другу: "Смотри!"

Черное небо прочертил голубой длинный след, с искрой падающей звезды на своем шпиле. Поделил небо на две идеальные половины. Длинный, длинный замирающий след, сверкнувший голубым алмазом. И звезда умерла за горизонтом.

Скорость резко упала, и машина старчески плелась по пустынной дороге – Мишка убрал ногу с газа, загипнотизированный зрелищем.

– Господи, как красиво! – прошептала восхищенная Эля. – В жизни не видела ничего подобного! А ты? – повернула распахнутые, отливающие блеском ночи глаза к Михе.

– Вау! – сказал Миха, понимая с отчаянием, что его Ай Кью стремительно теряет высоту в глазах Эли, но других слов почему-то у него не нашлось, и от этого осознания он отчаянно воскликнул вновь: – Вау!

Но сразу забыл об этом. Потому что прислушался к дороге. Удивленно поднял брови. Прислушался снова. Оторвал взгляд от ленты шоссе, посмотрел на Эльку:

– Слышишь?

Элька вопросительно посмотрела на него, Миха кивком указал на дорогу. Она склонила голову набок, помолчала, прикусив губу, и через несколько секунд вскрикнула по-детски восторженно:

– Ой, шины шуршат, как... как опавшие листья!

– Угу! Тоже заметила? Значит, мне не показалось!

Шуршание шин, собственно говоря, прекратилось, они

теперь пели удивительно приятно и успокаивающе.

Элька толкнула Миху локтем в бок:

– Ты тоже это чувствуешь?

– Наверное, да! – обалдело крутил головой по сторонам Мишка.

Дорога колыхалась еле заметно, но совершенно очевидно подвешенная в воздухе. В круглом тоннеле с прозрачными стенами, сотканными из пространства. И пение шин, и само пространство, которое вдруг стало одушевленно дружелюбным, и спокойное колыхание подвешенной в пустоте дороги рождало новое, никогда прежде не испытанное чувство.

Элька откинулась расслабленно на спинку сидения, голова откинулась на подголовник, склонилась набок, к Михе:

– Теперь ты понимаешь подлинный смысл избитого выражения "снизошла благодать", или "ниспослана благодать"?

Миха расслабиться не мог – кто-то же должен вести машину! Но блаженство неизъяснимое ощущал в полной мере.

– М-м... – промычал он, с наслаждением вдыхая приятный свежий воздух. – Никакой травы не надо.

– Скажешь тоже! – лениво поморщилась Элька, и добавила с пренебрежением: – Трава! Это намного сильнее травы! Воистину благодать... а что ты такой сосредоточенный?

– Думаю, – коротко бросил он. – Должен же кто-то в семье думать.

– Да-а?! – оживилась Элька. – И много успел надумать?

Мишка был переполнен ассоциациями, мыслями, возникшим с пронзительной ясностью пониманием истинного смысла некоторых истертых, заношенных в быту поговорок. И все это вырывалось одновременно, стоило только ему открыть рот, и прозвучало как:

– Оыыуу... – стон голодного олигофрена, находящегося по своему умственному развитию где-то между имбицилом и Цеденбалом.

– И это все? Негусто! – сокрушенно констатировала Элька с грустным вздохом.

Мишка вильнул рулем, бросил машину на обочину и одновременно с визгом тормозов уже трясся от неукротимого смеха, уронив голову на баранку. Рядом с ним безудержно хохотала Элька. Наконец приступ смеха прекратился, пережив пару коротких реинкарнаций.

– Так о чем все-таки мыслил?

Смех еще попытался прорваться блуждающими улыбка-ми, был подавлен Элькой, но не сдался, а замаскировался и притаился в уголках ее глаз.

– Скажи, Элька, вот в чем ты видишь смысл слезливой, пошловатой от затасканности фразы "браки заключаются на небесах"?

– А ты увидел ее истинный смысл? – иронии в ее голосе не было.

Он кивнул, первый раз неопределенно, а потом уверенно:

– Да. Это ведь только первый слой: слезы умиления на глазах родителей, Мендельсон, шампанское и пухлые ангелочки с фарфоровыми щечками, улыбаясь, смотрят на молодую пару с небес.

Он покачал головой, не отрывая взгляда от ленты дороги, подвешенной перед ними в пространстве:

– Не-а... это, дамы и господа, не есть правда. Вот когда Небесная Канцелярия долго рассматривает жизнь мужчины и жизнь женщины, принимает решение их соединить – только тогда проступает истинный смысл. Их хватает необоримая сила, рушит всю их прежнюю жизнь, сталкивает их вместе - и всё! Их согласия, в общем-то, и не требуется. Вот это и есть настоящий, заключенный на небесах брак! Вот в чем истинный смысл затасканного выражения.

Эля промолчала, не ужалила язвительной шуткой – привет от Бернарда Шоу! – и не сыронизировала в ответ – не сегодня, Оскар Уайльд! – просто сказала:

– И расторгнуть его можно только там же – в Небесной Канцелярии.

А еще через пять минут прозрачные стены из закольцованного пространства исчезли, и дорога вернулась на землю.

– Наверное, это все выглядит странным и совершенно не имеющим значения. – Миха опустил глаза вниз. Ему было стыдно, человек со стороны наверняка посмотрит недоуменно: "Ну и что же ты хотел этим сказать?" и в лучшем случае подумает, что ты невротик, а в худшем – просто псих.

– Но это ощущение надо пережить, чтобы понять, – Мишка развел руками. – Мне просто не хватает слов, чтобы передать...

Колдун кашлянул, выпрямился в кресле:

– Уверяю вас, все в порядке! Мне все абсолютно понятно, и мне ваш рассказ представляется крайне важным и полезным! Скажите, вы связываете с чем-либо эти изменения в... э-э... в восприятии внешней среды? Стресс? Нервное потрясение?

– Знаете, мы весь этот период находились в состоянии, – у Эли дернулся уголок рта, – перетянутых струн. Как не лопнули – сами не знаем. Так что нервное потрясение присутствовало.

– Присутствовало? – усмехнулся Миха. – Оно и присутствует постоянно. Куда оно денется.

Элька ничего не ответила. Вздохнула неопределенно.

– Простите, – обратился Миха к Колдуну, – вам мой... наш рассказ что-нибудь дал?

– Безусловно! – ответил Колдун, и его монументальный нос подтвердил его слова решительным кивком. – Дал, и дал немало. Припоминается еще что-нибудь подобное?

– Боюсь показаться совсем ненормальным, – Миха почувствовал, как начинают гореть его щеки. – Да, Элька? Буквально пару недель назад я вышел на наш балкон, балкон нашей съемной квартиры, я имею в виду. И, знаете, такое

странное чувство, похожее на внезапно налетевшее, стремительное головокружение, мгновенно прошедшее. Схватился за спинку стула. И вдруг...

Он запнулся. Улыбнулся Эльке:

– Горизонт словно раздвинулся, стал шире. Как будто наш дом вырос. Я позвал Эльку...

– Да, – кивнула Элька. – Я выскочила на балкон – думала, ему стало плохо. И могу подтвердить – это не бред. Или же, если хотите, бред коллективный, индукционный. Такое тоже встречается в медицине. Да, горизонт распахнулся, воздух вдруг стал прохладнее, а краски вокруг – ярче. Уж думайте о нас, как хотите.

– Мое мнение о вас совершенно не изменилось, – сказал Маг, широко улыбаясь. – Можете припомнить, а что предшествовало этим странным изменениям пространства?

– Ну, джойнт я не курил, кокаин не нюхал, – Миха развел руками, – водку пил последний раз – уже и не вспомню...

– Абсолютно в этом не сомневаюсь! – улыбнулся Колдун. – Я имел в виду, не было ли перед этим радостного или, наоборот, тягостного события?

– Ну, радостного ничего не припомню, – угрюмо фыркнул Миха. – А вот крайне неприятный разговор с моей бывшей, да, был. Крайне неприятный.

– Так, так, – Колдун соединил пальцы домиком на груди и удовлетворенно откинулся на спинку кресла, устремив алчущий взор на сигарный ящик.

– У вас есть диагноз? – нетерпеливо вмешалась Элька.

– Госпожа доктор! – Маг укоризненно посмотрел на нее. – Немного терпения, прошу вас! Вам для постановки диагноза бывает достаточно одного анамнеза?

Эля посмотрела пристально в глубь кабинетного мрака, ничего не ответив.

– И нам, в нашей профессии, также его недостаточно, – посчитал Маг ее молчание за согласие. – Необходимы

дополнительные обследования. Надеюсь, в вашем случае, будет достаточно одного, – уточнил он после короткого раздумья. – И начнем с анализа воспоминаний. Да! – продолжил он, все больше воодушевляясь. Элька коротко и настороженно посмотрела на Миху. Может, все-таки, псих?

"Не знаю, что и сказать. Все может быть", – говорил его ответный, не менее настороженный взгляд.

– Именно, с анализа воспоминаний! – продолжал с энтузиазмом Колдун, от которого, несмотря на научную увлеченность, обмен взглядами не ускользнул:

– Это высоко диагностический метод. Специфичность – девяносто шесть процентов, почти полное отсутствие ложноположительных результатов. Золотой стандарт современной белой магии! – Колдун оптимистично улыбнулся. – Возможно, больше ничего и не понадобится. Впрочем, это я уже говорил.

Он повысил голос:

– Нина!

Дверь распахнулась мгновенно. Нина влетела в комнату, умудряясь проделывать одновременно столько действий, что показалась живым олицетворением древнего многорукого божества Шивы: смахнула по дороге с каминной полки пыль перьевым веничком; с улыбкой попросила гостей встать с кресел, которые, несмотря на их немалый вес, уже и подхватила одной рукой; второй рукой придала сигарному ящику идеальную параллель столешнице; выхваченные из-под оторопевших врачей кресла уже исчезли в совершенно темном, дальнем и невидимом углу кабинета (оттуда немедленно послышались шорохи и негромкое металлическое позвякивание); из неизведанных глубин кабинета были извлечены, и с невероятной быстротой расставлены изголовьями к письменному столу два металлических ложа, в стиле "невероятный модерн", отстоящие на метр одно от другого.

Ультрасовременность: сталь, хром, кожа, продуманная

эргономика. Совершенно необходимый в деле перераспределения денежных потоков, сверкающий никелем рабочий инструмент психоаналитика.

Не успели они опомниться от этого урагана под именем "Нина", пронесшегося по комнате, как дверь за ней захлопнулась. и в кабинете воцарилась изумленная тишина. Колдун был явно доволен произведенным эффектом, сопроводившим смену декораций.

– Это что, некий гипноз, этот ваш анализ воспоминаний? – с некоторой брезгливостью осведомилась Эля, пристально рассматривая "ложи" с выражением на лице: "а не прокрустовы ли они?"

Гипноз в ее представлении ассоциировался с ярмарочным балаганом и грязным халатом цирюльника.

Лицо колдуна окаменело, а его взгляд ловчей сетью охватил Элю, и, как ей показалось, на долю мгновения приподнял её в воздух.

– Я позволил себе нечто, что опустило меня в ваших глазах на уровень циркового шута? – холодно поинтересовался он.

– Упаси Господь! – Эля расцвела в улыбке, заглаживая свой ляп. – Конечно же, нет! Это я не смогла подняться выше уровня циркового клоуна!

– Ничего общего с гипнозом! – несколько оттаял Маг, все еще продолжая обращаться только к Михе. – Мы просто вызовем к жизни ваши воспоминания. Последовательно, начиная с исходной точки. Вы не просто прочувствуете их заново – вы их заново проживете, но при этом будете отчетливо осознавать, что это воспоминания. И изменить в них что-либо вы бессильны, хотя вам, безусловно, этого в иные моменты и захочется... Мы будем скользить по ним вперед и назад, возвращаясь по необходимости в не самые, возможно, светлые моменты вашей жизни, и прокручивать их вновь и вновь, сколько потребуется для диагноза.

Колдун прервался, отбил в раздумье пальцами короткую дробь по столешнице:

– Это далеко не всегда приятно – проживать заново свои воспоминания, – грустно добавил он, и впервые за все это время его взгляд собрался в одной, бесконечно удаленной точке. – И часто – мучительно. Постарайтесь к этому подготовиться. И учтите! В воспоминаниях каждого из вас мы все будем присутствовать. Иногда может быть очень стыдно. Будьте к этому готовы тоже.

Он усмехнулся, и добавил:

– Если сможете... помните, от вас в ваших воспоминаниях ничего не зависит. Управляю обследованием я. Все остальные разъяснения будут даны уже в процессе. Вопросы?

– Возможны осложнения? – Эля перешла на профессиональный тон. Подошла ближе, незаметно надавила коленкой на матрас – не жестко ли, критически прищурилась.

– Да, возможны, – кивнул Колдун. – Анализ воспоминаний – это, если говорить языком медицины, инвазивный метод обследования. Скажем, как катетеризация сосудов сердца: есть риск прорвать артерию, или вызвать нарушения сердечного ритма, правильно?

"Правильно", – молчаливым кивком согласились врачи.

– Так и здесь: переживание воспоминаний. Вдумайтесь! Пережить, это значит прожить заново, вновь, оживить травмирующий разум момент. Психика может не выдержать такого удара: нервный срыв, депрессия, шизофрения. Частота таких осложнений, согласно литературе, составляет от 0,1 до 5%.

Колдун отпил глоток воды из незаметно возникшего в его руке стакана, и продолжил лекторским тоном:

– Организм может отреагировать резким выбросом адреналина, а значит, скачком давления, нарушениями сердечного ритма. Частота смертельного исхода 1-3 на тысячу обследований.

– Вот, пожалуй, и все из, так сказать, группы "больших осложнений", – Колдун задумчиво почесал нос. – Был, правда, описан случай раздвоения личности в "New England Journal of Magic"* за 2010 год. Но это, скорее, курьез. Метод доказал себя как достаточно безопасный, надежный и практически свободный от осложнений.

– Как вы сказали: "New England Journal of Magic"? – весело удивилась Эля. – Это что, такой научный журнал? Никогда не встречала, даже в интернете не натыкалась!

– Конечно, нет! – впервые за все время рассмеялся Маг. – И не наткнетесь! Это очень закрытая периодика. Только для узкого круга посвященных.

– Ой, как интере-е-сно! – кокетливо заворковала Эля, стрельнула глазками по методике института благородных девиц: "в угол, на нос, на объект", заставив Мишку досадливо нахмуриться. – А нельзя ли полистать? Это та-ак любопытно! – сладострастно пропела она.

– К моему большому сожалению, совершенно невозможно, – вежливо, но абсолютно твердо отшел Маг, не оставляя ей никаких шансов на успех: – Полистаете, – не дай Бог! – еще запомните что-то, и такого натворите! Нет уж, увольте!

– Эля! – она хорошо знала эти интонации в голосе Миши, и когда они появлялись, всегда уступала, отступала. Не потому, что боялась, а потому, что любила и не хотела злить, заставлять нервничать. – Хватит, ладно?

– Хорошо, мась! – она кротко потупилась, надула картинно губки, посмотрела на Мишку и весело хихикнула.

Мишка возвел глаза к небу, но не выдержал и подмигнул ей в ответ.

"Ну, ты и жопа!" – читалось в его взгляде.

– Скажите, пожалуйста, – обратился он к Колдуну, – вы называли большие осложнения. А малые осложнения? Побочные явления метода?

* По аналогии с New England Journal of Medicine – одним из ведущих мировых медицинских журналов.

– Из релевантных, к которым я отношу те, что действительно могут случиться, я бы назвал легкую агорафобию – 1%. В 0,5% случаев возникает стойкий страх полетов. На протяжении обследования могут возникать повторяющиеся эпизоды тошноты и головокружений, особенно при слабом вестибулярном аппарате.

Задумчиво запорокинул голову, поморщил лоб с минуту, пожал плечами:

– Вот, пожалуй, и все!

Миша с Элей нервно переглянулись. Обследование начало приобретать мрачноватую окраску.

– А профилактика? – спросил Мишка вдруг осевшим голосом. У него начиналось головокружение от одного только взгляда на карусель. – Профилактика побочных явлений существует?

– Да, да! – с надеждой поддержала его Эля. – Какие-нибудь магические средства?

– Конечно! – успокаивающе пророкотал Колдун, и повысил голос: – Нина!

На этот раз в дверь тактично постучались.

– Можно? – в комнату заглянула Нина с изящным серебряным подносом в руках.

– Прошу вас, Нина! – разрешил Колдун.

Нина скользнула в комнату, виртуозно управляясь одной рукой с подносом, второй – опп-ля! – извлекла откуда-то из темноты металлический низкий медицинский столик и аккуратно водрузила на него поднос. Звякнули бокалы с водой, на блюде, наполовину накрытом салфетками, лежали несколько обычного вида таблеток. Присмотревшись, Миха увидел, что это никакие не салфетки, а банальные гигиенические пакеты компании "Эль-Аль". В животе тоскливо заныло.

– А что это? – указала Эля пальчиком на стаканы и таблетки. – Как в "Алисе в стране чудес"? "Выпей меня"? "Съешь меня"?

– Вы, однако, шалунья, госпожа доктор, – в тон ей ответил Маг. – Все совершенно по науке. Это хорошо известные вам, доктора, прамин и зофран. Достаточно эффективная профилактика тошноты и рвоты. Как и указано на упаковках. Прошу вас!

Широким жестом гостеприимного хозяина он указал на поднос.

Эля и Миха покорно приняли таблетки, запив их водой.

– А теперь, прошу вас, прилягте.

Интонации голоса Колдуна напомнили Михе самолет: "Займите свои места и пристегните привязные ремни".

Кушетки оказались удивительно удобными, физиологичными.

У Михи даже понемногу стало отпускать поясницу.

– Предполётный инструктаж, – сказал Колдун с явной иронией.

"Черт! Прямо мысли, блин, читает!" – мелькнуло в голове у Михи.

Маг вышел из-за стола и стал у изножья кушеток.

– Слушайте внимательно! Путешествие по воспоминаниям – это не детская прогулка. Воспоминания каждого из нас – это целый мир, в котором все наше прошлое, вся наша жизнь, сосуществуют одновременно. Это обособленный поток высоких энергий, текущих в нашей душе. Этот поток окружен защитным барьером, не дающим воспоминаниям постоянно проникать в наш мозг. Иначе бы мы жили только прошлым, не так ли? С другой стороны, без осознания прошлого нет и будущего. Поэтому в барьере есть энергетические ворота, каналы, подобно рецепторам на мембране клетки.

Каналы реагируют на импульсы разума, которому для анализа ситуации надо знать, сталкивались мы уже с аналогичным случаем в нашем прошлом, или нет. Нужные

воспоминания проходят через барьер в мозг. Наш разум на их основании строит модель поведения.

Колдун сделал паузу:

– Пока все понятно? Повторить?

– Нет, нет! Продолжайте, – поторопили они Колдуна, глаза зажглись интересом. – Все ясно!

– Очень хорошо! Характер импульса, нужный, чтобы открыть то или иное воспоминание, пока не ясен. Очевидно только, что он определяется соотношениями позитивных, отрицательных или нейтральных энергий для каждой конкретной ситуации.

Колдун на мгновение прищурился, стараясь упростить материал, подобрать доступные объяснения.

– Барьер, сдерживающий наши воспоминания, имеет точки открытия, обмена энергией и с окружающим нас единым мировым энергетическим пространством. Дадим ему, для удобства, ни к чему не обязывающее название "эфир". Оно и вновь вошло в моду, и звучит научно, и ничего не объясняет. Словом, всем "класснющее" название.

Он весело подмигнул Эльке. Короткая юбка довольно высоко открыла бедро, но Элька заслушалась и не видела, как Мишка строил ей "страшные" глаза.

– Вы, в отличие от нас, не можете ни видеть, ни даже представить себе его красоту. Это разноцветье переплетающихся лучей, потоков и морей энергий, сливающихся в единый океан! И, как мировой океан, эфир наполнен мощью и силой, в нем заложены источники и жизни, и всей магии.

Он запнулся, глаза, которые из темных стали вдруг голубыми, потемнели вновь, а голос вернул обычную твердость.

– Эта информация нам не понадобится. Хотя, окунувшись в свои воспоминания, вы получите отдаленное представление о красоте эфира. А вот что вам нужно знать! Эфир – это особый мир. Мир в себе. И в нем обитают разные сущности.

Их нельзя назвать живыми существами в вашем понимании. Это некие виды самоорганизующейся энергии, которым для поддержания их формы существования требуется внешняя подпитка. Некоторые из них в качестве корма используют энергию растений, некоторые – животных, а некоторые – энергию воспоминаний.

Он на секунду прервался, подбирая к мыслям слова.

– Я их называю "мыслеблохи", – продолжил Колдун. – Они могут активировать рецепторные связи энергетического барьера. Высвобождаются случайные отрывки воспоминаний, и мыслеблохи питаются энергией эмоций, вызванных при этом у человека.

Пауза. Маг старался подобрать наглядный пример.

– Укусы мыслеблех люди испытывают на себе постоянно, но даже не подозревают об этом. Вас никогда не посещало абсолютно неподходящее, совершенно не к месту и не ко времени воспоминание? Правда ведь, бывает, и нередко? Это и есть укусы мыслеблех. Сами по себе вреда причинить они не могут. Барьер устроен прочно, и от блох есть защита, да и не только от них... Пропустит коротенький кусочек воспоминания и закроется, отсечет блоху. Хуже, когда барьер ослаблен! Как это бывает при депрессии, нервном истощении, усталости – вот тогда он плохо отсекает блох. Человек уходит в воспоминания, живет только прошлым.

Колдун остановился и посмотрел на своих... пациентов? Они смотрели на него заворуженно. В глазах светилась работа мысли, постоянного анализа информации,

Но он видел и многое другое: заостренные черты лица, запавшие глаза, веки, опухшие от постоянных слез, губы в следах укусов в попытках сдержать стон от терзающей при каждом вдохе боли. Он видел и постепенную утрату веры в спасение, и прорывающее через макияж куража смирение перед неизбежностью.

Потерять две Божьи Искры, объединенные в пару?! Нет, этого он допустить не может! Магический удар был нанесен, несомненно, умело, но не это важно! Мало кто мог ему противостоять в искусстве противоудара. Удар был нанесен давно – вот в чем беда. Энергетический распад зашел далеко... Ничего! Он сможет остановить и развернуть процесс!

Колдун тряхнул головой, рассеивая ненужные мысли, и продолжил:

– Еще хуже, когда защитный барьер прорван магическим ударом, то есть, сглазом, порчей, вуду, простым проклятьем. Эти воздействия парализуют рецепторы каналов отрицательных энергий, оставляя их все время в открытом состоянии, и они зияют, не в состоянии закрыться. Что же происходит? Тяжелые отрицательные воспоминания сплошным потоком льются в мозг, парализуют способность действовать, принимать решения.

Дыры в барьере привлекают полчища мыслеблех. Они облепляют жертву и сосут из нее энергию... вместе с волей к жизни.

Колдун грустно покачал головой. Складывалось впечатление, что это нос качнулся из стороны в сторону, увлекая за собой лицо:

– А дальше два пути: либо тяжелейшая беспросветная депрессия и суицид, либо просто депрессия и неизлечимые соматические болезни.

В комнате повисла тяжелая тишина. Колдун вернулся к столу:

– Глаза лучше закрыть, хотя и не обязательно – поможет уменьшить головокружение...

– А вы – что, ни к чему меня не подключите? – встревожился Миха.

– Простите? – удивился Маг. – А-а! Вы имеете в виду разные кабели, электроды, всю эту электронную всячину?

Он брезгливо поводил руками в воздухе, обозначив свое отношение к современной технике.

– Да, в общем-то, – согласился Миха.

Колдун улыбнулся:

– Нет-нет! У меня все – как бы это сказать? – Wireless... Беспроводное.

Он постучал себя пальцем по лбу:

– Все здесь! Это вся моя аппаратура... Готовы?

– Извините! – Эля приподнялась на локте. – А почему мы – Божьи Искры? Что это – Божья Искра? – вдруг, невпопад, спросила она.

– Почему вы Божьи Искры... – хмыкнул Колдун и развел руками. – Этого ни я, ни кто иной вам не скажет! Пути Творца неисповедимы... А что такое Божья Искра, точнее, кто такие Божьи Искры... – он впервые посмотрел им прямо в глаза. Они вздрогнули. Ожившая древность смотрела на них глазами Воина, – ...я вам, конечно, объясню. Но это будет легче понять после Анализа Воспоминаний.

Взгляд его закружился вокруг них веселым, лукавым вихрем:

– Нина!

Нина впорхнула в комнату, не успело еще отзвучать ее имя, подскочила к своим подопечным. Подмигнула:

– Пристегнем привязные ремни!

Из-под лежаков Нина шустро вытянула прикрепленные к ним ремни и с ловкой быстротой туго затянула широкие, закрывающие полгруды ремни, подергала пряжку, проверив ее надежность.

– А то, знаете ли, некоторые вскакивали с испугу, и вывих суставов, а то и перелом обеспечен. Имеется некоторый опыт, – бормотала она.

Заботливо все осмотрела, прихватила поднос и исчезла.

– Поехали! – задорно, по-гагарински выкрикнул Колдун. – Добро пожаловать в воспоминания доктора Михи!

.....

Можете представить себе звук лопнувшего мыльного пузыря? Только не обычного, оторвавшегося от детской выдувалки, а величиной с небольшой аэростат? Это должен быть довольно веселый, но оглушительный ба-бахх, заполняющий все вокруг лихим звоном и разноцветной мыльной кожурой! Вот именно с таким звуком комната ухнула в никуда и понеслась пьяным вертолетом во все стороны одновременно.

Желудок Миши заполошно заметался – кто-куда! – и уверенно устремился к горлу.

– А-а-а! – мысленно заорал Мишка. – Убью, суки!

Впрочем, кто были эти суки, которых он будет убивать, Мишка и подумать не успел, как провалился в наполненную алмазными переливами света пропасть...

.....

Тишина... Ощущение легкости? Нет, не легкости, а полета. Бесшумного полета. Парение? Да! Миха понял, что он парит с закрытыми глазами в безграничном пространстве, в полном одиночестве и безо всякой опоры под собой... Без опоры?!

В груди заглохло, и Миха рванулся, не зная куда, лишь бы прекратить это ощущение нескончаемого падения. Что-то крепко надавило на грудь и отбросило назад. "Господи, это же ремень! – догадался Мишка. – И значит, лежу я по-прежнему на кушетке – слава Богу! – в кабинете Колдуна!".

Эта мысль приободрила его и придала уверенности. Мишка решил открыть глаза.

«Вау!» – прозвучал в голове сочный голос американской рекламы. Он парил в центре бесконечного, радужного пузыря, переливающегося мозаикой цветов и оттенков. Все это пространство беспрерывно вибрировало, хаотично двигалось, мельтешило, дрожало. Оно было живым, но жизнь эта была какой-то механической, заученной.

Миха присмотрелся и понял.

«Твою мать! – потрясенно ахнуло у него в голове. – Это же вся моя жизнь!»

И в ту же секунду на него с грохотом обрушилась невероятной какофонией, мешаниной звуков вся музыка, которую он успел услышать за всю свою жизнь, хотя бы и случайно, хоть краем уха, из проезжающих автомобилей, из соседского магнитофона, из окон ресторанных вечеринок. Весь накопившийся за жизнь плач и смех загremел в ушах.

Все это зазвучало одновременно, сотрясая мозг.

Миха открыл рот, чтобы закричать, перекричать этот рев.

Но застыл с открытым ртом. Он увидел свою жизнь.

Увидел ее всю, сразу, не как в кино, а все её события, вехи, поступки, моменты и моментики, всё сразу и всё вместе. Все победы и поражения. Все поцелуи и все скандалы. Все горе, счастье, радость и боль в единой, ставшей ядовитой, смеси.

Миша понял, что он задыхается, его разум отступает, распадается под бешеным натиском воспоминаний.

И тут его захлестнул Запах. Все запахи, начиная с нестерпимой вони разложившихся трупов, которых он препарировал студентом на судебке, и заканчивая ароматом последнего, купленного им в duty free Московского аэропорта одеколона «Hermes – Voyage». Вся нескончаемая палитра запахов в одном флаконе безумного Парфюмера.

Голова закружилась, в глазах стремительно темнело. «Я умираю», – только и успел осознать Миша. Перед веками полыхнула багровая вспышка.

.....

Тишина... Покой... Стерильно чистый воздух. Миша смог приоткрыть глаза. Он лежал на своей кушетке в пустом центре пузыря, по радужной мыльной поверхности которого неслись неслышно смутные образы его жизни.

Рядом с ним стоял Колдун... стоял?! Разве здесь можно стоять?!

Мишка опустил взгляд. Внизу простиралась гладкая поверхность, похожая на матовое зеркало. Всем надежный на вид, крепкий пол, за одним исключением – при каждом движении по нему разбегались круги, как по воде.

– Где Эля? – первая мысль, и сразу вторая, тревожная. – Что с ней?

Мишка рывком приподнял голову. Ремень не дал ему сесть, он смог лишь слегка приподняться на локтях. Эля сидела справа от него на своем лежаке. Руки сжаты в кулаки, прижаты ко рту. Черные дорожки туши, как у грустного клоуна. Ресницы слиплись от слез. Увидев его движение, рванулась к нему, но Маг взмахом руки остановил ее порыв:

– Стоп, стоп, стоп! Вам, доктор, вставать к нему нельзя! Поверьте, все в полном порядке, и врач ему совершенно не нужен.

– Уффф! – с облегчением пробормотал Миха и уронил голову на изголовье. – Слава Богу, с тобой все нормально...

– Ох, Мишенька, – с глубокой жалостью прошептала Эля. – У тебя было такое лицо...

– Да ладно! – бодро улыбнулся Миха, вышло, правда, кривовато. – Уже всё пучком, всё супер!

Колдун поправил и без того идеальный узел галстука, он явно чувствовал себя неловко:

– Я, конечно, должен был предупредить вас, Миха, о том, что испытывает человек, когда вспоминает сразу, одним махом, всю прожитую жизнь, – нос его смущенно поник, Колдун откашлялся:

– Я посчитал – ошибочно, сознаюсь, – врачебную вашу специальность талисманом, гарантом, надежно предохраняющим от таких потрясений.

Он чуть склонил голову в намеке на поклон:

– Прошу меня простить!

Умение приносить извинения явно не было его сильной стороной. Посчитав инцидент исчерпанным, он подошел к

Михе и расстегнул пряжку "смирительного" ремня:

– Присядьте, но на пол не вставайте. Это не совсем пол. Это выстроенный мной барьер от ваших же воспоминаний. Наподобие естественного, о котором я говорил уже. Меня он держит.

Он посветил Михе в глаза фонариком, проверил реакцию зрачков на свет и остался доволен:

– Но к вам, господин доктор, тропность вашей памяти намного выше! Барьер просто прорвет. Да и Эля, человек вам близкий, может повлиять на его стабильность. Поэтому рисковать не будем. Каждый остается на своем месте.

Он повернулся к ним лицом. В нем мало осталось от того денди, с бритвенной складкой брюк, который потчевал их сигарами. Разве что только та самая складка. Полная собранность и отрешенность:

– Итак. Два с половиной месяца тому назад Создатель соединил две Божьи Искры.

– Господи! – досадливо сморщившись, начал было Миха. – Как вы уже с этими Божьими Искрами...

Но тут Колдун прищурился, присмотрелся к калейдоскопу воспоминаний, высмотрел необходимое, лишь ему понятное. Его рука метнулась вперед, мгновенно вытянулась, удлинилась невероятно и...

Миха услышал легкий всасывающий звук...

.....

Прохладный воздух коридора для персонала. Миха шел мимо машин, выдающих "зеленку" – зеленую операционную форму, к курилке-балкону, единственному месту курения во всем недавно выстроенном монстре частной клиники "П.М.Ц".

Сознание его раздвоилось. Он совершенно четко знал, что сидит, не двигаясь, на этой психоделической кушетке Колдуна. И в то же время идет по коридору своей клиники. Он знал сегодняшнюю дату – 16 октября. Но одновременно

сегодня был на дворе приятный весенний день 14 мая. Миха попробовал остановиться. Куда там! Как шел, так и продолжал идти.

Оба Михи – или же он был один? – точно знали, что сейчас произойдет. Из-за угла, возвращаясь с балкона, выпорхнула Эля. Они чуть не столкнулись.

– Привет! – пропела Эля колокольчиком. У нее всегда был чистый, чуть звенящий и очень добрый голос. И глаза. Тоже добрые, кокетливо-лукавые.

Миха, тот, что шел по коридору, просиял в ответ. Элька была необыкновенная. Всегда летящая, всегда с улыбкой, всегда любимая всеми... Ну, почти всеми. Многие бабы, конечно, завидовали страшно.

– Господи! – простонала Эля номер 2, или все же она номер 1? – короче, та, что сидела сейчас в кабинете Колдуна, рядом с Михой. Она утонула в своих ладонях, голос звучал глухо, явно умирая от стыда.

– Какая же я толстая-я-я! Не смотрите никто!

Мишка вновь ощутил дурноту. При всем своем раздвоении личности, физически он все-таки был в одном экземпляре. А Эли были две! Одна комментировала где-то за кадром. Миха ее не видел, но ощущал ее присутствие справа от него. А вторая – а может, первая? – стояла напротив него в больничном коридоре.

– Я ей точно симпатичен, – подумал тот Миха, и вспомнил этот Миха одновременно. – Хочет, наверняка, со мной трахнуться.

И действительно, у той Эли, что из воспоминаний, глаза потемнели и стали глубже.

– Ну, ты и жопа с сомнением! – прошипела Эля из настоящего, ее глаза потемнели и превратились в тигриные:

– Не хотела, не планировала и не собиралась с тобой трахаться!

И тут у Михи перехватило дыхание, с сосущим холодком

в низу живота он понял, что невозможно утаить от Эли и Колдуна ничего из его воспоминаний. И с шальной мыслью:

«А-а! Будь, что будет!» – припал в поцелуе к элькиным губам.

Они дрогнули и приоткрылись в ответном поцелуе.

Всамделишный, не из воспоминаний, Мишка отчаянно забился внутри Мишки из прошлого, пытаясь взять команду на себя и остановить действие – он точно знал следующую свою мысль из воспоминаний. Но куда там! Процесс пошел, как справедливо выразился в свое время Минеральный Секретарь ЦК КПСС, он же Сокин Сын, М. С. Горбачев.

Как и обещал Колдун, изменить воспоминания, несмотря на страстное желание, не было никакой возможности. И вот одна половина Мишки самодовольно подумала:

– Точно она меня хочет! Надо трахнуть!

А вторая половина напряглась и прикусила губу в ожидании реакции. И она не заставила себя ждать:

– Ты не просто жопа с сомнением! Ты чванливая, самодовольная и толстая жопа! Просто жопа, наконец!

Элю, казалось, подбрасывало в воздух от желания добраться до Миши. Впрочем, чем бы это закончилось, неизвестно – вместе с веселой яростью в ее глазах плескались и другие чувства.

– Стоп! – произнес Колдун тоном режиссера, отснявшего дубль.

И Миха с несказанным облегчением вновь обрел способность управлять собой, своими мыслями, чувствами. Теперь он смог посмотреть на себя со стороны. Лысоватый, полноватый... Но какой же он был счастливый, сколько внутреннего света, сияния от него исходило!

– Мы проводим обследование, – сухо обратился Колдун к ним обоим. – Не для того, чтобы вы, как дети, предъявляли обоюдные претензии к прошлому. Оно, в конце концов, уже случилось. И именно это прошлое привело вас к именно этому настоящему.

Он выждал паузу:

– Мы проводим анализ воспоминаний, чтобы выяснить, кто, когда, с чьей помощью и каким методом нанес Мише смертельный удар.

Он обвел их своим неуловимым взором:

– А именно, каким обрядом было запущено смертельное проклятие!

Цель была достигнута: сосредоточились, присмирели, а самое главное – вернулись в настоящее.

Прошлое – ведь очень опасная сущность. Засосет – не отпустит, и будешь блуждать по нему, живя прошлым до самой смерти, так и не распробовав вкуса настоящего.

– А почему мы начали с моих воспоминаний? – съехидничал Миха. – Почему не с Элиных? Может, причина в ее воспоминаниях? Может, этот магический убийца нанес удар с ее стороны?

– Может быть! – согласно кивнул Маг. – Но, рассуждая логически, намного больше шансов выявить преступника, начав с вас. Посмотрите сами, у Эли наиболее вероятная кандидатура – ее брошенный муж.

Мотив для мести, безусловно, сильный: любимая женщина, жена, совершенно неожиданно сообщает, что полюбила другого мужчину и уходит к нему. Ревность, злость, боль утраты, обида – все это сильные чувства, способные всколыхнуть душу и поднять с ее дна все зло...

Колдун поднял указательный палец:

– Если душа есть! Это вовсе не непреложный факт... но об этом позже! Вернемся, Эля, к вашему мужу. У него есть намного более сильная причина для ненависти и мести, чем все перечисленные, взятые вместе – голод, своего рода энергетическая ломка. Под влиянием голода совершались самые жестокие преступления! Но! – Колдун в раздумье, морщась, стал разминать правый бицепс, как обычно массируют солдаты свои старые раны, ноющие перед плохой погодой:

– В мировой магической статистике процент мужчин, обратившихся за помощью к черным магам, очень мал, по сравнению со слабым, – он саркастически усмехнулся, – но прекрасным полом. Кроме того, господин доктор! Со стороны Эли всего одна вероятная кандидатура на роль преступника. Вы же, – Колдун наклонился и с улыбкой похлопал Миху по руке, – вы, господин доктор, со всех сторон окружены любящими вас людьми: ваша бывшая жена, ее отпрыск и, наконец... – драматическая пауза, – ваша теща!

Миха поежился. Теща, гранд-дама, твердой рукой управляла своей семьей, то бишь, обширной семьей его бывшей жены, и, особенно, в первые годы их совместной жизни, настойчиво пыталась руководить и его семьей тоже. Тяжелые бои с переменным успехом, скрытые рейды в тыл противника и прочие семейные радости, хорошо знакомые всем.

Колдун даже уважительно склонил голову:

– Вокруг вас, Миха, просто бурлит океан страстей! Раз! – Маг согнул мизинец левой руки, – страшная обида женщины, оставленной после двадцати лет внешне совершенно благополучного брака. Это чувство само по себе энергетически сильное оружие, способное наносить раны, без обращения к магическим силам. Два! – согнут безымянный палец. – Злость невероятной силы со стороны ее отпрыска. Это, безусловно, и желание отомстить за свою мать. Но за этим якобы благородным фасадом кроется еще что-то, мне пока неясное, но очень темное...

Маг задумчиво пожал плечами:

– Не могу пока понять, но очень темное и жестокое. Я думаю, станет ясно после энергетической компьютерной томографии.

Он посмотрел на них и улыбнулся:

– А-про-по, вам, врачам, думаю, будет интересно посмотреть на трехмерную энергетическую томографию... Три! – пришел черед среднего пальца, – самый сильный и из-

вечный мотив всех времен и народов! Деньги, Миха, деньги!

И его указательный палец выстрелил Михе в грудь:

– Что скажете, Миха? Ваша фирма, поток пациентов?

Миха только пожал плечами:

– Господи! Все же деньги шли в семью! Я никогда не делал заначек, ни от кого ничего не утаивал. Кому из близких это могло помешать?

– А это мы сейчас узнаем, – согласно кивнул Колдун. – Но хватит пустых разговоров! Продолжим, пожалуй! Я вызвал к жизни именно это воспоминание...

Сцена застывшего поцелуя закружилась, понеслась каруселью, повинуюсь взмаху его рук:

– ...Потому что здесь вы оба находитесь в своем естественном энергетическом состоянии, но уже близко к границе перелома. Кроме того, эмоциональный подъем снял всю обычную защиту. То есть, соблюдены все необходимые условия для проведения энергетической томографии.

– Ну-с! – Колдуну не хватало накрахмаленного белого халата и, пожалуй, пенсне для полного сходства с профессором Преображенским. – Начнем-с!

Он подошел к кружащимся фигурам. Они вдруг отодвинулись друг от друга и понеслись вокруг Колдуна, каждый по своей орбите. Скорость вращения постепенно нарастала, воздух задрожал, словно горячее марево окутало вращающиеся фигуры, к дрожанию присоединилось низкое, вибрирующее гудение. От него, как от бормашины, заныли зубы, заставив Эльку зажать ладонями щеки. К гудению присоединился мерный стук.

– Это что – магический магнитно-ядерный резонанс, МРТ? – сыронизировал Миха. Но тут же прикусил язык.

Прямо на глазах их образы из воспоминаний стали меняться. Первой побледнела и стала истончаться кожа. Вот она истаяла вовсе, и стали видны обнаженные красно-бурые мышцы с идеальными контурами, сухожилиями и беловаты-

ми футлярами фасций. Пульсирующие артерии, мощный, как секвойя, ствол аорты, хитросплетения неисчислимых капилляров, черно-синие вены.

Секунда! И вот уже исчезли и мышцы. Мелькнуло, через густое облако нервов, бьющееся сердце, сжатое мерно дышащими легкими, и тоже пропало. Гудение стало стихать, а вращение быстро замедляться, прекратился и металлический стук.

Стоп!

Элька восторженно ахнула. Два контура человеческих тел состояли из бессчетного множества пылающих чистыми цветами линий и плотных пульсирующих шаров теплого огня. В нижней части тела – красное пламя. Устремляясь кверху, оно меняло свой цвет на желтый, распускаясь дальше зелеными листьями. Кончики листьев, истончаясь, голубели, становились небесно-синими. Лазурное пламя срывалось с них и розовым потоком уносилось в бесконечность.

Колдун переводил взгляд с одного контура на другой. Под движениями его рук области пламени то густели, сжимались и начинали вращаться в одну сторону, то, наоборот, бледнели, расширяясь, и меняли плоскость и направление вращения.

– Вайшамья? – с сомнением пробормотал Колдун. – Свадхистана...

В нижних частях энергетического контура обеих фигур загорелись два красно-желтых солнца.

– У-гу... – прищурился Маг. – Видите, нижняя свадхистана у вас обеих пылает, энергия идет вниз. Это и ожидаемо, конечно.

Он восторженно воскликнул:

– Позвольте, позвольте... Аджна!

В обоих контурах забил вверх поток розового света.

– Ага! – вскричал Колдун. – А где же нижняя направленность?! Муланхара... Интересно, аджна не трансформирует энергию муланхары?! Нет, не может быть.

Он внезапно замолчал, по лицу пробежало озарение:

– Абхаса-аварана! (*санскрит: заблуждение по поводу своей собственной природы*). Да, конечно, абхаса-аварана! И, естественно, авидья (*санскрит: непонимание, невежество, отсутствие истинного видения*). Два анвешамана (*санскрит: ищущий, стремящийся познать в себе Атмана*), но почти отчаявшиеся и дошедшие до анади (*санскрит: не имеющий надежды, отчаявшийся*).

Колдун посмотрел на них с восхищенным любопытством и покачал головой:

– Могу вас обрадовать – до начала событий ваши эфирные тела находились еще в достаточно устойчивом состоянии. И это несмотря на невероятное потребление вашей эфирной энергии! Как вас такими темпами еще не высосали досуха, не превратили в энергетические "тени" – просто редкий клинический случай! Заслуживает публикации! Поздравляю, дамы и господа – вы Божьи Искры с огромным потенциалом!

Он развел руками:

– Наверное, здесь и кроется причина того, что вам ниспослано Прозрение! Учитывая, сколько вашей энергии было съедено, выпито и просто отобрано – вы оба великолепно выглядите!

Эля и Миха переглянулись – они так не считали. Последний месяц, после того, как произошел тот страшный скандал в семье Михи, их состояние постепенно, но по нарастающей, ухудшалось. Первым возникло давящее чувство вины. Оно не покидало ни на минуту и все усиливалось и усиливалось. Лишало способности думать, желать, радоваться жизни. Любить друг друга, наконец!

Чувство вины давило на плечи многометровым слоем соленой от слез воды. И двигаться можно было с трудом, как водолазы на дне моря, преодолевая его тяжесть. Лишь многолетний врачебный опыт спасал их от ошибок на операциях. И лишь знание жизни, и понимание того, что они остались

одни, подвешенные в воздухе, зависящие один от другого, как сиамские близнецы, хранило их от ненависти друг к другу.

А если чувство вины и покидало их ненадолго, то только для того, что смениться чувством жалости. Жалости к себе, к своей, вдруг дотла сожженной жизни, к исчезнувшему, годами создаваемому комфорту, достатку, благополучию. Жалости к оставленным ими близким людям, которые никак не заслужили такого скотского, нечеловеческого отношения. "Мы выжгли вокруг себя все души напалмом" – кто из них это сказал, не помнили, да и авторство в данном случае не важно.

Они садились каждый вечер на балкончике своей, наспех снятой квартиры, и выговаривались один другому. Взаимный психоанализ. Сигареты (они тогда еще курили безудержно!) были для них, что бензин для машины.

Как сняли квартиру, честно говоря, не помнили. Это отдельная история. Зашли, быстро обежали комнаты, почти не вникая в гортанный речитатив хозяйки. Эля безостановочно говорила по телефону с другом своего мужа, объясняла, что совершенно невменяем, обложился ножами, точит их с перекошенным лицом. Квартиру она смотрела, но не видела – не до того ей было.

Миха взял на себя непривычную роль. Пытался осмотреться, но больше вслушивался в ее беседу. Потом махнул рукой, перебил ошалевшую от них хозяйку – сколько? Ни хрена себе! Скидка? Нет? Ну и ладно! Подписать договор у адвоката? Не вопрос!

Сграбастал плачущую Элю и убежал...

Сидели на балкончике все вечера, вели разговоры. Когда долгие – по пятницам весь вечер свободен. А когда и не очень – после "длинных" операционных дней. Работая с семи утра до двенадцати ночи, не очень-то поболтаешь, встать назавтра снова в пять, ни свет ни заря.

Беседовали, выслушивали друг друга.

Вдвоем, и луна напротив.

Рассуждали, убеждали. Убеждались.

Впрочем, и так было ясно, без размышлений: жалость и тяжесть вины – чувства разрушающие, а не созидательные. Они пригибают, давят к полу, хватают за руки. С ними не построишь, а только сам снесешь то, что еще их окружению снести не удалось.

А если посмотреть непредвзято? Со стороны? Не они первые, не они последние. История, которой столько же лет, сколько человечеству. Да, два уже не молодых, проживших свои разные, но как потом выяснилось, достаточно схожие жизни, вдруг увидели друг друга. Увидели после трех лет работы в одном отделении, после трех лет ровных, хороших и больше ну никаких отношений.

Ее вдруг увидел мужчина пятидесяти с плюсом лет. (Хотя, между нами, господа, какой же это "плюс"? В нашем возрасте это уже "минус"!.) Все еще обаятельный, остроумный, но издерганный, с напряженным лицом, постоянно висающий на мобильнике с его напряженными и непрерывными звонками-разговорами. Очень нервный, лысеющий, чуть полноватый, но с еще пропорциональной и неплохой для его возраста фигурой.

Дом – полная чаша. "БМВ" под жопой, "Патек Филипп" на руке. Добавьте сами необходимые атрибуты успешной, в вашем понимании, жизни.

Врач. Генеральный директор им же созданной компании лечебного туризма "ИзЦеление". Деньги. Гостиницы. Полеты. Застолья переговоров. Выходных точка нет. Двадцать лет счастливого брака. Жена. Забота, любовь, опека. "Старик, как тебе повезло!". Да, только это "повезло" досталось в боях. "Жизнь удалась", пойманная за хвост потом и кровью.

Только вот глаза у Миши, как сказал уже после всего один из друзей: «Сколько тебя ни видел, дружище, глаза у тебя

были грустные, загнанные».

Где же он был раньше?

А его вдруг увидела женщина сорока пяти лет.

Совсем недавно уверенно полневшая – толстевшая – старевшая, но резко свернувшая с этой проторенной тысячами и миллионами депрессивных дам дороги. А сейчас изящная, помолодевшая. Да здравствуют сексапил и эстрогены!

С очень добрыми желтыми глазами, полными лукавства, завидущими, одним словом, глазами. Со звонким, чистым и очень приятным на слух голоском. Мать Тереза всех бездомных животных. Симпатия, обаяние и эмпатия. Безоговорочная любовь всего, ну почти всего, персонала. Очередной брак. Счастливый, благополучный, стабильный.

И обоих, как они потом выяснили, не покидало ощущение прожитой уже жизни, в сухом остатке которой уже не может произойти ничего нового. Легкое и комфортное доживание отпущенных дней, на радость детям и внукам:

"Миша, Миша! Иди сюда... Господи, вот ведь наказание... Деточки, идите, разбудите дедушку. А то ведь замерзнет в шезлонге. Пень старый!"

Скромное очарование буржуазии, господи!

А потом, неожиданно для них обоих, случился этот поцелуй. Хулиганский, лихо сорванный Михой, при полном попустительстве Эли.

Подумаешь, поцелуй! Кому из нас не приходилось целоваться украдкой, или на виду, трезвым или хмельным, мучаясь угрызениями совести или начисто без них? Согласитесь, бывало! Поцеловались и забыли. А может, и не забыли, а прошли чуть дальше по пряному пути греха. Ну и что? Ничего страшного, взрослые ведь люди! Все понимаем, все объясняем, и все находит у всех понимание. Если все шито-крыто, скрытно и с соблюдением необходимых условий и условностей. Взрослые ведь люди!

Что, теперь из-за такого пустяка всем жизнь ломать?

Легкий трах, перепихон.

Чистая физиология, помноженная на любопытство и на страстное желание не отпускать свою, уже и не то чтобы молодость, а хорошо выраженную зрелость. А то ведь отпустишь, а свято место пусто не бывает! И придет вместо зрелости старость. А это, господа, уже грустно!

И направляемые такими мыслями, поплыли они по ленивому и безопасному течению служебного романа людей в возрасте, умудренных жизненным опытом. Между прочим, и без особого желания. Случилось так, ну и ладно. Само пройдет.

Не проходило. Не разгоралось, но и не гасло. Вот и славно, удобное приключение. Немного греет кровь и разнообразит жизнь.

А потом никто из них, ни Миха, ни Эля не смогли ни вспомнить, ни объяснить, откуда налетел на них бешеный вихрь, свихнувшийся, сошедший с рельсов экспресс, который подхватил их, швырнул в безумие молодости и потащил неизвестно куда!

Сколько ни сидели на своем любимом балкончике, пытаясь вспомнить начало, определить момент своего безумия – не могли! Но он был! Оба были согласны в этом – да, был! Прогремел выстрел, или же гром? А может, стрела мелькнула неслышно?

Никто из них, как ни старался, вспомнить не мог, как их сразила, притянула друг к другу некая могучая стихия, сопротивляться которой было так же бесполезно, как бороться с цунами. Единственное, что они успели, прежде чем волна накрыла их с головой и потащила за собой в водоворотах событий – посмотреть друг другу в лицо и сказать твердыми, лишенными сантиментов голосами:

– Мы взрослые, мудрые, и даже немного циничные люди. Мы хорошо знаем жизнь. Мы никогда не наделаем глупостей.

Мы никогда не причиним боль любящим нас людям. Мы никогда не причиним вред нашим семьям.

И бурун обрушился на них.

Полетели со свистом дни, когда работаешь по семнадцать часов без усталости, просто потому, что видишь друг друга.

И есть не надо, потому что – зачем?

Сон вообще дело дурное, спишь только, чтобы прогнать быстрее прочь это немыслимо длиннущее время, когда не видишь его или её.

И назвать это время сном – значит погрешить против истины. Короткий период забытья, наполненный предвкушением встречи. Будильник можно и не ставить, все равно вылетишь из постели на час раньше.

Они взялись за руки, посмотрели друг на друга, подмигнули и прыгнули назад в детство. Беззаботное, счастливое, веселое детство первой любви.

Дела заброшены.

Спроси:

– Эй, Миха, как там твой миллионный бизнес? Как туристы из России? Едут ли?

Тряхнет только головой в попытке вернуться в реальность, махнет рукой, просияет своим мыслям и побежит дальше. Искать ее. Давно не видел – минут двадцать.

– Эй, Эля! А как амбиции, карьера?

Остановится, улыбнется, пожмет плечиками со смехом малиновым:

– А, никак! Не знаю! – и побежит дальше. Искать его. Давно не видела – минут двадцать.

Детство – это пора ошибок. Они и совершали ошибки, безумства, просчеты. Понимали, что за все в жизни, в том числе и за радость любви, надо платить.

Ну, когда это еще будет! А пока... пока живем бесшабашно, как дети.

А за возврат в детство цена очень взрослая: полная, без

скидок и отсрочек платежей. Взрослые дяди и тети подошли, молча постояли, посмотрели на детишек. Перелезли через забор, прошлись по песочным замкам, захрустели под ногами игрушки...

Однако, хватит о грустном, господа! Вернемся из прошлого в настоящее. Как там Эля и Миха сейчас?

– А сейчас, – продолжил Колдун, – возвращаемся домой! Ремни на обратном пути можно и не пристегивать – тут уже никаких неожиданностей не предвидится.

– И что – это все обследование? – с подозрением спросил Миха. – Вы хотите сказать, мы закончили?

У Эли в глазах застыло выражение разочарования, как у женщины, которую соблазнили семидесятипроцентной скидкой на платья "Шанель", но вместо этого подсунули изделия фабрики "Большевичка".

– Ну, что вы! – с негодованием отмел подозрения Колдун. – Мы только начали! Мне хотелось, чтобы вы, так сказать, акклиматизировались, а я пока провел небольшую разведку боем! Согласитесь, было достаточно впечатляюще? – обратился он к Михе.

Пришлось согласиться – да, впечатлило, ничего не скажешь.

– Энергия ваших эфирных тел в Море Памяти расходуется с огромной скоростью. Как кислород в баллонах неопытных ныряльщиков. – Он насмешливо прищурился. – Или, правильнее и стильно сказать на модном новоязе – дайверов? Суть не в этом. Энергию необходимо восполнить, иначе вас надолго не хватит. Начнется апатия, головокружение, амнезия...

Он улыбнулся:

– Попросту говоря, настало время ленча, дамы и господа, основательного ленча!

И немедленно Миха понял, как зверски он проголодался, в животе заурчало, и голова действительно закружилась.

– Я сейчас, наверное, слона съем! – простонала Эля.

– Увы, вынужден огорчить – слона не будет, – заметил Колдун, – но смею надеяться, ленч не обманет ваших ожиданий.

И он хлопнул в ладоши. Сверкающий мир мыльного пузыря мигнул, подпрыгнул и ринулся на Миху. Он вжал голову в подушку, зажмурил глаза и до боли стиснув зубы. Сейчас снова на него обрушится весь этот кошмар в одно мгновение увиденной, услышанной и прожитой жизни!

Он почувствовал легкий толчок, распирающие в висках. Услышал всасывающий звук, с каким в ванне уходит вода. И все!

.....

Он раскрыл глаза.

Шорох догорающих поленьев в камине, свечной полумрак, багровый отсвет пламени на стекле напольных часов в углу. Миха порадовался солидности паркетного пола в кабинете Колдуна: не дрожит, не бежит водяными кругами при малейшем движении.

– Дамы и господа! – Нина стояла в дверях в кружевном переднике и белоснежном чепчике. – Кушать подано!

– Садитесь жрать, пожалуйста! – с интонациями "Джентльменов удачи" не к месту брякнула она.

Колдун досадливо поморщился:

– Сколько веков обучения – и все зря!

Посмотрел в их застывшие лица и добавил:

– Хорошо сохранилась, правда? Идемте, трапеза ждет, а это абсолютно недопустимо!

.....

Столовая скрывалась за одной из дверей в уже знакомой им приемной. Комната была относительно небольшой, как раз такого размера, чтобы в ней могли уютно разместиться человек восемь за квадратным столом, покрытым темно-красной скатертью.

Собственно, больше в комнате ничего и не было: стол, восемь удобных стульев с подлокотниками и спинками, удобно изогнутыми под спину, а не прогибающими позвоночный столб под себя. Стены цвета слоновой кости, отраженный от потолка свет из спрятанных за карнизом светильников. Вот и вся обстановка.

– Прошу вас, располагайтесь! – жестом радушного хозяина Колдун пригласил их за стол. – У меня нет определенного места, так что располагайтесь, где вам удобно!

Эля и Миха сели, как школьники за парту, по одну сторону стола. Колдун, как учитель, занял место напротив, и сразу же потянул накрахмаленную белоснежную салфетку из начищенного до зеркального блеска серебряного кольца.

В обеде все должно быть прекрасно, – перефразировала как-то Эля для себя слова великого русского классика, – и еда, и напитки, и сервировка.

Сервировка стола была слабостью Эли. Каталоги, музеи, магазины – могла стоять и смотреть. Покупать не обязательно. Но стол должен быть накрыт даже для завтрака. Элементарно: скатерть, фарфор, столовые приборы. Даже после шестнадцатичасового рабочего дня. Даже в пять утра.

Несомненно, сервировка этого стола получила ее полное молчаливое одобрение. Сервиз был необычайно изящен: тарелки тончайшего фарфора особого белого оттенка, края припорошены золотом и превращены мастером в кружева.

«Чуть вычурно, но в пределах хорошего вкуса», – решила про себя Эля. Столовые приборы выглядели массивными и внушительно возлежали на подставках подле тарелок.

«Серебро? – подумал Миха, и приподнял нож. – Да, похоже, серебро!»

– Рад, что вам понравилась сервировка, – поймал Маг одобрительный взгляд Эли. – У меня даже был небольшой

конфликт по этому поводу с Де Ламери*. Фирму характеризует довольно тяжелое рококо, и убедить выпустить вот такой, относительно удобный в быту, сервиз, представляло некоторые, э-э... трудности.

Он задумчиво, но довольно улыбнулся, а правая кисть описала в воздухе некое выкручивающее движение.

– Впрочем, – спохватился Маг, – негоже потчевать любезных гостей пустыми разговорами, вместо сытной трапезы. Нина, меню!

Двери распахнулись. В проеме, приняв позу уездного конферансье, застыла Нина с отпечатанным листком в руках.

– Ланч! – провозгласила она. – Принимая во внимание детективную подоплеку происходящего, а именно: любовная история, месть, деньги, руководство процветающей фирмой, заговор, наговор, вуду и простое колдовство, меню составлено по поваренной книге известного сыщика и гурмэ Ниро Вульфа.

Итак! Первое блюдо: бразильский салат с омарами. Промежуточное блюдо: креветки по-бордолезски. Главное блюдо: телячьи птички в кастрюльке. Хлеб по Фрицу с маслом и овощами. Вино. – Нина откашлялась и выдержала торжественную паузу. – Вино: Шато Лафитт Ротшильд. Винтаж 1996 года.

Колдун поднял палец, прервав ее:

– Пожалуй, первый отличный винтаж после 1990 года. А с 91 по 93 я бы назвал откровенно слабыми. То есть, слабыми винами для левобережного Премьер Гран Крю! Продолжайте, Нина, прошу вас.

– Сортовой состав: Каберне Совиньон, Мерло, Каберне Фран, Пти Вердо.

* Посуда марки De Lamerie берет свою историю с начала восемнадцатого века от своего основателя британца Поля де Ламери, столовая посуда работы которого до сих пор “взрывает” аукционы, где она появляется.

Нина присела в полукниксене:

– В знак уважения к Великому Вину из напитков на стол подается только вода. Хозяин предпочитает норвежскую Voss, а вам я бы порекомендовала Oggi – содержание кислорода в ней в 25 раз выше, чем в обычной воде.

Она подмигнула:

– После обеда кислород вам точно понадобится! – и продолжила:

– На десерт: черничный грант.

Миха нервно прокашлялся. Он, безусловно, не был сомелье, но что такое Премьер Гран Крю, представлял. И сколько может стоять бутылка Шато Лафитт 1996, тоже!

– У меня вопрос к вам.

– Конечно! – благожелательно улыбнулся Колдун. – Слушаю вас.

Нина уже ввозила шуршащий шинами сервировочный столик. Негромко перекликались, позвякивая, бутылки с водой. В благородной отдаленности от них высился декантер с черно-фиолетовым вином, рядом с ним, на серебряном блюде, лежала винная пробка.

Миха сплел пальцы, немножко подался вперед, выдавая неуверенность напряженной позой:

– Хотелось бы знать цену нашего визита, консультаций...

Он покосился на декантер.

– ...прежде, чем мы продолжим. Видите ли, я не уверен, что смогу оплатить.

– Мы, – перебила его Эля, с воинственными нотками в голосе, сделав ударение на "мы", – мы не уверены, что сможем оплатить ваши услуги.

И пристально посмотрела на Миху. "Я всегда сама оплачиваю свои долги", – говорил ее взгляд.

Эля всегда отличалась независимостью и твердым характером, для закаливания которого, казалось, сама Карма Судьбовна неумоимо создавала разнообразные ситуации.

Жизнь вела Элю непредсказуемым путем. То она неслась по магистральному равнинному шоссе, как сказали бы в Штатах – "интерстейт"; то вдруг устремлялась к горным вершинам неширокой грунтовой. Кружила тропинкой, прыгала по уступам, в опасной близости от края пропасти, чтобы снова вывести в душистые долины.

Эля была младшим ребенком в семье уже состоявшихся врачей с именем, положением, репутацией и, как следствие, достатком. По советским меркам, даже и не достатком, а богатством: машина, две кооперативные квартиры.

Мать – акушер-гинеколог. Работала на кафедре мединститута, работа уважаемая, но не хлебная. Не надо было – отработала в свое время оперирующим врачом, а потом всю функцию семейного добытчика взял на себя Элькин отец – хирург, и не просто хирург, а звезда.

Именно для таких врачей припасены избитые выражения "хирург от Бога", "тонкие музыкальные руки хирурга", "наместник Бога на Земле". А почему избитые? Да потому, что правильные эти выражения, вот их и затаскивают частым употреблением.

Уж не знаю, какими судьбами оказался Элин отец на охоте вместе с высокопоставленными чинушами блаженной эпохи застоя.

Хотя нет! Могу догадаться: яркий человек, блестящий рассказчик, ходячее обаяние, не дурак выпить, при этом крепко "держать удар" и напоить других, да еще и врач, без которого не обойтись! Таким людям всегда было и будет место, что называется, "в обойме", при любом строе, в любой, отдельно взятой стране.

И идет себе охота установленным чередом: кто постреливает там, где егеря заботливо гонят на него зверя. Кто возлежит на импровизированных ложах в тени деревьев, ведя неспешные разговоры, понятные только посвященным, под стопку – другую студеного хлебного вина, а разбитная челядь

таскает угли, мангалы, звенит бутылками, укладывая их заботливо в ледяной горный ручей.

Слышится гогот и звон рюмочек – это компания, разлегшаяся уютным кружочком подле костра, над которым в котелке вот-вот дойдет ушица, отмечает удачный анекдот.

– Ванька!

– А чевось, барин?

– А мне бы, вот чего-нибудь вкусенького, – неопределенное шевеление пальцами

– Понимаю-с-с! Момент!

А кто и удалился уже в специально отведенное и размеченное загодя местечко с многофункциональной официанткой Валечкой. Доказывает ей доходчиво, что "партия – наш рулевой"! Умиление, умиротворение разлито в воздухе вместе с ароматом цветущих вишен и гудением шмелей (смикшировано постановщиком действия до едва слышимого на заднем фоне).

И вдруг все это сминается, прерывается совершенно неуместной беготней, заполошными криками, бестолковой суетой холопов: "помочь, не помогу, но перед хозяином засвечусь, как бы помог".

– Петрович, Петрович где?!

– Какой Петрович?

– Да, хирург, врач! Блядь, мать вашу, быстро сюда его!

Пострелять и поучаствовать в беседах с официанткой Валечкой, как выяснилось, был приглашен и визирь некоего хана! Хан же правил сопредельным государством, известным своим прекрасным опиумным маком, не уступающей ему по качеству коноплей, и посему горячей дружбой с советской страной! Нет дружбы более прочной, чем построенной на совместных деловых интересах!

Визирь этот – мать его так! – вообразил себя крутым мачо. (Тут уместно заметить: не можешь пить – не мучай важный орган!). Стал стрелять с обеих рук из двух карабинов, ну и

засадил себе жакан в бедро! Кровища льется, бледнеет – вот ведь, сукин сын! – на глазах. Аллаху уже шепчет помертвевшими губами. Помрет ведь, падла! Скандал! Международный скандал! Мы пригласили – мы за базар и отвечаем! А тут как раз урожай мака на подходе... со всех сторон сплошное неудобство!

Но тут – слава Богу! – находят Петровича, оттаскивают от дастархана, не дав закончить очередную байку, и бегом к басурманину! А Петрович-то на охоту приехал, а не раненых латать! У него с собой ничего нет, ну ровным счетом ничего!

И что вы думаете? Используя прокаленную на огне проволоку от пробки из-под шампанского, охотничий нож и суровую нитку с швейной иглой в качестве хирургических инструментов, а водку – для анестезии и дезинфекции, Петрович останавливает кровотечение, классно закрывает рану и спасает треклятого старпома ханского.

Респект и уважение всех народов Петровичу! А от хана лично – звание придворного врача и сабля, украшенная рубинами и прочими алмазами.

Очень интересная и многогранная личность был и остается Элин отец. Мог он по дороге в больницу проскочить мимо вокзала, пользуясь связями, прикупить вагон дефицита и, проехав еще полкилометра, выгодно перепродать. И тут же прооперировать, скажем, рак головки поджелудочной железы, выполнив успешно сложные обводные анастомозы.

И весь этот рассказ о лихом и легендарном Петровиче на самом деле служит лишь одной цели – дать описание той генетики, той смеси куража с лихостью, а интеллекта с трезвым расчетом, которую в полной мере унаследовала от отца девчонка Эля.

Так и текла у них жизнь, пока не притащила девочка Эля домой ужа. Она с рождения обожала животных. И заполз этот уж за пианино в поисках политического убежища. На третий

день его затворничества хнычущая и ноющая Элька достала брата свои нытьем до такой степени, что он, шепча неприличные слова, в одиночку отодвинул тяжеленный инструмент от стены. И вместе со злополучным ужом появилась на свет божий и некая картонная, пухлая папка. Которую и подняла с пола Элькина мама.

Помните? Советские папки, на обложке которых пропечатано крупными черными буквами устрашающее слово "Дело №..." с завязками из тесьмы. Почему именно "Дело"? Неужели нельзя было подобрать другое, менее прокурорское название? Нет, господа, нельзя! Все в Советском Союзе должно было постоянно напоминать гражданам о бренности и недолговечности – увы! – их свободной жизни.

А в папке действительно оказался материал, если и не уголовного, то, безусловно, предосудительного характера. Это была история любовного романа её отца. Трехлетнего к тому времени романа.

И привычная жизнь кончилась, распалась. Поезд умчал отца с его молодой новой женой в далекий Город, где они и живут вместе до сих пор. Тридцать пять лет уже минуло с той поры, дай Бог им так и продолжать, долго и счастливо!

Эльку с десяти лет воспитывала мать.

Говорят, что мать-одиночка растит будущую мать-одиночку. Никто не знает, так ли это, но Эльку готовили ко всем тяготам жизни, к самостоятельности, независимости, в том числе и материальной. Она прошла полный курс молодого бойца. Если надо, могла сыграть на рояле, вышить крестиком, заштопать, бегло отпечатать на пишущей машинке, приготовить из ничего полный обед на десять человек и одновременно убрать весь дом.

Мама взялась было воспитывать у дочери бойцовский дух, но быстро поняла – ничего воспитывать не надо, силы характера, смелости, решительности ее дочери было не занимать.

Элька любила рассказывать, как однажды летом она с компанией таких же десятилетних, бесполох еще ребят, шла купаться к арыку. Пробирались к нему по раскаленной железной трубе, которая выводила к бетонной опоре в центре канала. До воды метра три. Вода течет довольно быстро, бурлит течение, что под водой – не видно. Торчат ли там голодные колья арматуры?

Или бетонные блоки едва не доходят до поверхности?

А может, дно – вот оно, прыгнешь и сломаешь голову?

А может, нет ничего, чистая, глубокая, прохладная вода?

Нет никакой возможности узнать, только прыгать.

Элька скидывает с ног сланцы, поднимает их, прижимает на секунду к груди. Решительно выдыхает, размахивается и изо всех сил закидывает их на другой берег. Всё! Назад по раскаленной трубе не пройдешь – сожжешь ноги!

Вся команда осталась стоять на берегу и с любопытством смотрит на свою лидершу. Даже в носу не ковыряют. Притихли.

У Эли один только путь – вниз. Она еще раз выдыхает, гася холод в животе и дрожь в коленках, и летит головой вниз. Вода оказалась глубокой, чистой и прохладной.

С тех пор, когда надо было принять сложное, непростое решение, Эля говорила:

– Я уже бросила тапочки на тот берег!

Избыток самостоятельности, в сочетании с добротой и сильным, решительным характером, может привести к неожиданным последствиям. И приводил.

С завидным постоянством Эля поработала, подминала под себя всех своих довольно многочисленных мужей и... сажала их себе на шею.

Первый брак, наверное, можно и не считать – детский еще брак, по любопытству. Как это: фата, гимн, кольца, свидетели? Платье – самое главное!

Брачная церемония закончилась, любопытство быстро

насытилось, первый опыт семейной жизни можно было бы считать благополучно завершенным. Но, как это часто случается в ситуациях с участием двух молодых, беспечных и разнополых голов, инстинкт предохранения еще не стал безусловным.

Эля вышла из брака беременной и необычайно удивленной этим обстоятельством. Вопрос об аборте не стоял, мать-гинеколог и слышать не хотела:

– Аборт в первой беременности! Станешь потом бесплодной на всю жизнь! Даже не думай! Ребенка мы с бабушкой вырастим, родишь – и продолжишь учебу. Ничего страшного!

К этому времени училась Эля на первом курсе мединститута. Училась она всегда хорошо, во всем стремясь быть первой, и в учебе тоже. Гордыня, знаете ли. Школу окончила с золотой медалью, и поступила легко. Мамина должность на кафедре акушерства и гинекологии поступлению не помешала, как некоторые могли бы ожидать.

Действительно, родила, скинула дочку в заботливые бабушкины руки, и побежала снова в институт. Словом, покачало их житейскую лодку недолго на стремнине, и вновь поплыла она по неспешному течению.

Все шло своим чередом, включая учебу, вечеринки, свидания (не ушла же она в монастырь!). Дочка росла на удивление тихая и рассудительная. Отец ее ни разу не видел, желания такого, видимо, не имел, никто этому и не препятствовал бы. Алиментов не платил, да и не надо! И где он пребывал – остался ли в городе, или подался куда, никто не знал, и никого это не интересовало.

Но в это время стали проявляться отдаленные последствия судьбоносного решения М. С. Горбачева и советского правительства в очередной раз загнать пинками страну и народ в светлое будущее.

Позволю себе небольшое отвлечение, дамы и господа! Странная ситуация сложилась в этой удивительной стране –

Россия. Что бы ни происходило в ней, какие бы общественные катаклизмы ее ни сотрясали, Россию характеризует в любое время одна константа: неизменно темное прошлое, всегда – светлое будущее, и при этом - полное отсутствие настоящего.

В республике, еще советской, но уже уверенно вставшей на рельсы мусульманской самостийности, где жили Элька и ее семья, стало возрождаться национальное самосознание. Говоря иными словами, в воздухе запахло большой национальной резней.

Эля, уже молодой специалист, врач-гинеколог, стала осваивать новые, совсем не смежные специальности:

– Как, услышав в отдалении шум ревущей, неуправляемой толпы, кожей почувствовать направление ее движения и успеть уйти в сторону, прежде чем она сомнет тебя.

– Как готовить коктейль Молотова и быть готовой забросать бутылками с горючкой мародеров, если они в безбашенном угаре повернут к дому.

– Как привыкнуть к тяжелому запаху сырой крови из подворотен.

– Как не сойти с ума от страха за своего ребенка, слушая нескончаемый шепот сплетен про расчлененных, изнасилованных и раздавленных грузовиками детей.

Они успели вырваться из города в последний момент, в чем были, в том и вскочили в попутку Судьбы. Мама, бабушка, Эля и Черешня (так Эльке нравилось звать свою Наташку). В руках только кейс с документами, по карманам рассованы наличные, теряющие ценность быстрее, чем их поезд добирался до очередного, пахнущего шпалами полустанка.

А не теряющие своей ценности серо-зеленые бумажки вшиты умелой Элькой в разные, трудно заметные тайники женского костюма. Только бумажек этих кот наплакал. Жадная до них Москва смахнет в секунду и даже не заметит

такой малости. А если и заметит, то только чтобы обронить с брезгливой гримасой:

– Во, нищета! Понаехали, голодранцы! – и передернуть плечиком.

Гримаса брезгливая, а руки у Москвы цепкие – вцепятся и в один-единственный доллар, с подкладкой вырвут из кармана.

В Москве планировалось быть проездом – дальние родственники не только подыскивали им место по специальности в Подмоскowie, но даже предложили приютить у себя – для москвичей широта немыслимая! – прозрачно намекая: на пару дней, не больше.

До родственников добрались к вечеру. Жили они на Ленинградке, недалеко от центра, в сталинском доме. Квартира обширная, им предложили довольно большую комнату, да и прием был теплый. На следующее утро Эля собралась с Черешней в "Детский мир", конечно. Погода была комфортная, хороший летний московский денек.

Элька чувствовала себя прекрасно в хлопковом костюме под леопарда, узкая обтягивающая юбка, короткий пиджак в талию, изящные лодочки на "шпильках". Хороша собой, ничего не скажешь: мужики оглядываются, облизывают взглядами. Веселая Черешня бодро прыгала рядом, плотно зажав мамину руку в своей крепкой ладошке, и болтала без умолку, не прерываясь даже на вдох или выдох. Ей было хорошо и спокойно в этом мирном городе.

Но почему-то Элю не оставляло знакомое чувство опасности, готовой обрушиться на них из-за угла толпой обкуренных придурков.

– Господи, что с тобой? – прошипела Элька, злясь на себя отчаянно за эту зажатость, ввевшийся в кожу страх. – Теперь всю жизнь будешь шарахаться, как параноик, от любого шороха?!

За углом мощно взревел дизель, в груди рокотнул

резонансом звук двигателя. Сизый выхлоп солярки выполз из-за угла, в нем качнулось длинное дуло пушки, лязгнули по бетону мостовой гусеницы, оставляя после себя белые рваные раны. Головной танк повел за собой колонну по шоссе к центру Москвы. Черешня села на асфальт и зарыдала.

– Мама, мама, – кричала она, задрав голову и обняв Элькины колени, – война идет за нами! Война идет за нами!

В Москве стоял летний день девятнадцатого августа 1991 года.

Война действительно шла за ними по пятам, как, впрочем, и за многими перепуганными гражданами, брызнувшими в разные стороны от осколков рухнувшего СССР. Война, как образ жизни, стала неотъемлемой частью постсоветской действительности.

Неважно, какие она принимала формы: война между разными частями империи, схватки между бандитскими лихими бандами. Бескровные, но от этого не менее жестокие поединки за обладание денежными потоками. Драка между бомжами за кусок колбасы, или между клерками, чиновниками, бизнесменами за куски поинтересней. По сути, это все та же война, и все тот же образ жизни, что объединили монолитно постсоветскую ментальность, создали единую постсоветскую общность ненавидящих друг друга людей.

Элька, ее мама, Черешня и бабушка тоже пытались убежать от войны – безуспешное занятие в этой, отдельно взятой стране. И как только пародия на Октябрьский Переворот провалилась и была закидана тухлыми яйцами, понесла их электричка в дальнейшее Подмосковье, к подготовленному заботливыми родственниками рабочему месту.

Вот и приехали. Город Воложевск (грубо, но с русской меткой метафоричностью верно названный соседями Пиздорецк). Хрипящий громкоговоритель над перроном. Залужанный асфальт. Они остановились посреди платформы небольшой закольцованной женской группой, замкнув

Черешню в свой центр, готовые отразить атаку враждебного окружения.

– Елизавета Николаевна! Эля Владимировна! – позвал их мужской веселый голос с явным кавказским акцентом.

Они резко повернулись на звук. Прямо к ним направлялся легкой походкой человека, привыкшего к тому, что его все знают, узнают и признают, мужчина среднего возраста.

– Здравствуйте! – поздоровался он, подходя ближе. – Очень приятно познакомиться. Позвольте представиться: зам. главврача Зураб Арутюнович Торбан-заде.

Зураб Арутюнович, как истинный кавказский джентльмен, галантно вручил маме букет темно-красных бархатных роз; тепло и в меру крепко пожал руку Эльке, обозначив дистанции; выказал уважение к сединам бабушки щегольским белогвардейским полупоклоном; и улыбнулся всем одновременно.

Внешне он полностью соответствовал идеалу джигита двадцатого века: светло-кремовый костюм-тройка, белоснежная рубашка с расстегнутым на две пуговицы воротником, зеркальные черные остроносые туфли. На метр восемьдесят над обувью – такого же цвета и отлива шевелюра. Седые виски, в тон вискам густые, короткие усы с проседью. Сладковатый лимон одеколona "Олд Спайс".

– В путь, дамы? – он улыбнулся, и позвал с русской зычностью, но и с кавказским орлиным клёкотом. – Виктор!

Показался рыхлый бугай – водитель больничной "Газели", с постоянной зубочисткой во рту. Нехитрый скарб был сноровисто уложен в кузов, и минут через десять ухабистого асфальта машина въехала в зеленые ворота городской больницы, взвыла мотором на крутом пандусе к одному из корпусов и остановилась.

– Ну, вот, – повернулся к ним вполоборота Зураб Арутюнович, рука на спинке сидения, кремовая подмышка пиджака потемнела, – добро, так сказать, пожаловать!

И поторопился добавить:

– Это, конечно, временное пристанище. На первое, так сказать, время. Непременно подыщем нормальную квартиру.

Заброшенный двухкомнатный инфекционный бокс. Стены выкрашены масляной краской в мертво-зеленый цвет. Подтеки краски застыли очертаниями капель. Круглые окна между комнатами и на входной двери делали бокс похожим на отсек списанной подводной лодки.

Квадратный стол посреди комнаты. Рядом с ним на стуле мать, локти в стол треугольником, поддерживают опущенную на них в невеселых мыслях голову.

На соседнем стуле – Эля. Голова упала в отчаянии на стол, руки бессильно свешены. Рядом с правой – лежит на полу брошенная в отчаянии открытая сумка. Из нее высыпались тюбик помады и раскрытое зеркальце. В ее колени зарылась уснувшая Черешня и ровно сопит во сне.

На стуле у стены сидит бабушка, идеально выпрямив спину, руки сложены на коленях двумя параллельными линиями. Взгляд прямо перед собой.

В таком состоянии мы их на время оставим.

Стопкадр. Снято.

.....

– Мы, – с ударением на слове «мы» повторила Эля, упрямо вздернув подбородок и посмотрев Михе в глаза, – мы не уверены, что сможем расплатиться с вами.

Она обвела комнату взглядом и неопределенно повела руками. Изящные пальцы замкнули круг, сверкнул и погас небольшой бриллиант в кольце.

– Все указывает на то, – взгляд ее скользнул по богато сервированному столу, – что ваши гонорары очень высоки.

Маг сцепил руки перед своим выдающимся носом и согласен кивнул. Мол, да, госпожа доктор, гонорары действительно поднебесные.

– Хотелось бы уточнить ситуацию, – вмешался в разговор

Миха и накрыл кисть Эли своей. – Прежде чем... прежде чем мы сможем разделить с вами необычайно щедро предложенный обед, – сформулировал он с некоторым трудом витиеватую фразу, пошевелив от напряжения пальцами. – Сколько мы вам должны до настоящего момента? – Миха неосознанно выпрямился в кресле.

«Господи! – промелькнула у Эли мысль, осветив на миг лаской ее взгляд. – Мнит себя бизнесменом, крутым пацаном, а все чувства видны, как на ладони».

Она чуть качнула головой и погладила Мишкину руку.

Колдун, задумавшись, опустил взгляд к полу:

– С одной стороны, вы, конечно, правы – свой труд я оцениваю очень дорого. Как правило.

Он вскинул голову, прищулив один глаз, из-за чего второй на мгновение полыхнул в два раза ярче, и улыбнулся уголком рта:

– А с другой стороны, как вы сами видите, в деньгах нужды не испытываю. А посему, господа доктора, с вас оплаты своих услуг не требую.

Мишино лицо застыло – в его практике отказ от денег означал нестандартную и чрезвычайно высокую плату. Эля даже слегка побелела, и оба спросили в один голос, с тревогой подавшись вперед:

– Чего же вы хотите вместо денег?!

Колдун весело и заразительно рассмеялся, видя их испуганные лица, откинувшись на спинку кресла, и даже хлопнул от удовольствия по подлокотникам.

– Успокойтесь, господа врачи, успокойтесь!

Он посмотрел на Элю:

– Вам, госпожа доктор, не придется продавать душу дьяволу, или совершать еще какое-либо, богопротивное, магическое преступление.

"Мысли читает, гад! – зло подумала Эля, и тут же спохватилась. – То есть, не гад, конечно, а Маг! Маг, я хотела

сказать... то есть, подумать хотела."

Запуталась окончательно, потупила взгляд и даже слегка покраснела, что было ей совсем не свойственно – обычно она могла вогнать в краску кого угодно.

– А вам, господин доктор, не придется заниматься кражей наркотиков из клиники или оформлением банковских ссуд на свое имя.

Эля тихонечко прыснула со смеха, отвернувшись в сторону, но Миха все равно обиженно взъерошился. Встретились глазами, согласно прищурились: "Точно, мысли читает, гад!"

– Я с вас не требую никакой оплаты, – продолжил Маг, – лишь по одной простой причине: помогать вам является моей прямой обязанностью, входит в мой, как бы это объяснить... мой Job Description, в данном случае английская терминология наиболее точно отражает положение дел. Поэтому попрошу вас по этой причине более не тревожиться.

Он ободряюще подмигнул:

– Да, и по другим причинам тоже можете не беспокоиться – у меня вам ничего не грозит.

Тут он сильно покривил душой, уповав лишь на успокоительную естественность сказанного.

– И поэтому прошу вас насладиться от всего сердца прекрасным вином, вкус которого, надеюсь, оттенит скромный обед. Нина!

Тотчас возникла Нина, а с ней и огромный поднос – как она ухитрялась его удержать? – с салатницей, похожей на отреставрированный Колизей. И тотчас образовалась уютная предобеденная суета: шорох крахмальных салфеток, глухой стук передвигаемых по столу тарелок и приборов, звук наполняемых бокалов.

Наконец, тарелки и бокалы были наполнены, возникла легкая пауза, которую прервал Колдун. Он встал с бокалом, в котором подрагивал благородный красно-фиолетовый напиток:

– Я поднимаю этот бокал за вас! Всего лишь в шестой раз за долгую...

Он со значением покачал головой, поджав губы.

– Поверьте, весьма долгую практику! – мне выпала честь принимать у себя две Божьи Искры, соединенные в пару. – Помочь вам безвозмездно – моя прямая обязанность.

Предупреждая их порыв, поднял руку с знаком "стоп":

– Секунду терпения! Сейчас же все будет объяснено!

Он продолжил:

– Как показал опыт предыдущих пяти пар, нам удалось с честью выйти из трудных ситуаций, похожих на вашу. Поэтому я считаю, что у нас есть все основания для оптимизма. Отметим ненужные сомнения! За ваше здоровье, дамы и господа!

– Победа будет за нами! Ура, товарищи, – тихонько, но вполне различимо добавил Миха, уставившись взглядом в скатерть.

Элька сверкнула на него лукавыми глазами, еле подавив смех. Колдун не отреагировал никак.

Торжественный звон огромных бокалов напомнил кремлевские куранты. Маг закрутил вино в бокале, посмотрел на свет, как по его стенкам тягуче стекают маслянистые капли, опустил в него свой нос – тот немедленно занял весь свободный объем бокала – и с наслаждением вдохнул винный аромат.

– Оохх, – протянул он, прикрыв веки, – просто праздник какой-то. *

Эля отпила глоток, и на лице ее сменилась сложная гамма чувств, среди которых восторга, однако, не было.

Миха покрутил стакан, с острым прищуром посмотрел через него на свет, поднес к носу. Неожиданно явственно

* Тут Колдун явно пародирует Карабаса Барабаса из фильма "Золотой Ключик".

пахнуло графитовым карандашным стержнем и еще чем-то маслянистым. Он осторожно отпил глоток, прокатил по всей длине языка, как учил его кто-то, и проглотил.

Колдун с любопытством уставился на него:

– Ну-с, что скажете?

У Михи было несколько готовых формул, как прослыть знатоком, не имея представления о предмете разговора. Например. Утренняя конференция в отделении. Дежурный врач отчитывается о проделанной работе за ночь, выполненных операциях, реанимациях по больнице и, в частности, отмечает:

– Завтра планируется на лапароскопическое удаление желчного пузыря больной с синдромом Зоннелайтера – Танне – Сидорчука.

По почтительной тишине в зале и опущенным в пол взглядам ясно, что никто не представляет себе, из какой области медицины это чудо. Тут надо поднять указательный палец и уверенно спросить:

– Сколько лет больному?

Выслушать ответ, который не имеет никакого значения, откинуться в кресле и, прикрыв глаза, удовлетворенно улыбнуться в такт своим мыслям. Уважение отделения обеспечено: "При чем здесь возраст? Знает ведь, сукин сын, о чем речь! Откуда он все знает?! Где время только на все берет?"

Вторая формула была предназначена для меломанов.

Когда после концерта вас ловит кто-то с горящими глазами и задает вопрос «Ну как?!», надо с отрешенной улыбкой устремить взгляд поверх голов и заметить:

– Замечательное исполнение. Хотя английский рожок, на мой взгляд, суховат.

Восхищение во взоре меломана: "Нет, но так слышать, так слышать! Английский рожок отличил! Королевское ухо, скажу я вам!"

И последняя спасительная формула... хотя нет! Сегодня Миха почерпнул нечто полезное для беседы с любителями сигар! Например: "прекрасная эстетика покровного листа" слышится весьма внушительно! Весьма и весьма, не так ли, господа?

Так вот, третья спасительная формула применялась в беседах с ценителями вин. Обязательный ритуал взбалтывания вина в бокале, осмотра через свет, обнюхивания и маленького глотка. Уход в себя. Указательный палец вверх, и:

– Мощное тело. Но конец, мне кажется, несколько закруглен.

Успех обеспечен. Но не сегодня. Мишка чувствовал, что использовать эту фразу сегодня он не будет – Колдун явно был знатоком вин. Поэтому он ответил просто – описал свои истинные ощущения без витиеватостей, как они есть:

– Станный вкус, карандашом отдает.

И заслужил одобрение Колдуна:

– Совершенно верно! Характерный привкус графитового карандаша, сафьян, сушеные фрукты. Вино в теле очень плотное. Оно еще молодо, со временем часть танинов уйдет, и оно будет более эластичным. Но довольно о вине! Запейте его водой и попробуйте салат из омаров. Омары, смею вас заверить, свежайшие!

– Они еще и вкуснейшие, – заметила Эля, быстро справляясь со своей порцией. – Но не пора ли...

– Конечно! – перебил ее Маг. – Вам не терпится узнать, кто такие Божьи Искры, не так ли?

– Не то слово! – пристукнула кулаком по столу Эля. Она заметно покраснелась, а бокал её опустел. – Это же про нас!

Миха весело взглянул на нее – свой фужер он отставил после небольшого, из интереса к вину, глотка – и энергично кивнул.

– Ну что ж, – Маг поерзал в кресле, устраиваясь в нем поудобнее, отпил из бокала вина. – Вы любите антропологию?

– Антропологию? – удивленно переспросил Миха. – Люблю? Я ее знаю постольку – поскольку... Теория эволюции. Питекантропы, неандертальцы, кроманьонцы...

Он твердо добавил:

– Я антропологию не знаю. Люблю – не люблю... Когда не знаешь, не можешь сказать, нравится она тебе или нет.

– Вот Элю я люблю, – несколько невпопад добавил он.

Маг вежливо покивал с улыбкой и обратился к Эле:

– А вы, госпожа доктор?

– Я, господин Маг, просто люблю людей.

Эля задумалась:

– Конечно, не всех и не всегда. Но, на мой взгляд, люди заслуживают любви. Люблю ли я науку об их происхождении? Нет, наверное. Мне как-то все равно, от кого мы произошли, и как развивались.

Колдун покачал головой:

– Во-первых, не будем обобщать. "Мы" – понятие слишком неопределенное. Кто это – мы? Доктор Эля и доктор Миха имеют одно происхождение. Отпрыск бывшей супруги господина доктора Михи – иное. А, скажем, какой-нибудь Алисий Константинович Сбодунец вообще может иметь весьма отдаленное отношение к современной человеческой природе. Ваш же бывший супруг, госпожа доктор, мог произойти из совсем другого источника. Но это мы еще узнаем, когда будем анализировать ваши воспоминания. Обязательно узнаем, да-с!

Колдун подтвердил свои слова энергичным кивком и продолжил:

– Нам очень важно знать природу вашего ближайшего окружения – это определит энергетическую суть, истинную природу ваших взаимоотношений.

– Вы что хотите сказать, что человек не произошел от обезьяны? Что разные расы... – начал было удивленно Мишка, но Колдун тотчас его прервал:

– Упаси Бог, господин доктор! Никакого расизма! Все расы равны между собой в части их происхождения.

Секундная пауза.

– Я хочу сказать только, что человек не произошел ни от кого. Он произошел от самого себя.

Эля посмотрела на него с сочувственным недоверием:

– То есть, по-вашему, человек был создан...

Колдун возвел глаза к небу и пробормотал неразборчивую гортанную скороговорку. Судя по экспрессии сказанного, лучше для всех было оставить ее без перевода.

– Я не говорил, что человек был кем-то создан, и не подразумевал этого. Не так все просто. Я сказал лишь, что он не произошел ни от кого.

Вино тяжелой струей плеснуло в его и Элин бокалы. Миша накрыл свой бокал ладонью. Он и отпил лишь крохотный глоток из любопытства – что же это такое, Великое Гран Крю? Завязка есть завязка, господа!

– Это долгая история. – Маг поднял бокал, автоматически посмотрел через него на свет, отпил: – Но совершенно необходимая для понимания ситуации.

Он повернулся к Михе:

– Кстати, доктор, ваши познания в антропологии не так уж и ничтожны, как вам представляется. Действительно, принятая до недавнего времени теория линейной эволюции утверждала преемственную схему развития человека: австралопитек, питекантроп, неандерталец, кроманьонец. Кроманьонец и есть собственно человек. Или же, распространяя идиотизм политкорректности на древнейшую историю, дабы не обидеть возможных предков, будем использовать стыдливый термин "человек современного анатомического типа".

Эля, питающая страстную нелюбовь к фарисейству, впрочем, как и все прямые, откровенные люди, съязвила:

– Я полностью с вами согласна! А вместо понятия "дебил" предлагаю говорить "альтернативно мыслящий индивид". В рамках политкорректности.

И заслужила аплодисменты слушателей.

– Но мы собрались вовсе не для осуждения греха политкорректности, – продолжил Колдун. – К счастью, в наши дни линейная теория эволюции человека не смогла выстоять под огнем новых фактов и развалилась. И это замечательно!

Маг откинулся в кресле, приподнял в приветствии бокал:

– Потому что люди приблизились к пониманию своей истинной природы!

Они с Элей переглянулись. Прозвенели радостно бокалы.

Миша грустно запивал омаров водой, не замечая особой разницы во вкусе между предложенной им высокооксигенированной и обычной минералкой.

– Я не хочу утомлять вас подробностями, перечислением археологических находок и подсчетом сломанных в бесчисленных научных диспутах копий, у нас не научная конференция.

Он посмотрел прямо на них:

– Мне нет нужды представлять доказательства моей точки зрения. Вам придется принять ее на веру, как аксиому. Поверить мне, что все так и происходило.

Колдун запнулся, окинул взглядом стол и попенял себе с укоризной:

– Экий я, однако, нерадивый хозяин. Нина, горячее!

Вновь возникла из распахнутых дверей знакомая уже тележка на мягком резиновом ходу, а на ней на жаровне с раскаленными докрасна древесными углями скворчала, распостраняя дивный аромат нежнейшей телятины, огромная, начищенная до алмазного блеска серебряная кастрюля.

Миха длинно потянул носом божественный аромат, смахивая в этот момент на большого голден-ретривера, и от всей души надеясь, что у него не забурчит в животе. Увы, забурчало. Но Маг был увлечен рассказом, а Эля, будучи классным поваром, судя по выражению лица, была вся поглощена попыткой разложить в уме аромат на основные ингредиенты.

Маг продолжил, одобрительно следя за Ниной, ловко справляющейся с огнедышащей печью огромной кастрюли:

– Так вот, придется вам поверить мне на слово, что все так и происходило на самом деле миллионы лет назад.

Он посмотрел на своих – гостей? подопечных? пациентов? Лицо доктора утратило пепельный оттенок, вернуло себе нормальный цвет, глаза приобрели свой естественный блеск, да и губы порозовели. Это, конечно, свидетельства положительной динамики, но Колдун знал, насколько она нестабильна и легко может вновь обратиться в свою противоположность.

Действие по-настоящему сильных проклятий носит волнообразный характер. Сильное проклятие живет своей, можно сказать, жизнью. Оно замирает, когда чувствует противостояние, и свивается змеей в укромном местечке души или сомы, чтобы ужалить вновь, когда минует угроза обнаружения. В сильном, профессионально наложенном проклятии есть много общего с компьютерным червем. Оно так же легко проникает через защитные барьеры эфирного тела, маскируясь под волны обычной энергии, вмешиваясь в энергетические процессы среднего и высшего уровней.

Его так же трудно вовремя распознать и вытащить наружу, не дав ему зацепиться, пустить корни, разрушить барьеры между эфирными и физическими телами.

"Ладно, всему свое время", – Маг стряхнул лишнее в данный момент раздумья, и продолжил:

– Нет ничего лучше, чем простое изложение событий глазами очевидца! – он улыбнулся. – Надеюсь, вас не коробит мой юмор?

– Нисколько, – в тон ему улыбнулся Миха. – Мы лишь надеемся, что это юмор.

– Итак, – продолжил Колдун, – на взгляд очевидца все происходило следующим образом...

.....

Время: шесть – шесть с половиной миллионов лет назад.

Мы видим вращающийся земной шар. Он стремительно растет, приближается к нам. Летят нам навстречу окутанные атмосферной дымкой континенты. От резкого входа в атмосферу начинает трясти, голова, кажется, вот-вот оторвется от тела и выйдет на автономную орбиту. Но в этот момент тряска прекращается, и континенты уже не летят нам навстречу бурыми пятнами с зелеными мазками, а величественно плывут под нами.

Камера, а вместе с ней и мы, на миг застывает, выискивая цель, и падает коршуном вниз, неся нас на своих крыльях, в животе замирает тугой ледяной ком. Несемь над вершинами могучих деревьев. Вокруг разлит зеленый океан. Повсюду кружат птицы, чуть не задевая нас крыльями. Душно, влажно, кожа тотчас покрывается липким потом.

Голос Колдуна рокошет за кадром: "Центральная Африка".

На секунду зависаем, раскачиваясь. Под нами, метрах в пятидесяти, верхушки деревьев. Не успеваем перевести дух, под визгливую трубу слона вновь срываемся с места. Горячий ветер свистит в ушах. Лес несется под нами зеленой полосой. Инстинктивно поджимаем ноги, чтобы не зацепиться за кроны.

Чу! Что это? Лес обрывается кромкой саванны. Высокая пожелтевшая трава. Полынный дух наполняет дрожащее марево. Впереди появляются и стремительно приближаются смутные двуногие силуэты. Вот они уже под нами. Порошкие темно-коричневой, с черным отливом, шерстью. Их пятеро: трое взрослых, и двое детей.

Мы проносимся над ними, взмываем вверх. Саванна кренится вправо – это мы разворачиваемся и, снизив скорость, возвращаемся к существам. Хорошо видно, как один из взрослых, наверное, самец, прикрыв глаза козырьком ладони, настороженно смотрит вверх, но ему тяжело разглядеть нас против ослепляющего солнца. Двое детей жмутся к

ногам низкорослых, до полутора метров, самок.

За исключением того, что они уверенно стоят на двух ногах, человеческого в них мало. Шимпанзе, да и только.

– *Orrorin Tugenensis*, – Колдун рокочет баритоном, перекрывая ветер, – он же Человек Миллениума. Останки обнаружены в Кении в 2001. Отнесем его к австралопитекам. Одна из древнейших гоминид.

Мы резко, без предупреждения, взмываем вверх. От перегрузки давит виски и немного застилает глаза. Саванна стремительно уходит, уменьшаясь, вниз, обрастает по краям лесами, блестят пятна озер. Одно из озер начинает увеличиваться в размерах. Это мы, набирая скорость, несемся к нему.

Кто это движется в высоких деревьях, растущих по его берегам?

– Это же просто обезьяны! – слышится голос Эли. – В них нет ничего человеческого!

– И, тем не менее, их относят к гоминидам! – не соглашается с ней Маг. – О чем говорит данное им имя – салехантроп. И действительно, есть основания отнести его к предтечам. Например, слабо развитые клыки.

Как бы подтверждая слова Колдуна, одна из гоминид спрыгнула с дерева, и держась довольно уверенно на двух ногах, направилась к озеру.

– Пожалуйста, еще одно существенное доказательство – бипедализм, хождение на двух ногах, характерная особенность человеческой линии.

Мы снова набираем высоту. На этот раз медленно, как предательский неторопливый подъем на американских горках, перед грохочущим колесами обрывом. Неужели и мы так же сорвемся и понесемся штопором вниз?

– Мы находимся там, где в современности простираются пустынные земли, вблизи от южного края великой Сахары. Далеко от знаменитой Рифтовой долины, места обнаружения большинства древнейших гоминид, – голос Колдуна вновь

звучит за кадром с дикторскими интонациями. – А это значит, что множество различных видов австралопитеков сосуществовали одновременно на всем протяжении Африканского континента.

У-фф! Вздых облегчения. Никуда мы не сорвались с американских горок. Теперь перед нами трехмерный огромный экран. Во всю его ширину – Африка. А по ней движутся различные человекоподобные фигурки, постепенно расползающиеся по всей центральной части континента.

Увеличиваются и начинают вращаться на экране объемные изображения трех различных черепов. Слой за слоем покрываются мышечными пучками, футлярами фасций, кожей. В орбитах появляются глаза, а кожа черепа обрастает шерстью. Волосами это не назвать при всем желании. Но лицо не заросло целиком, лишь пышные бакенбарды. Лицо явно задумчивое, и выражение глаз напоминает Мыслителя Родена.

– Это так называемый плосколицый человек из Кении. Кениантроп, – комментирует за кадром Колдун. – Вглядитесь. Не правда ли, он похож на молодого Пушкина?

И действительно – некоторое сходство с великим поэтом прослеживается!

– Да, первое впечатление может быть ошибочно, – продолжает Колдун. – Возраст этой находки оценивается в три с половиной миллиона лет! В этом черепе удивительно сочетаются продвинутые и примитивные черты. А мозг маловат! Не превышает по размеру мозг шимпанзе, да и ушные каналы малы и более характерны для примитивных видов, живущих до него.

Надпись "POWER OFF".

Картинка меркнет.

И мы – р-раз! – уже сидим за черной старой партой с

откидной крышкой. Помните такие? Там еще были углубления: продолговатые для пенала и круглые для чернильницы-непроливайки.

Впереди сидят за такой же партой Эля с Мишей.

Колдун стоит к нам спиной и лицом к черной грифельной доске – а доску еще помните? – внизу, в полукруглом пазе которой валяется пропитанная меловой водой и засохшая до железобетонной твердости тряпка.

На доске мелом кривовато, крупными буквами прописью написано:

ОЛДУВАЙСКАЯ КУЛЬТУРА

– До недавнего времени считалось, что предки человека тихо и мирно меняли друг друга, как бегуны на эстафете: пробежит более примитивный предок свой кусок дистанции, и сменится новым, более продвинутым.

Колдун поворачивается к нам лицом:

– Но это не так! Миллионы, да, миллионы лет предки человека то продвигались вперед в своем развитии, то вновь отступали, возвращаясь к более примитивным формам. И все эти формы варились в огромном плавильном африканском котле. Они постепенно распространялись по всей территории материка. Встречались. Осматривались. Принюхивались.

Колдун развел руками:

– Сами понимаете, далеко не всегда эти встречи заканчивались мирно. И тогда одна из ветвей гоминид исчезала с лица Земли. А иногда они сливались, ассимилировались, скрещивались. Появлялась новая глава в человеческой предыстории. Так, около двух миллионов лет назад австралопитеки, которых мы только что видели на экране, додумались обрабатывать речную гальку, обнаруженную в наше время в ущелье Олдувай, в Танзании.

Колдун обвел аудиторию взглядом:

– И обрабатывали без изменений с миллион лет! Вдумайтесь, дамы и господа, в скорость прогресса разума, по сравнению с которой улитка – непревзойденный спринтер!

Мел чертит неровную линию по визгливой доске. Сыплется меловая крошка.

Появляется новая надпись:

АШЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

– Но это еще не все! В местечке Ашель, во Франции, обнаружены инструменты, прошедшие более точную обработку, с приданием им нужной формы и веса.

Начали эту культуру хорошо знакомые нам поздние австралопитеки, а продолжили питекантропы и даже ранние неандертальцы – а о них мы поговорим особо и подробно! – и те, поначалу, на ранних этапах своего становления, обрабатывали свои орудия старым дедовским способом!

Колдун попробовал оттереть руки от мела тряпочным конгломератом. Без малейшего видимого результата. Обескураженно посмотрел на свои белые пальцы, и продолжил:

– Сколько же продолжался Ашельский период? – задал он риторический вопрос. Воцарилась тишина класса, не сделавшего домашнее задание.

– Да еще столько же! – сам и ответил Колдун. – Миллион лет! Раннее человечество уже два миллиона лет сидит практически без движения на плохо оббитой гальке, и никого это не смущает! А где хваленое творчество, господа, где бег мысли, где рывок в развитии?

Класс молча внемлет.

– Почему все стояло на месте, или, на худой конец, со скрипом ползло вперед, а потом вдруг понеслось вскачь? Что, или же кто, вмешался в процесс?

Колдун перевел дыхание, а вместе с ним и увлеченный необычным материалом класс.

– Где же современная теоретическая наука, позволю себе спросить? – продолжил он. – Сошла со столбовой дороги, заплутала, и способна лишь классифицировать появляющиеся во все растущем числе антропоморфные останки, подгоняя их под ту или иную версию происхождения человека.

И вот уже выяснили ошарашенные ученые, что одновременно на Земле проживали четыре вида людей: *Homo sapiens*, *H. neandertalensis*, *H. erectus* и *H. floresiensis*. А сейчас говорят еще и об Алтайском человеке, так называемом денисовце, названном так по месту своего обнаружения – Денисова пещера.

А питекантроп? Вымер ли он к тому времени, породив гейдельбергского человека? Да и сам гейдельбергский человек? Что, кстати, с ним? Он был достаточно жизнеспособен, приспособлен к окружающей среде. С чего бы ему вымирать? Не говоря уже о неандертальцах, исчезновение которых пытаются объяснить всемирным похолоданием. И это вид, у которого появляется главная человеческая черта!

Драматическая пауза зависла в воздухе. Не летают шарики жеваной бумаги из рогаток. Не слышно шелеста страниц, спрятанных под партой книг или "Плейбоя". Даже шепот не прерывает тишину. Умеет увлечь слушателей, сукин сын!

Колдун, не спеша, обводит аудиторию взглядом:

– Вера! Религия! Культ!

Он задумчиво пожимает плечами:

– Совершенно точно существовал культ мертвых, которых они хоронили в хорошо обустроенных могилах. К их чести надо признать, что могилы, выкопанные, – Колдун саркастически поджал губы, – "человеком современного анатомического типа", намного неряшливее и куда как неаккуратнее. И этот продвинутый род без боя замерзает и уступает свое место молодому виду – Гомо сапиенс?

Он покачал головой:

– Неандертальцы... таинственный народ. Загадочно их появление, загадочен и их уход со сцены жизни. И никто ведь не задается естественным вопросом: а ушли ли они на самом-то деле?

Маг о чем-то задумался. Речь его все замедлялась, пока он вовсе не замолчал, поглощенный своими мыслями.

Миха кашлянул.

Колдун поднял глаза, вернулся с улыбкой из размышлений:

– Оставим, господа врачи, пока неандертальцев. Пусть себе подождут нас. Мы к ним еще вернемся. Обещаю. Слишком большое участие приняли они, и все еще принимают, в вашей судьбе. Под словом "вашей" я подразумеваю не только ваши индивидуальные судьбы, господа врачи, но и судьбу всего вашего рода. Рода Homo Sapiens. Незапланированного, так сказать, неожиданного ребенка, момзера, волею судеб ставшего царем.

Он смотрит на слушателей чуть насмешливо, как кажется, или только кажется?

– И, кстати говоря, почему же он не замерз, родившись на свет в тяжелое, пропитанное злым холодом время? Ничего не знающий, неприспособленный к жизни, и неумелый? Или же он появился с заложенными загодя знаниями? И кто же, позвольте спросить, их заложил, эти знания? Кто обогревал его своим дыханием в колыбели?

Позвольте! Но откуда появилась кафедра, за которой вдруг оказался Колдун, воздевший указательный палец к небу? Вероятно, стояла незаметно в стороне, а сейчас в свете прожекторов... Прожекторов?! Да, представьте себе, театральные софиты! Правильно поставленный свет эффектно освещал статную фигуру лектора.

– Я не буду утомлять вас сухой наукой, не для этого ведь "все мы здесь сегодня собрались". Никто никуда не исчезал,

не сменял один другого. А просто сосуществовали пять различных человечеств. Пять видов Номо. Пять видов людей, в современном понимании этого слова. Воевали, уничтожали друг друга, поедали друг друга, но и любили друг друга! Формировали всеми этими путями единое человечество под эгидой недавнего отщепенца, Человека Разумного, точнее, как его принято именовать в современном мире, Человека Разумного Разумного – Homo Sapiens Sapiens.

Он желчно усмехнулся:

– Два! – показал на пальцах. – Два раза повторяют! Наверное, хотят самих себя убедить в разумности. Что ж, не безосновательные сомнения... Иначе откуда, скажите на милость, – саркастическая улыбка вновь возникла на лице Колдуна, – откуда у человека современного анатомического типа около четырех процентов генов неандертальца?

Он прищурился, заломив бровь иллюстрацией Мефистофеля:

– А собственно, о каких временных рамках мы говорим? Речь идет о каких-то пятидесяти тысячах лет! Это же вообще не время для Ее Величества Эволюции. Пустяк! Нонсенс! Ноль! И к какому же заключению можно придти на основании этого?

Колдун замолчал.

Тишина в классе. Эля переглянулась с Мишей. Никто не горит желанием лезть вперед со своими мыслями.

– А вывод, я считаю, достаточно прост и очевиден – процесс продолжается, дамы и господа! Единое человечество еще только формируется. Из множества гибридных форм, подчинившись Человеку Разумному. Это первое заключение. А второе?

– Скорость процесса? – с интонацией человека, прозревшего свет, вскинулся Миха.

Элька тотчас подхватила невысказанную еще мысль и сверкнула в его сторону восторженным взглядом.

– Bravo, господин доктор! – Колдун даже заплодировал.
– Bravo! Конечно же, быстрота! Неизвестно откуда налетевшая невероятная скорость прогресса!

Вдумайтесь сами: за миллионы лет еле-еле научились обрабатывать гальку, оббивать булыжники и, возможно, приспособливать шкуры убитых животных под нечто, отдаленно напоминающее одежду.

Все усиленно вдумываются.

– И вдруг внезапно все ускоряется многократно! – лицо Колдуна озарено восхищением. – Каменные инструменты усложняются стремительно, а вот и налетает вихрем бронзовый век!

Он на секунду останавливается, улыбнувшись своим мыслям:

– Впрочем, лучше, как говорится, один раз увидеть...

Парты встают на дыбы, выталкивают нас наружу. Грифельная доска сворачивается газетным листом в трубочку, стены класса с хлопком исчезают. Нас окружает объемная черная пустота. Запах попкорна. Мы сидим в комфортабельных креслах ВИП-кинозала. Вспыхивает экран. Это три... нет! Это многомерное кино!

Поднимается обросшая шерстью рука с зажатым в кулаке булыжником. Медленно опускается, булыжник в ней меняет свои формы. У него появляются грубо заостренные грани. Рука поднимается вновь. Она чуть меньше покрыта шерстью, менее шерстиста, или только так кажется? В ней все тот же булыжник, может быть, более точно отточенный. Опять опускается. Опять поднимается.

Скукота! Где действие? Сапожник, кино давай!

– Совершенно справедливое требование, дамы и господа! – соглашается за кадром Колдун. – Ибо, если принять за два часа – время киносеанса – период развития человечества в шесть миллионов лет, то в течение часа и пятидесяти девяти минут мы увидим это монотонное, однообразное движение. И

лишь в течение одной минуты...

Пространство вокруг нас взрывается многообразием звуков, узнаваемых образов. Первая стрела, не успев слететь с тетивы, уже превращается в мушкетную круглую пулю, которая тут же вытягивается, покрываясь нарезками, и превращаясь в выпущенную из автоматического оружия.

Каменный топор, не успев взлететь над головой, обрушивается молотом рыцаря, но удар успешно отражает бронированное стекло лимузина.

Вот неандерталец выкидывает отбросы из проема пещеры, а вот он же сбегает по ступенькам небоскреба в костюме от "Зеньи" и в туфлях от "Берлотти". Кстати, во всем остальном он не так уж и изменился, не так ли?

Первый угольный штрих по гранитной стене превращается в "Ночной Дозор" Рембрандта, чтобы смениться радостью цветов сада Моне.

А музыка? Музыка! Одна минута, чтобы от волчьей песни первых шаманов перейти к Баху, Чайковскому, Битлз.

– Да, дамы и господа! Все пятьдесят тысяч лет истории человечества, или, правильнее будет сказать во множественном числе – человечеств? – укладываются в одну минуту экранного времени. В фильме, где до этого один час пятьдесят девять минут ничто не двигалось с места... Все замерло, словно в сказке о спящей красавице, в ожидании чудотворного поцелуя.

Колдун замолчал, взгляд его устремился в прошлое, в некую невероятно удаленную от нас точку, а по губам скользнула на мгновение загадочная улыбка. Скользнула и исчезла навсегда. И он уверенно вернулся в настоящее. И не дано понять, о чем он вспоминал, о чем он думал, чьи тени воскрешал в прошедших ночах.

– И этот поцелуй, правильнее будет выразиться, и это чудотворное касание действительно произошло...

Колдун вдруг одернул сам себя:

– Что же это я, словно нерадивый, ленивый хозяин, потчую гостей историями вместо обещанной трапезы!

Миха несколько раз моргнул, отгоняя видение.

Они с Элей по-прежнему сидели за обеденным столом. Так же сияла, дыша мясными ароматами, водруженная в центр стола кастрюля. Нина помешивала деревянной длинной ложкой соус в стоящей на сервировочном столике соуснице.

Эля тряхнула головой, возвращаясь в реальность.

– Да, господин Колдун, – обратился к нему Миха, – в таланте эффектного рассказчика вам не откажешь, знаете ли.

– Грешен, – скромно потупился тот, – люблю "три ди" кинематограф.

– А к чему, собственно, затеян этот... – Эля замялась, подыскивая слова, – антропологический экскурс?

– О! – Маг приподнял брови. – Мы его только начали! Поэтому вам неясно, к чему придем. Но, прошу вас! Сначала – трапеза! Мне никак не хотелось бы испортить впечатление от таких замечательных телячьих птичек, вынудив гостей есть их остывшими!

Эля и сама готовила легко, с удовольствием, обильно и вкусно. Но сегодняшний обед сошел с вершин кулинарного искусства, и вызывал у нее двойственные чувства – она ела и с аппетитом, и с некоторой грустью, вызванной белой завистью.

«Если всё – дай Бог! – утрясется, надо будет обязательно выпросить рецепт, – поставила себе Эля мысленную галочку. – Мишка уплетает, лишь бы тарелку не проглотил... только у кого просить, у Нины, или у Колдуна? Наверное, у Нины. Не похож он на человека, который, подпоясавшись фартуком, будет проводить дни напролет на кухне...»

Но вот суэта вокруг кастрюли стала стихать, вилки и ножи замедлили свой ход, а потом и вовсе вернулись на подставки, а едоки откинулись на спинки кресел.

Опустевшая кастрюля была возвращена в кухонную ссылку, а ее место занял чайный сервиз и, конечно, сигарный ящик со своими обязательными спутниками: пепельницей, гильотиной, длинными сигарными спичками.

– Немного передохнем перед десертом, господа врачи? – предложил Колдун, и, не дожидаясь ответа, протянул руку к сигарам.

– Все же, хотелось бы знать цель предыдущей лекции. Что это нам дает, и в чем она помогает, э-э... в решении наших проблем? – начал разговор Миха.

– То есть, вы хотите спросить, господин доктор, не напрасно ли мы тратим драгоценное время? – Колдун осматривал сигару, как ювелир осматривает предложенный ему к покупке алмаз. Не хватало только лупы. – Безусловно, не напрасно!

Сигара была отобрана, аккуратно гильотирована, и начался методичный процесс ее раскуривания.

– Какие главные выводы мы сделали из нашего краткого экскурса? – вопрос был явно риторический, и Эля с Мишей посчитали за лучшее промолчать.

– В течение миллионов лет четыре, а может, и пять различных человечеств худо-бедно сосуществовали одновременно на нашей планете, кое-как ассимилируясь друг с другом на границах ареалов обитания и сохраняя относительно чистую "породу" в центре.

Сигара зажглась равномерным красным огнем. Лицо колдуна окуталось облаком табачного дыма.

Атмосфера, классический английский стиль его костюма – все вместе рождало стойкую ассоциацию с Шерлоком Холмсом. Если бы не мощный семитский профиль.

Хотя было столько экранизаций произведений знаменитого английского писателя, столько актеров разных стран исполняли роль величайшего сыщика всех времен и народов, что нельзя исключить и такую интерпретацию образа Холмса.

– Около пятидесяти тысяч лет тому назад прогресс устремился вперед неожиданно и неудержимо! Что же произошло? – Маг подался вперед в кресле, сигара мерцала красноватым углём. – А произошло вот что: один из подвидов "человечеств" получил неожиданное и невероятно сильное преимущество.

Это, пока неизвестное нам преимущество, позволило ему в кратчайшие сроки распространить свое влияние по всей планете, захватывая все ареалы обитания. Позволило ему подчинить и ассимилировать все остальные подвиды, и, смешавшись с ними, образовать в идеале единый вид. Тот, который мы привыкли называть "Гомо сапиенс", и считать его результатом, вершиной линейной эволюции.

Маг обвел свою камерную аудиторию тяжелым взором:

– Надо только всегда помнить постулат: идеал – понятие абстрактное и недостижимое. Поэтому практический результат, и то, что мы хотели получить, – он скривил губы, – в "идеале" – вещи иногда противоположные. Запомним это на будущее, а пока я хотел бы узнать, – голос его приобрел интонации ныне покойного, но незабвенного ведущего программы "Что? Где? Когда?" В. Ворошилова, – что это за преимущество, которое получил доселе пребывающий на равных условиях с остальными подвидами человека, подвид «Гомо сапиенс»?

Вопрос был, конечно, вновь риторический, и ответа от своих подопечных Колдун не ожидал.

Но они переглянулись, и какая-то смутная догадка, некое древнее интуитивное знание засветилось в их глазах, когда они одновременно посмотрели на Мага, привычно взявшись за руки.

– Любить? Мы получили способность любить? – спросила Эля.

– Способность творить? Способность к творчеству? – добавил Миха.

– Да! – вскричал Маг, взглянув на них с радостным удивлением. – Это, безусловно, так, вы правы, но только частично! Это не полная картина. Способность творить, любить, сопереживать, сочувствовать – это все частные проявления единого целого.

Он перевел дыхание:

– Составные части некоего, одновременно и невероятно сложного, и чрезвычайно простого внутреннего комплекса, включающего в себя еще и врожденные этические и моральные нормы.

– Вы хотите сказать, – произнесла Эля с замиранием сердца, – что мы получили...

Она запнулась, резко выдохнула, как перед стопкой ледяной водки, и продолжила:

– Вы хотите сказать, что мы получили душу?

– Браво, госпожа доктор, браво! – мощно зааплодировал ей Колдун с довольной улыбкой. – Именно так! Вы получили душу.

– То есть, – задумчиво протянул Миха, – благодаря душе один из подвигов человека, "Гомо Сапиенс", обрел неоспоримое преимущество, которое позволило ему вырваться вперед и в кратчайшие сроки подчинить себе все остальные подвиды и ассимилировать их?

– Если сказать точнее, тот подвид человека, который обрел душу, и стал впоследствии называться "Гомо Сапиенс", – поправил его Колдун. – А в остальном все правильно.

– И кто же нам ее дал, душу? – невинно поинтересовался Миха. – Это вы знаете? Можете нам сказать?

– Конечно! – лучезарно улыбнулся Маг. – Выберите сами по вкусу: Творец, Создатель, Демиург, Пришельцы, Мировой Разум, Абсолют, Космический Совершенный Порядок. Лишнее зачеркнуть.

– Здорово! – разочарованно пробормотал Миха. – Очень информативно...

Колдун развел руками, мол, "все, что могу".

– В таком случае, расскажите нам хотя бы, что такое "душа"? – спросила Эля, подперев щеку ладонью, не отрывая взгляда от Мага. Голос ее звучал очень чисто, но был полон ностальгической грусти.

– Хм, – Колдун откинулся на спинку чуть скрипнувшего кресла. Сигара в углу рта заново вспыхнула багровым огнем. – Что такое "душа"?.. Вопрос, ответ на который поставит вас в один ряд с величайшими теологами и философами в истории человечества.

Он взглянул на Элю и подмигнул:

– Причем, поставит в этом ряду первым номером! Да-с!

Сигарный дым клубился в комнате, постепенно заполняя ее сплетениями сизых лент и колец, и придавая беседе некоторый оттенок нереальности.

Казалось невозможным, чтобы вся эта дымовая завеса была рождена одной сигарой, но, тем не менее, это было так. И вот еще – удивительно, но дым этот совсем не душил табачным тяжелым духом, а, наоборот, заполнял все вокруг тонким ароматом, придающим легкость дыханию. Хотелось вдохнуть его глубже. Что Миха с удовольствием и делал.

– Люди много умнее нас с вами, упомянем для примера патера Пьера Тейяра де Шардена, – продолжал Колдун, – веками бились, и бьются и сейчас над ответом на этот вопрос. Сам же вопрос то переходит из предмета теологии в философию, антропологию, а оттуда в генетику, этологию и молекулярную биологию, то возвращается вновь в область Божественного Начала.

Колдун замолчал, задумавшись, устремив взгляд в пол. Бесшумно отворилась дверь, появилась Нина с неизменной тележкой. На этот раз ее украшал высокий серебряный чайник, похожий на большую застывшую граненую каплю.

Аромат свежесваренного чая добавил атмосфере столовой теплоту и уют. Эле немедленно захотелось залезть на

кресло с ногами и свернуться клубочком под пледом.

– На самом деле, на интуитивном уровне, уровне чувственного, нерационального восприятия, мы обладаем неосознанным, интуитивным осознанием понятия "душа", – продолжил Колдун. – Это знание не нуждается ни в рациональных формулировках, ни в дополнительных определениях. Иначе было бы невозможно сказать про какую-либо личность "бездушный человек", и знакомые с ним люди не закивали бы дружно, соглашаясь. Как пример – Гитлер. Годится?

Миха и Эля согласно кивнули.

– Вот, видите! – руки Мага сплелись, и он потряс ими в подтверждающем жесте. – И мне не пришлось ничего определять, формулировать для получения вашего согласия. – Поэтому, – улыбнулся он, – давайте оставим в стороне тяжеленные фолианты и гримуары, использующие логику чистого разума в царстве иррациональной духовности.

Он подмигнул:

– И вообще, мы ж не на курсе философии. Наша с вами беседа служит лишь одной практической и важной цели – нам надо вычислить того, кто нанес вам жестокий магический удар. Иными словами, мы должны найти преступника, определить, какое колдовство было использовано, и обезвредить его. Се ту! Вот и всё! Исходя из этого, думаю, что время отвлеченных споров прошло! Все, что я скажу, воспринимайте просто как необходимый инструктаж.

Он встал из-за стола и собственноручно разлил чай по чашкам. Ах, какой божественный аромат источал этот густой, темно-красный напиток!

– Для удачной заварки необходимо несколько компонентов.

Колдун критически оценил цвет чая и, судя по всему, остался доволен:

– Во-первых, естественно, сами листья...

"А как же насчет "не отвлекаться"? – с раздражением подумал Мишка. – Где же этот грёбанный инструктаж? Вот ведь растекается мыслью по древу!"

– Во-вторых, качество и мягкость воды; и, в-третьих, температура – нельзя доводить до кипения белым ключом. Японцы называют эту стадию кипения воды "Шум ветра в соснах". Поэтично, не находите? Как ветер зашумит в сосновом бору, сразу чайник с огня!

– Я это называю "чайник поет", может, не так поэтично, зато точно! – ввернула с ехидцей Элька, тоже теряя терпение.

– Но самое главное! – невозмутимый Маг улыбнулся краешком рта и значительно помахал указательным пальцем. – Не жалейте заварки!

Из кухонной неизвестности возникла Нина с серебряным блюдом.

«Что же он так к серебру-то привязан? Нечисть, что ли, им отпугивает?» – с любопытством подумал Мишка.

На блюде возлежал заявленный в меню черничный грант.

"То бишь, пирог из черники с красивым названием, – подумала Эля, рассматривая его с выражением критического одобрения на лице. – Наподобие шарлотки? Нет-нет, все-таки пирог!"

Она пригляделась внимательнее и мысленно вынесла окончательный вердикт:

"Это черничный бисквитный пирог!"

И небрежно откинулась на спинку кресла, закинув ногу на ногу, как поступает эксперт, успешно решивший поставленную перед ним задачу.

– Как вы находите грант? – обратился к ней Колдун.

– Превосходный черничный пирог! – сразу же откликнулась Элька, попробовав кусочек. – Насколько я могу судить, на приготовление пошло шесть... нет, восемь готовых бисквитных ломтей, стакан сахарного песка. Ну, и стакана четыре свежей черники? Не так ли?

Откусила еще кусочек и покатала во рту, прикрыв глаза:

– Добавлено еще три столовых ложки сливочного масла?

– Четыре, – оторопело заметил Маг. Нижняя челюсть слегка отвисла, а голова склонилась набок, как у удивленного сенбернара. – Четыре столовых ложки.

– То-то он мне показался немного жирноватым, – укоризненно покачала головой Эля. – В следующий раз положите не больше трех. Сразу почувствуете разницу! Но в целом...

"Один... два... три", – медленно сосчитала она в уме, выдерживая паузу:

– Превосходный пирог! Великолепный!

– Непременно прикажу в следующий раз положить три ложки масла. – Колдун с оторопью справился, но вид имел отличника, небрежно выполнившего домашнюю работу, именно сегодня проверенную учителем.

Мишка победно взглянул на него – мол, знай наших! – умудрившись одновременно одним глазом восхищённо сверкнуть Эльке.

– К-х-х-м, – прокашлялся Колдун, возвращая голосу былую рокочущую уверенность. – На чем мы остановились?

– На сливочном масле? – невинно заметил Мишка.

Колдун криво улыбнулся – "хватит вам уже! Проехали!".

– Нет, господа врачи! Вернемся к нашей беседе.

Он утопил свой монументальный нос в сложенных перед лицом ладонях, собираясь с мыслями:

– Душа... Способность творить, любить, восхищаться, ненавидеть, обожать. Все чувства, содержащие в себе приставку "со": со-страдание, со-переживание, со-чувствие; все они невозможны без души.

Маг посмотрел на них с явным восхищением:

– Полет разума, способность подняться выше простых арифметических действий: жрать, пить, трахаться, защищаться, нападать... эта способность теряется в бездушном мире!

Он чуть помолчал, давая возможность своим слушателям

осознать сказанное, и продолжил:

– И самое главное, господа, не забудьте – свобода воли! Свобода воли плюс врожденный этический комплекс, этические нормы. Без этого человек не может быть человеком!

Вот этот великий, невероятно щедрый дар и получил тот подвид человека, который благодаря этому и стал "Гомо Сапиенс Сапиенс", "Человек Разумный Разумный". Хотя, быть может, вместо того, чтобы твердить чванливо о своей разумности, правильнее было бы хоть раз назваться "Человек Духовный"? Но не станем заниматься схоластикой!

В комнате стояла тишина. Но ее нельзя было назвать мертвой. Наоборот, это была очень живая, нетерпеливая тишина.

– Где же находится душа? Почему не могут до сих пор ученые доказать ее существование в своих трудах? – Маг взглянул на них. – Потому что не там ищут! Нет ее в физическом нашем теле, никак она с ним не связана. Душа человеческая находится в эфирном теле, без которого она существовать не может, немедленно погибнет.

Функция эфирного тела в том и состоит – с помощью энергетического барьера оградить душу от внешних воздействий.

Он на мгновение запнулся, подыскивая сравнение:

– Наподобие гематоэнцефалического барьера в... нашем мозгу

На слове "нашем" Маг немного запнулся:

– До сих пор все ясно? Повторить?

И получил в ответ два нетерпеливых – да-да! Давай, продолжай! – согласных кивка.

– Эфирное тело питает душу единственным продуктом, без которого она не может поддерживать духовную жизнь в бренном физическом теле – это чистая энергия эфира.

Его рука вновь потянулась к сигарному ящику, и еще один "Черный Дракон" покинул гнездо.

– Вы так много курите крепчайших сигар. Не тревожьтесь о своем здоровье? – в Михе заговорил врач.

– Не беспокойтесь, господин доктор, рак легких, равно как и прочие легочные болезни, мне совершенно не грозит. Уверяю вас! – отрезал Колдун, и продолжил:

– Эфирное тело постоянно снабжает душу эфирной энергией чрезвычайно высокой мощности. Невероятно высокой. Представьте себе, что произойдет, если высоковольтные линии подсоединить напрямую к квартирным розеткам? То же самое произойдет и с человеком, если энергия эфира напрямую потечет в его физическое тело. Сожжет и разум, и внутренние органы. В буквальном смысле – сожжет. Вот, кстати, наглядный пример – самопроизвольное возгорание.

Колдун кашлянул и отпил глоток чая.

Миха последовал его примеру и с наслаждением смаковал превосходный чай. В чае толк он понимал, мог заварить его пятнадцатью различными способами, в том числе и по методу Льюиса Кэрролла, автора "Алисы в Стране чудес".

"Когда – даст Бог! – все благополучно закончится, обязательно выясню сорт чая. Надеюсь, он не идет на вес золота", – подумал Мишка.

– Самопроизвольное возгорание человека – это как раз результат воздействия чистой, неослабленной эфирной энергии на физическое тело. Такие случаи – назовем это явление "коротким замыканием" в энергетическом барьере – редки, благо человек – творение достаточно совершенное, но – увы! – бывают, – продолжил Колдун, к которому вернулась былая уверенность после поражения с "черничным грантом".

– Да-да, – кивнула Элька, принимаясь за второй кусок пирога, несмотря на его повышенную жирность. – Помнится, читала об этом в какой-то бульварной газетенке. Если не ошибаюсь, речь шла о некой теории фитиля, источнике открытого огня поблизости от пострадавшего... на мой

взгляд – чушь собачья, в чистом ее виде.

Когда Эля говорила "Если не ошибаюсь", это значило, что случайно подвернувшийся материал её заинтересовал, был внимательно прочитан, как минимум на совесть отгуглен, и проверен перекрестно по первоисточникам. Если первоисточники не проходили испытание на ее детекторе лжи, то материал шел в виртуальную мусорную корзину. Но зацепочки, линки в памяти сохранялись, и при необходимости "мусор" можно было легко вернуть из небытия.

– Объяснения фактов, конечно, – полный бред, – согласился Маг. – Желтая пресса, ничего иного ждать и не приходится.

Колдун развел руками в стороны, признавая, увы, интеллектуальную ограниченность данных источников информации:

– Но факты-то, факты налицо! Иногда и бульварные масс-медиа могут нести некое полезное знание. Помните первый фильм из сиквела "Мужчины в черном"? В нём герои разыскивают нелегально проникших на Землю пришельцев именно по кричащим заголовкам в таких газетах. Просто надо уметь распознавать эту информацию, увидеть ее в правильном контексте, выделить ее из словесного сора.

– Иными словами, душа наша – своего рода понижающий трансформатор? – вернулся к теме разговора Миха. – Снижает высокое напряжение энергии эфира до совместимых с жизнью значений?

Маг поморщился, его явно покорило такое грубое сравнение, но признал:

– В какой-то степени, да. Но не только количественно, но и качественно. Энергия эфира превращается в энергию существования, любви, творчества, созидания. И в таком виде проходит через эфирные поры – каналы между эфирным и физическим телами. Что происходит дальше, известно в той или иной степени почти всем: энергия попадает в систему

чакр, и по бесчисленным энергетическим линиям разбегается ко всем органам и тканям.

Огонек сигары в углу рта налился багровым цветом и нервно замерцал.

– А вот то, что я собираюсь сказать вам сейчас, неизвестно почти никому, – Колдун подчеркнул слово "почти". – Людей, в контексте всего сказанного, на Земле живет немного. Очень немного.

Он встал из-за стола, брюки идеальной волной упали на туфли, и складка по-прежнему резала воздух, как заточенное лезвие.

Эля откинулась на спинку кресла, недоверчиво склонив голову набок, руки сложены на коленях, нога плотно закинута одна на другую, на лице застыла маска игрока в покер.

Миха подпирал щеку ладонью, взгляд ушел в себя – признак полного увлечения темой разговора. Колдун качнулся с пятки на носок, прошелся неторопливо по комнате:

– Далеко не все из тех, кто ходит на двух ногах, разговаривает, пишет научные статьи, учит, занимается бизнесом, или же, – полупоклон в их сторону, – врачеванием, далеко не все они – люди.

Колдун свел лопатки, чуть болезненно поморщившись, и продолжил:

– Если, конечно, мы, по определению, именуем людьми только тех, у кого есть душа.

– Стоп, стоп, стоп! – вскинула Эля указательный пальчик и выпрямилась в кресле. – Вы же сами сказали, поправьте меня, если я ошибаюсь, что один из подвигов человека получил бесценным даром душу, правильно?

– Да, госпожа доктор! – Маг вернулся в кресло, откинув пиджак назад привычным небрежным жестом.

"Как фалды фрака, по привычке", – промелькнуло в голове у Мишки.

– Благодаря этому дару он получил колоссальное преи-

мущество перед всеми остальными видами людей, получил способность творить, мыслить, не так ли? – продолжила Эля.

– Совершенно верно, госпожа доктор! – благосклонно закивал Маг, и даже сигара как-то замерцала особенно уютным, каминным угольком, приглашая к продолжению диалога:

– Не забудьте еще врожденный этический комплекс и свободу воли.

– Именно этот вид и стал называться "Гомо Сапиенс"? – вступил в беседу Мишка. Элька немедленно повернулась к нему. – Он, благодаря такому мощному эволюционному преимуществу, подчинил себе все остальные виды людей и объединил их в одно единое человечество?

Элька согласно кивнула

Слабо звякнуло серебро. Это Нина, словно возникшая из ниоткуда, налила всем свежего чаю.

– С некоторой натяжкой, да, – согласился Колдун. – Но помните, с тех пор прошло всего около пятидесяти тысяч лет. Процесс объединения в единый вид еще не полностью закончен. Сроки уж больно малы.

– ОК, – кивнул Миха, – не имеет сейчас значения, закончен процесс полностью, или нет. Имеет значение, что сейчас на Земле царит Гомо Сапиенс. Получивший, как мы знаем, Дар, иными словами – душу.

Он бросил взгляд на Эльку. Сами того не замечая, они снова работали в паре, как привыкли на сложных операциях.

– Поэтому, – подхватила мяч Элька, – душа есть у всех! У всех живущих на Земле людей.

– Увы, нет! – Колдун хлопнул по подлокотнику кресла. – Так должно было быть. В идеале. Но хотели, как лучше, а получилось, как всегда.

– А кто хотел? – спросила Эля с лисьими от любопытства глазами.

Колдун лишь неопределенно повел плечами, в очередной

раз оставив вопрос без ответа:

– В процессе победного шествия Гомо Сапиенса по планете и формирования под его эгидой единого человечества выяснилась одна любопытнейшая деталь.

Колдун сощурился совершенно по-ленински и качнулся вперед:

– Не у всех, далеко не у всех представителей единого нового вида, так называемого "человека современного анатомического типа", было, так сказать, полноценное эфирное тело.

Он посмотрел на них, и вновь у "господ врачей" возникло ощущение неуволности его взгляда.

"Он словно заключает нас в кокон своего взора", – подумалось Эльке.

– А это значит, что далеко не у всех из них есть душа!

Маг вновь откинулся назад, на спинку кресла, плавно развел руки в стороны:

– А это в свою очередь, согласно нашему определению, означает, что не все они люди!

Пауза. Он давал им время обдумать сказанное, самим придти к выводам.

– Но если это так... – начал первым Миха, поднеся к губам чашку с чаем. Тот удивительным образом оставался в меру горячим. С наслаждением вдохнул толику из выпущенного Колдуном совершенно драконьевого клуба сигарного дыма, подумав с завистью: "Вот ведь везет ему! Курит, как паровоз, и хоть бы хны!", и, покосившись на Элю, продолжил: – ...то все они должны были отстать, не обладая способностью к творчеству, фантазией, предприимчивостью. Отстать и постепенно исчезнуть, вымереть. Таковы ведь законы эволюции, не так ли?

– Ба! – протянул Колдун. – Законы эволюции... помните разницу между идеалом и его практическим воплощением?

– Хотели, как лучше? – улыбнулась лукаво Элька.

– Совершенно верно, госпожа доктор! – Колдун усмехнулся ей в ответ. – Гениальное прозрение Черномырдина.

Он сокрушенно покачал головой:

– Механизмы образования эфирного тела, сохранения души и её наследования оказались чрезвычайно сложны и прихотливы.

– Генетика? – скорее не спросил, а подтвердил Миха.

– Мась, ну ты что-о-о! – протянула Элька с легкой укоризной, сморщив носик. Обычная ее манера выразить недовольство. – Ну, подумай сам: душа наследуется по генетическим принципам! Сцепленная с полом, что ли? С мужским полом, естественно? С каким же еще, не с женским же, правда? Не смешно, нет? Что за половая дискриминация, господин сексист?

Мишка, которому ничего подобного и в голову не приходило, застыл с открытым от праведного возмущения ртом.

– Секунду, госпожа доктор! – Колдун широко улыбнулся. – А ведь господин доктор не так уж далек от истины. Конечно, нельзя сказать, что душа наследуется с генами, но некоторая схожесть присутствует.

Он пожевал губами в поисках подходящего сравнения:

– Эээ... Нечто вроде аутосомно-рецессивного наследования с весьма низкой пенетрантностью гена. Правда, это не имеет практического значения для нас с вами.

Сигара задумчиво потускнела и слегка замерцала, как огонек работающего хард-диска:

– Эволюция... никто не хотел умирать...

Скулы жестко сжались проявлением неприятных воспоминаний:

– Да! Никто не хотел умирать. И – это оказалось неожиданностью! – все научились приспосабливаться.

Колдун аккуратно положил сигару в пепельницу, пожалуй, впервые за все время их знакомства.

– Результат: на Земле существуют одновременно два класса современного человека.

Он посмотрел на них:

– Первый, весьма немногочисленный – собственно люди. Вы, господа врачи, являетесь представителями этого класса. Они же Божьи Искры! Мое глубокое почтение!

Он склонил на мгновение голову в знак уважения.

– Второй класс преобладает в численности многократно, и исключительно неоднороден по своему составу. Может существовать только за счет энергии Божьих Искр, паразитируя на них.

Маг взглянул на потухший окурок в пепельнице, скорбно вздохнул и потянулся к сигарному ящику.

– Этот класс – символ торжества приспособляемости, любимое детище Ее Величества Эволюции, дамы и господа! Прошу любить и жаловать – парантропы.

Сигара яростно полыхнула, едва успев занять свое место в углу рта:

– Говоря проще: пара-люди. То есть, "живущие рядом". Около людей. И за счет людей. За счет эфирной энергии, которую они высасывают из человеческих душ, душ настоящих людей!

Он поморщился:

– Пара-людям, пожалуй, принадлежит пальма первенства в области тактики и стратегии выживания! Столько разнообразных способов за столь короткий с исторической точки зрения промежуток времени! Какая невероятная приспособляемость, помноженная на живучесть!

Колдун замолчал, сигара снизила свой накал до тления.

Эля воспользовалась паузой:

– Если я правильно поняла, на Земле сейчас живут два класса "человека современного анатомического типа"?

Маг молча кивнул.

– Один класс – собственно люди. Это те, у которых есть

душа. И второй – пара-люди, это те, что живут за счет первого класса?

– Да, Эля, все так, – вступил в разговор Миха, отрешенно крутивший до этого в руках пустую чайную чашку, словно в надежде вызвать джинна. – Но мне кажется, что не все однозначно.

Он поднял голову, глаза сощурились, обдумывая только что пришедшую мысль:

– Разве у тебя когда-нибудь возникало чувство, что вокруг тебя есть люди и не люди?

– Еще как! – вскричала Эля, вскидывая эмоционально голову. – Да я навскидку сейчас перечислю.

– Подожди, подожди! – поспешно перебил он ее. – Я понимаю! Есть люди неприятные; есть отталкивающие; есть такие, про которых говорят "это разве человек? Разве человек способен так поступить?" Да! Но, - Миха с силой переплел пальцы, пытаясь облечь мысль в слова, – это лишь эмоциональная, экспрессивная окраска. Прямого значения мы этим словам не придаем.

– ОК, – Эля поменяла позу, дернув уголком рта от иголочек в затекшей ноге, одернула юбку. – И что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, – Миха откинулся на спинку кресла, небрежно закинув руки за голову.

Элька окрестила это его состояние "распушил хвост", оно олицетворяло крайнюю степень довольства собой, блеском своего интеллекта. Вслух на эту тему иронизировала крайне редко из-за болезненности реакции.

– Я хочу сказать, – повторил Мишка, – что мы не можем ни знать, ни почувствовать, кто человек, а кто – пара-человек. Мы не можем их различить. Ни внешних, ни поведенческих отличий мы или не видим, или же их просто нет. Для нас – все едины!

– И дальше что? – Элька подалась вперед, положив локти

на стол. – Какое это имеет для нас значение?

– Не можешь узнать врага, не можешь от него и защититься! – назидательно покачал пальцем Миха.

– Да-да! – подозрительно поспешно согласилась Эля. – А можно узнать, почему ты решил, что пара-люди наши враги? Почему надо от них защищаться? Есть основания?

– Э-э-э... ну, как же, – смешался Миха, – это же очевидно... У нас душа... У них ее нет... Вот! Ну, они и забирают... Пьют энергию нашу, что же в этом может быть хорошего?

– Угу-угу, – благосклонно покивала Эля, и пристукнула кулачком по столу. Впрочем, вполне шутливо:

– Ты не мямли, – она скорчила рожицу, – "ээ-мээ"... Ты внятно доказывай! Аргументируй! Что забирают?

– Постойте! – вмешался в перепалку Колдун, выставив вперед ладони, как бы разводя их по разные стороны виртуального дуэльного барьера: – Господин доктор...

– Господин доктор, госпожа доктор, – фыркнула Эля скороговорочкой. – Пан доктор, пан спортсмен...

– Эля, пожалуйста! – встревожился Мишка. Язычок у Эли был острый и безудержный. Сказанет чего-нибудь Колдуну нелицеприятное, превратят их в жуков, и все, приплыли...

– Все, все, молчу, – Эля подняла брови домиком, а взгляд уткнула в пол, пряча проказливо косившие глаза.

– Я могу продолжать? – кротко поинтересовался Колдун, но металл в его баритоне явно звучал, хотя и был мягко смикширован до фонового уровня. Ответ на вопрос подразумевался сам собой.

– Господин доктор во многом прав! Действительно, определить, кто перед вами – Божья Искра или пара-человек, вам очень тяжело!

"Вновь он неосознанно подчеркнул слово «вам», – подумалось Эльке. – Маг явно не ассоциирует себя с нами. Он что, не Божья Искра? Не может быть! А почему, собственно, не может быть? Господи, уже ничего не понимаю!"

– Но не невозможно. Для этого нужно более-менее длительное общение, в процессе которого у вас складывается неясное желание либо продолжать знакомство, либо прекратить.

Колдун вздернул уголок рта:

– А иногда просто хочется немедленно убежать, ускользнуть от собеседника, собутыльника, коллеги, попутчика, да Бог знает кого! Так ведь? Да, конечно так! Кто не сталкивался в своей жизни с подобным? Да на каждом углу!

И оба доктора согласно кивнули.

– Очень хорошо! – сигара вновь налилась огнем, а Миха втянул в себя носом очередную порцию ароматного дыма. – И если в первом случае, ситуации приятного общения, вывод сделать нельзя – вашим визави может быть и Божья Искра, и пара-человек, то нейтральная реакция, а тем более желание поскорее прекратить беседу, однозначно характеризует вашего собеседника как пара-человека. А уж если возникло желание сбежать, значит, пара-человек, с которым вы столкнулись, может быть опасен, а зачастую и весьма опасен!

Он взглянул на Миху.

– Поэтому господин доктор прав лишь частично. Не все пара-люди являют собой прямую и непосредственную угрозу истинно людям, Божьим Искрам. Хотя все они, без исключения, как правильно предположил господин доктор, питаются человеческой душой! Да-с, вашими душами, многоуважаемые Божьи Искры!

Тишина повисла в комнате.

– Кх-хм, – прокашлялась Элька. – Извините, а вино еще...

– Безусловно! – расплылся в благожелательной улыбке Колдун. – Нина!

– Босс?

– Декантер и два... – Маг вопросительно взглянул на Миху. Ответный взгляд добротой не отличался.

– Да, два бокала.

– Слушаю и повинуюсь, господин! – с торжественной иронией ответила Нина, и через полминуты вино весело зажурчало, переливаясь в бокалы.

Элька бросила виноватый взгляд на Миху, он улыбнулся, но не очень искренне.

И Элька, и Маг дружно чокнулись, явно избегая встречаться с Михой взглядами.

– Что значит "питаются человеческой душой"? – деловито осведомилась Элька, осушив свой бокал в один присест. – Каннибализм?

Колдун как раз поднес бокал к губам. От неожиданности рука дернулась, вино едва не пролилось на скатерть, кадык метнулся взад-вперед, и он поперхнулся, закашлявшись, успел поставить бокал на стол.

– Господь с вами, госпожа доктор! – он махнул рукой, прокашливаясь. – Питаются душой – это фигура речи, метафора. Я хотел сказать, что никто, ни один вид из множества пара-людей не может существовать без энергии, которую вырабатывает и дает им человеческая душа. Сейчас все объясню.

Взгляд его упал на пустой Элькин фужер, бровь удивленно дернулась, но, видимо, Маг принял решение не отставать, и тоже опустошил свой одним махом. Бокалы наполнились вновь.

Мишка громко осуждающе засопел, но без всякого видимого эффекта. Сокрушенно вздохнул и продолжал слушать, всем своим видом демонстрируя полное неприятие такого пьянства.

– Эфирное тело способно принять, как я уже говорил, энергию из эфира. Душа обеспечивает ему физическое тело. Но помимо этого, Божьи Искры генерируют и выплескивают моря прошедшей через них энергии по системе чакр во внешнюю среду. В такой форме ее уже могут воспринимать

пара-люди. Это заменитель души в их марионеточных телах! Душа взаймы, да, воистину, душа взаймы – вот точное определение!

Колдун посмотрел на них. Очень добро посмотрел. Поднял бокал.

– Эта энергия – мотор, вечный двигатель прогресса. Без нее нет на свете любви, мук и радостей творчества, нет книг, картин. Нет философии, математики. Нет религии, нет духовности. Нет, и не может быть вообще ничего! И знаете почему?

Они лишь мотнули отрицательно головами, зачарованно уставившись на их странного хозяина.

– Потому что без Божьих Искр все человечество мгновенно превратится в стадо озверевших двуногих животных, способных жить лишь по законам животного мира.

– Извините, но я не вижу логики в вашем утверждении, – недоуменно поднял брови Миха. – Какая связь между передачей некой энергии, которая, соглашусь с вами, может быть необходима для творчества, размышлений и всякого такого... – он неопределенно поводит руками в воздухе, в попытке обрисовать законы творчества, – и существованием по животным законам?

– Ты знаешь, мася, прямой связи я тоже не вижу, – ответила ему вместо Колдуна Эля, сощутив по-снайперски левый глаз и задумчиво прижав указательный палец к подбородку. – Но мне кажется, мы упустили что-то важное, что-то очень важное из сказанного... попробуй вспомнить.

Мишка задумался.

Колдун поразился, насколько у обоих выражение лица, мимика были в это время схожими: Миха и щурился одинаково, а ее палец описывал такие же круги, как и его.

В этот момент Мишкины глаза внезапно распахнулись, и в них засветились озарение и радость от уверенности в правильности своей догадки. В это же мгновение Элька еще

сильнее сощурилась, а по лбу побежали морщинки, и она выпалила:

– Этика, не так ли?

– Моральный кодекс? – выкинул вперед правую руку Миха, жестом школьника, тянувшего к учителю дрожащую от нетерпения руку: "Я! Я знаю!".

– Наконец-то! – Колдун даже привстал и потряс сжатым кулаком, отчего стал похож на спортсмена, побившего рекорд. – Да! Душа просеивает во внешний мир заложенные в ней принципы этики и морали. Этот, как вы правильно подметили, господин доктор, моральный кодекс вместе с энергией впитывается паралаюдми. Это то, что позволяет сохранить понятие человечности, да и весь мир, в более-менее приемлемом виде. Это то, что сохраняет паралаюдм человеческий облик.

– Г-господи, – Миха покачал головой. – Прямо, остров доктора Моро!

Маг только скривился, и опустошил залпом бокал. Эля пожала плечами – а почему бы и нет? – и следом прикончила свой.

– А ведь планировалось совсем не так, – Маг покатал пустой фужер в ладонях, и тот грустно отозвался тихим хрустальным звоном. – Вид "Гомо Сапиенс" должен был преобразовать человечество в единую духовную общность, исполненную ценностями гуманизма, просвещения...

– Что-то подозрительно пахнет моральным кодексом строителя коммунизма, – мягко перебил его Миха, – наверное, можно не продолжать. Потому что "получилось как всегда", я прав?

Маг только развел руками, дескать, "да, правы, куда же деться?"

– Знаете, – продолжил Миха, – история с октябрьским переворотом – это одна из бесчисленных реинкарнаций этой идеалистической идеи. Теперь, хотя бы, мы приблизились к первоисточнику этого бреда.

Он иронически заломил бровь:

– И кому же, скажите на милость, пришла в голову...

– Мишка, заткнись немедленно! – выкрикнула с неподдельной тревогой в голосе Элька, подскакивая в кресле.

Мишка вздрогнул от неожиданности и осекся на полуслове. Колдун благодарно посмотрел на Эльку, слегка склонив голову в знак признательности. Мишка перевел взгляд с него на нее, пожал плечами в недоумении, открыл было рот, чтобы продолжить...

И вдруг кожей почувствовал некую, неотвратно нависшую над ним, невероятную стихийную мощь. Как если бы вы шли по спокойному морскому берегу, взглянули небрежно в сторону моря и увидели вместо только что невозмутимой глади черную стену цунами.

Колдун стремительно побледнел.

Рот закрылся сам собой. Желание иронизировать, ерничать испарилось без остатка.

Цунами исчезло.

Все разом перевели дух. Мишка промокнул салфеткой холодную испарину на лбу:

– Просто хотел спросить, – голос прозвучал надтреснуто и фальшиво в неловкой попытке сменить тему, – знаете ли вы, как говаривал Аденауэр, канцлер ФРГ, ненавидимый в СССР?

Колдун только воззрился мрачно исподлобья. Элька обмякла в кресле, откинувшись на спинку, уставилась в потолок невидящими глазами. Что они оба в этот момент подумали о нем, Миха не сомневался, но вот что конкретно думали, узнать ему не хотелось.

Тишина повисла неловкая, и Мишка попробовал ее разбить, переключив их внимание:

– Он сказал как-то: "Я сам был бы первым коммунистом, если бы все люди были бы ангелами".

– В реальности, – продолжил Колдун, проигнорировав

Мишкино высказывание, – гибридные формы, у которых не было полнокровного эфирного тела, способного принять душу, стали отчаянно бороться за свое существование.

Он покачал головой:

– И проявили недюжинную тягу к жизни! Они смогли использовать энергию человеческой души многими способами. Поэтому и видов пара-людей множество... впрочем, лучше, как говорится, один раз увидеть.

Он с наслаждением потянулся, с хрустом выпрямив сцепленные руки над головой:

– Мы несколько засиделись на одном месте. Небольшая, но весьма познавательная прогулка после сытного обеда нам, полагаю, не повредит. Не так ли?

Элька посмотрела на Миху, Миха бросил полный недоумения взгляд на нее, пожал плечами "ничего не понимаю!", и оба они повернули голову к Колдуну. Миха открыл было рот, чтобы спросить, о чем идет речь, но Маг его опередил.

– Готовы к небольшой прогулке? – и, не дожидаясь согласия, или хотя бы кивка, скомандовал, театрально хлопнув в ладони: – Ву – а – ля!

"Словно: раз, два, три!" – только успела подумать Эля, как...

.....

...Знакомый горячий и влажный воздух Тель-Авива, полетнему густой, заполнил легкие, а кирпичики мостовой не сильно, но вполне ощутимо ударили по подошвам, заставив согнуть, амортизируя толчок, ноги в коленях.

Элька негромко ойкнула от неожиданности, покачнувшись на каблуках, и вцепилась в Мишкину руку. Они ошарашенно озирались по сторонам, щуря глаза от яркого солнца, вдруг ворвавшегося в покой столовой Колдуна.

Столовой?! А где же эта столовая, дамы и господа? Куда она пропала? Нет ее, растворилась, исчезла, и сменил ее

центр веселого, жаркого, отчаянно и беспечно шумного Тель-Авива. А, говоря конкретно, улица Ибн Гвероль – средоточие торговых путей этого бестолкового, немного неряшливого, но такого обаятельного города!

– Все в порядке, господа врачи, все в порядке! Легкий променад после сытного обеда с вином, – сказал довольный эффектом Колдун, и позволил себе почти незаметно, но с легким намеком, подмигнуть Эльке, – всем нам только на пользу, уверяю вас!

Наша троица стояла у главного входа в торговый комплекс "Городской Сад" – сплетенье дорогих бутиков; одна из популярнейших "черных дыр" страны; место, где в мерцании названий раскрученных брендов исчезают деньги множества "цфонбонов", чтобы, по закону сохранения вещества, осесть в карманах других "цфонбонов".

Цфонбоны – это отдельная тема, не заслуживающая пристального вашего внимания, ибо таких цфонбонов в каждой стране мира – на пять копеек пучок.

"Цафон" на иврите означает "Север". Традиционно сложилось так, что северные районы Тель-Авива престижны и богаты, предел пара-человеческих чаяний и мечтаний.

Поэтому заселены эти районы во многом чванливыми жителями, на жаргоне "цфонбоны", а попросту – пижоны. К ним прекрасно подходит расхожее московское выражение "понты дороже денег". Ну, и хватит о них! И так, на мой взгляд, сказано о них намного больше, чем они того стоят.

– Почему мы именно здесь, как вы думаете? – Колдун скрестил руки на груди, ни дать, ни взять преподаватель начальных классов.

– Наверное, потому, что здесь можно увидеть паралюдей, да, учитель? – пискнула Элька голосом отличницы-зубрилки, и, войдя в роль, застенчиво ковырнула асфальт носком туфельки.

Колдун покачал головой, осуждая такое детство, но

улыбку сдерживать не стал, а позу все-таки сменил на более демократическую:

– Тепло! – ответил он.

– Если бы у вас были усы, вы бы наверняка их сейчас погусарски закрутили! – сузила Элька глаза в язвительной гримаске.

Мишка смешливо фыркнул, неожиданно обнял ее, отчего Элька якобы испуганно, а на деле – кокетливо взвизгнула, и на секунду уткнулся носом во впадинку у основания её шеи под волосами.

"Дернуть, что ли за косичку? – пронеслась шалая мысль, но он тут же спохватился. – Господи, у нее же и косичек в помине не было! Мудак, когда же ты повзрослеешь!"

Миха разжал объятия, отпустив Эльку, и повернулся к Колдуну:

– Наверное, потому что здесь можно увидеть МНОГО пара-людей? – предположил он, выделив слово "много".

– Совсем тепло! – Маг уважительно кивнул, поджав губу. – Но... не горячо! Пара-людей и так много, вышел на улицу, стой и смотри – почти все, кто пройдет мимо, и будут пара-люди.

Вид у Мишки был несколько обескураженный, а Элька поддразнила его, высунув язык.

– Мы здесь, – продолжил Колдун, – потому что именно в торговых центрах можно увидеть за короткое время ВСЕ виды пара-людей. Понимаете, эрзац души, душа взаймы, так сказать, совсем не сопоставима с душой истинной. Хотя различия могут быть и не заметны простому, неискушенному глазу. Но тяга пара-людей к шопингу намного выше, чем у людей!

– Вы хотите сказать, что если я болтаюсь изредка по магазинам, то я – пара-человек?! – задохнулась Элька от возмущения, руки в боки. – Да тогда все женщины без исключения – это пара-люди!

– И пара-ходы! – влез неумный Мишка. – Будут теперь называться не "мочалки", а пара-чалки! Умывальников начальник, пара-чалок командир...

– Дурак! – с деланной обидой надула губки Эля.

– Нет, конечно, госпожа доктор! – весело рассмеялся Маг. – Все мы делаем покупки – иногда с удовольствием, иногда в силу необходимости. Но пара-людей тянет в магазины, как магнитом. Они вообще намного практичней, прагматичней собственно людей, Божьих Искр. Прочно стоят на этой земле, и без сантиментов понимают, что почем.

Колдун кашлянул и на секунду замолк, переводя дух.

В паузу сразу же ворвался шум неумолчного потока жизни, наполняющей Тель-Авив от мостовых и до бескрайнего неба.

"Какой город живет нашего Т.А.? – вдруг подумалось Эльке. – Москва? Наверное, да, живет. Но много агрессивнее. Лондон? Больше, роскошней, богаче и чопорней. Париж? Элегантней, изящней, и воплощение отчужденности, равнодушия, позерства. Нью-Йорк..."

Сама того не замечая, ностальгически улыбнулась. Нью-Йорк был ее любимцем. Роскошный, свободный, раскованный, кишачий разноликим народом мегаполис. Столица мира? Не каждый с этим согласится. Но, по мнению Эли, прочие кандидаты на эту роль могли нервно курить в сторонке.

"Значит, поставим на первое место Нью-Йорк? Нет! – отрицательно покачала она головой в такт своим мыслям. – Слишком уж он пропах деньгами. Насквозь пропах. До степени идолопоклонничества. Пусть уж стоит на первом месте по человеческому теплу наш провинциальный и безалаберный, немного неряшливый и балаганистый Тель-Авив! Зато он такой уютный и добрый; в нем всегда так спокойно и хорошо!"

Хлопнула ресницами, возвращая себя из размышлений в реальность.

С того момента, как они вдруг оказались у входа в "Городской Сад", ее не отпускала смутная, неясная тревога, некий беспричинный страх. Беспричинный ли? Она покопалась в себе, пробежалась взглядом по окружению, по прохожим.

Вроде никаких оснований нет. Мишка стоит расслабленный, шурится на солнце, ушел полностью в объяснения Колдуна. Колдун прямо-таки источает уверенность. Народ совершенно обычный снуёт по улицам. Нет, ерунда, бред какой-то... превратилась в истеричную дамочку из-за всего этого потока напастей!

Разозлилась на себя, резко тряхнула головой, отгоняя страхи, от чего черные кудри разлетелись в стороны.

Прислушалась. Чувство опасности отступило, но полностью не ушло. Спряталось под ложечкой сосущим червячком. Ладно, со временем уйдет совсем! Не обращать внимания!

– Я думаю, теории достаточно. Предлагаю зайти в магазин, на практике объяснять, да и понимать намного легче, – Колдун плавным и несколько театральным жестом пригласил их войти.

Охранник в традиционной белой рубашке окинул Элю и Миху скучающим, безразличным взглядом, ошарашенно сглотнул, заходяв кадыком по длинной шее, при виде Колдуна в пиджачной паре с туго затянутым узлом галстука, но промолчал – повидал здесь и не таких еще чудиков.

Автоматические двери разошлись в стороны. Магазин выдохнул холодный воздух кондиционеров и пустил их вовнутрь.

Гулкий шорох множества ног, отблески витрин. С нижнего этажа летит вверх сложный шум детской площадки: заунывный плач младенцев – один перестает, второй подхватывает, – крики, визг, смех, в которых тонет стремление родителей к покою, на худой конец – хотя бы к короткому отдыху.

– Ну, что ж, – они стали у широкого опорного столба, и

Колдун огляделся по сторонам, – обзор прекрасный, здесь мы никому не помешаем... приступим?

– Да, давайте! – Миха с интересом озирался, заново оглядывал таких знакомых, как ему казалось, тель-авивцев, как будто увидел их сегодня впервые:

- хрупких, седых с просинью, фарфоровых старушек с расплывшимся от времени концлагерным номером на руке.

- полностью офитнесевающих дамочек с печатью измождения на обезличенных пластических хирургами лицах.

- густо усеянных золотыми и не совсем золотыми браслетами темнокожих псевдо-блондинок.

Да, много еще интересных, колоритных типажей населяют этот город!

– Ну-с! – Колдун потер руки, как врач перед осмотром больного. – Вот, к примеру, эта дама. Смотрите, прямо перед нами вышла из магазина "Пол энд Шарк", идет в нашу сторону... видите?

Дама, типичная жительница северного Тель-Авива: подтянутая, без возраста, точнее, в возрасте от сорока до шестидесяти, черным волосам придан вид хаоса тщательно продуманной укладкой. Коротко говоря – Малая Рублевка, со скидкой на левантизм.

– Господин доктор, что скажете? – Колдун чуть наклонил голову в его сторону.

"Господи, прямо профессорский обход!" – подумал Миха, кашлянул и начал с легкой иронией:

– Итак, коллега!

Колдун скосил к нему округлившийся глаз, отчего стал похож на испуганную лошадь, но быстро иронию оценил и усмехнулся.

– Перед нами женщина, 45 – 50 лет, правильного телосложения, нормального питания...

– Доктор, достаточно, прошу вас! – Колдун умоляюще прижал ладонь к сердцу. – Не надо медицины! Посмотрите на ее энергетику! Видите ее поле?

Миха смешался. Оценить энергетику? Увидеть ее поле? Интересно, а как? В книгах фэнтези герои в таких случаях включали внутреннее зрение. "Хороший совет, если знаешь, как его выполнить", – подумал кисло Миха.

– Я бы сказала, типичная северная сучка, – вмешалась Элька, соорудив пренебрежительную гримасу, – ничего особенного... какая у нее может быть энергетика?

И ревниво оглядела длинные стройные ноги "женщины нормального питания", одновременно контролируя боковым зрением Мишку: не пялится ли?

– Ну, доктор, так какая у нее может быть энергетика? – подхватил Колдун, щурясь, как довольный кот. – Уйдет ведь сейчас!

– Гос-споди! – в Мишкином восклицании явственно слышалось – "да отвяжитесь, наконец!". – Неприятная у нее энергетика, холодная.

Замаялся, подбирая слова:

– Опустошающая, что ли?

– Очень и очень неплохо, господин доктор! – похвалил Колдун. – Это, правда, у нее на лице написано, типаж довольно примитивный, как справедливо выразилась госпожа доктор, но тем не менее...

"Примитивный типаж" тем временем прилип к витрине бутика "Вандом", прикидывая, стоит ли удостоить магазин своим посещением.

– Вы видите, действительно видите своим внутренним, духовным взором ее истинную суть! Но не осознаете этого! Потому что ваши эфирное и физическое тела разобщены. Поэтому образы, увиденные внутренним взором, не могут пройти через барьер в мозг и передать запечатленную картину в ваш физический мир. Вам, увы, не дано увидеть то, что видит ваша душа!

И, немного рисуясь, подмигнул им:

– А мне дано! И я смогу вам показать то, что видит ваше

внутреннее зрение! Извините, но для этого мне придется вас побеспокоить.

Маг плавно сдвинулся с места, волнообразно качнул корпусом, вызывая в памяти образ Брюса Ли, и – р-раз! – оказался между ними одним легким, скользящим движением:

– Вам только придется взять меня за руки, иначе ничего не увидите.

Эля грациозно взяла его под руку, Мишка мысленно поморщился, – очень не любил физических соприкосновений с мужчинами – но сжал кисть Колдуна, стараясь независимо смотреть по сторонам, дескать, я не имею к происходящему никакого отношения.

– Начинаем! – неожиданно заунывно пропел Колдун.

Мир вокруг них изменился дивным образом. Он окрасился в сочные, яркие цвета. Они беспрерывно менялись, переливались и сплетались соцветиями, в которых преобладали пурпурные, зеленые и золотые оттенки спектра.

Шум детской площадки теперь вздымался снизу языками алого с голубым пламени; от витрин исходило ровное, нейтральное белое свечение; филиал банка "Леуми", неподалеку от них, окутывали волны то радостного зеленого цвета, то клубы черного, то он вдруг наливался багровой пульсацией.

"Зависит от преобладающего настроения владельцев счетов", – догадался Миха.

Что касается дамочки, то с ней произошли серьезные пертурбации. Она стала как бы ниже ростом, шире в костях.

«Приземистей», – мысленно подобрала ей эпитет Эля.

Черты лица, с одной стороны, не изменились, но в то же время стали чуть заостреннее; верхняя губа приподнялась, придавая облику агрессивность. Но не это самое интересное! Ее теперь окутывала плотная черно-красная аура. В области головы она подрагивала мелкой, нетерпеливой дрожью.

"Дрожь, как от гипогликемии", – немедленно родилась у Эли ассоциация. И ее осенило:

– Ба! Да она ведь голодная!

В области затылка, из шедевра куафюрного творчества, пробился на свет красно-черный же вырост, похожий на хищный цветок росянку: цепкие, даже на вид пульсирующие багровые "лепестки" находились в постоянном движении.

– Они как будто обнюхивают воздух, – с отвращением прошептал Мишка.

Едва он успел закончить фразу, как из центра "росянки" взметнулся, стремительно раскручиваясь по спирали, черный язык, как у лягушки в телепередачах на тему "В гостях у природы". Он застыл на мгновение и щелкнул по вышедшему из дверей магазина молодому человеку с темно-желтой аурой и небольшим светящимся зеленым пятном в области сердца.

Чмяк! И зеленое пятно исчезло, а язык скрутился по обратной спирали и исчез в своем цветке.

Молодой человек ничего не заметил и не почувствовал, продолжал идти по своим делам, беззаботно крутил взглядом по витринам. Хотя в тот момент, когда язык слизнул зеленое пятно, щека его неосознанно дернулась, как бывает при укусе комара.

– Ой, мама! – прошептала Эля с круглыми от удивления пополам со страхом глазами, и даже повисла на руке Мага. Впрочем, он даже не обратил внимания. Казалось, его рука легко выдержит и Мihu в придачу:

– Она же хищница... то есть, охотница... а что она слопала? – она смотрела на Колдуна снизу вверх с выражением детского восторга от увиденного. Так дети реагируют на цирковой номер.

– Охотница, хищница – это все синонимы. Более всего этому виду пара-человека подходит набившее уже оскомину название Дракула. Так я называю мужчин этого вида, женщин же этого вида предпочитаю называть "Леди Ди".

– По ассоциации с... а она что, тоже была? – Мишка

натурально испугался, что Элькины сверкающие глаза вылезут из орбит, так их распирало от любопытства.

– Просто сокращение от "Леди Дракула", – подмигнул ей Маг, – а вы уж сами решайте, верны ли ваши ассоциации.

Тон его голоса изменился, стал сухим, деловым:

– Как ясно из названия, перед нами типичный энергетический вампир. Впрочем, довольно безобидный. – Он пренебрежительно махнул рукой. – Сворует чуть здесь, еще немного – там. Большого ущерба причинить не может. Это те люди... правильное, пара-люди, общение с которыми для нас неприятно, мы не то, чтобы избегаем их сознательно, но стараемся свести длительность контакта к минимуму: "Привет! Как дела? Вот ты молодец! Извини, старик, мне надо бежать", – вот примерная схема общения. На жаргоне таких людей обычно называют душными. Попадаютса довольно часто, верно?

– Чаше, чем хотелось бы, – согласилась Эля. – Чем же она сейчас питалась?

– Эля, – ответил ей вместо Колдуна Миха. – Энергией. Она питается энергией.

– Мишка, это понятно! – Эля слегка склонила голову набок, и глаза ее слегка сузились:

– Какую энергию такие типы высасывают? И у кого они ее высасывают?

Интонация ее голоса сменилась пренебрежительной:

– Ты же не считаешь этого парня, – тонкие пальцы нервно порхнули в воздухе, помогая подыскать эпитет, – на котором... или от которого она только что кормилась, одним словом... ее пищу, Божьей Искрой?

Колдун с интересом переводил взгляд с одного на другого, и никак не проявлял желания вступить в разговор. Наоборот, его явно интересовало, смогут ли они сами найти ответ.

– Нет, Элька, конечно, это не Божья Искра! – уверенно

махнул рукой Миха, отмечая саму возможность такого предположения, как нелепую. – А зеленый цвет энергетического пятна наверняка имеет значение. Я просто не знаю, какой цвет чему соответствует.

Глаза его осветились изнутри:

– Разные цвета, конечно, означают разные виды энергий! И, наверное, каждый тип пара-людей питается своим цветом: зеленые вампиры, красные вампиры, ну и так далее. Все цвета спектра.

Он довольно подмигнул Эле:

– Как тебе идея?

Она с сомнением покачала головой:

– Как-то слишком все просто... зерно есть, но не хватает твоей идеи законченности.

И повернулась к Колдуну:

– Мы правы?

Колдун одобрительно кивнул, кисть правой руки исчезла во внутреннем кармане пиджака, и тут же вынырнула вновь с сигарой и гильотиной.

– Вы что, собираетесь здесь курить?! – ошарашенно спросила дисциплинированная и законопослушная Эля. – В торговом центре?! Штраф!

– Мне – можно, – заверил ее Колдун, успев разжечь костерок сигарной спички. – Никто ничего и не заметит. Уверяю.

Складка недоумения на секунду сдвинула Мишины брови, тень узнавания ситуации скользнула было по сознанию, но так и ускользнула, пройдя по касательной.

– Итак! – первое облако сигарного дыма поплыло по магазинной улочке. Эля с некоторой тревогой ожидала услышать гневные вскрики, призывы к порядку, полицейские свистки. Но ничего не произошло! Как будто не нарушил Маг один из основных принципов Западной Демократии – тотальное освобождение от никотина. Тотальное или тоталитарное? Пока что – слава Б-гу! – тотальное.

– Итак, – повторил он, с наслаждением посылая второе облако вдогонку первому, – вы во многом правы. И в первую очередь в том, что не все так просто! Действительно, существуют разные виды энергии. Каждый из них имеет свой цвет.

Он улыбнулся:

– Конечно же, жертва этой "Леди Ди" – никакая не Божья Искра! Этот молодой человек – представитель многочисленного, довольно безвредного подвида пара-людей, так называемый "комарик". Порхает, перелетает с места на место. Кольнет чуть, получит немного энергии – его эфирное тело рудиментарно, не способно удержать запас – и полетел дальше. "Комарики" всеядны, им любой цвет подойдет. Наш, к примеру, хлебнул энергию зеленого цвета.

Колдун отдернул рукав пиджака и посмотрел на часы. Миха скользнул взглядом за ним... и остолбенел. Если в вине он понимал постольку поскольку, то часы любил, ценил и прекрасно в них разбирался.

– Секундочку! – он чуть не накрыл кисть Колдуна, не давая опустить рукав, но вовремя спохватился.

Маг вопросительно взглянул на него.

– Ваши часы... это ведь Blancpain 1735 Grande Complication? – спросил Миха с благоговением.

– Совершенно верно, господин доктор! Да вы просто эксперт! С первого взгляда определить марку и модель! Нет слов! – восхитился Колдун. – Ведь часы не самой расхожей марки, не на слуху, что называется.

– Да-да, – подхватил Миха, – не самые расхожие. Далеко не самые.

– Это мне в них и нравится, – кивнул Маг, – скромная элегантность и точность хода.

Действительно, часы не били в глаза кавказским золотом или олигархической вычурностью, не пытались впечатлить механической вязью скелетированного механизма.

– Ага! – кивнул в ответ Мишка, в глазах заиграла веселая ирония. – Скромность. Конечно! Вы совершенно правы, именно скромность – их главная особенность. Да!

Точную цену часов назвать вот так, сразу, он был не готов, но она колебалась в районе от семисот до восьмисот тысяч долларов. Насчет точности хода – бесспорно, сомневаться в этом не приходилось. Турбийон, скажу я вам.

– Не сняли бы их у вас – не дай Бог! – с руки... а то и вместе с рукой. Знаете, как это бывает... – пробормотал он.

– Ну что вы, господин доктор, мы же с вами находимся не в Нижнем Мыщаловске каком-нибудь, или, например, в Нью-Йоркской Джамаике! – Колдун даже развел руками от нелепости сказанного. – Мы в спокойном Тель-Авиве! Кто способен здесь оттяпать мне руку с часами?!

И посмотрел Михе в глаза.

Михе сразу стала ясна абсолютная невероятность его предположения: не нашлось бы в Тель-Авиве ни одного человека в трезвом уме и здравой памяти, рискнувшего пойти на такой отчаянный шаг. Думается, такого безбашенного идиота не отыскалось бы и в нью-йоркских трущобах, или в Москве и ее окрестностях.

– Мишка, может, хватит про часы? – Эля кротко посмотрела на него, сморщив лоб, – давай продвигаться дальше, ладно?

– Давайте! – подхватил ее предложение Колдун, циферблат напоследок подмигнул Мишке отблеском света и исчез под рукавом. Мишка грустно вздохнул.

– Время поджигает, господа, под-жи-ма-ет!

Все посмотрели на Мишу. Он только вытаращил обиженно глаза, подняв плечи, и развел руки в стороны, показывая всем своим видом: "Господи! Я-то в чем виноват!".

– У нас впереди масса дел, не будем отвлекаться на сторонние пустяки! Нас ждет анализ воспоминаний господина доктора, в которых, скорее всего, и кроется секрет проклятия.

– В голосе Мага зазвучали нотки лектора, призывающего аудиторию к порядку.

– Помедленнее, пожалуйста, я записываю! – пискнула Эля, имитируя Вицина из "Кавказской пленницы", невинно уставившись на Колдуна. В горле у того коротко пророкотал гром, но гроза улеглась, так и не начавшись.

– А я знаю, о чем вы сейчас думаете, – кокетливо промурлыкала Эля.

– Неужто, сударыня? – меж сведенными бровями Колдуна пролегла грозная расщелина.

– Ага! – безмятежно улыбнулась Эля и стрельнула глазами. – "Послали бы Бегемота! Он обаятельный!". Надеюсь, я правильно цитирую классику?

Расщелина меж бровей сгладилась, снова налилась силой, разгладилась вновь. По суровой маске лица побежали трещинками лучи улыбки, и Колдун заразительно и пушечно захохотал, согнувшись пополам. Смех был настолько силен, что басами щекотно отражался в животе.

Удержаться было невозможно, и вот уже вслед за ним Эля, прыснув сперва в кулак, глядя на Колдуна, а следом за ней и Мишка, глядя на них обоих, покатались со смеху.

– Странно, – аналитический мишкин ум прокачал ситуацию, – а ведь никто из окружающей нас толчеи даже и не посмотрел в нашу сторону, а ведь шумим мы здорово. Никак, невидимки?

– Нет слов! – отсмеявшись, Маг смахнул невидимые слезы. – Госпожа доктор, полный и окончательный респект! Давно меня так не смешили.

Намек, таившийся в элькином вопросе, тем не менее, так и остался без ответа.

– Господа доктора, вам все ясно?

– Не совсем, – Миха оглядел погустевшую толпу посетителей: час пик богатых покупателей настал.

Зрелище это было фантастическим по своей красоте. Ау-

ры всех цветов радуги, разноцветные пятна энергии плыли от магазина к магазину, переплетаясь и переходя от одного владельца к другому. Изредка мелькали спиралями черно-красные языки Дракул и Леди Ди.

В других случаях путь, по которому происходила смена владельца энергии, оставался пока что для Миши загадкой.

– Пищевая энергетическая цепочка пара-людей достаточно разветвлена, и не так проста, как может показаться на первый взгляд. Не так просты и взаимоотношения пара-людей и собственно людей, Божьих Искр.

Полупоклон в их сторону:

– Божьи Искры нельзя назвать просто жертвами, или пищей пара-людей. В отношении пара-людей к ним есть и восхищение, и неосознанное преклонение, и даже, в какой-то степени, благоговение перед ними. Они подсознательно понимают их превосходство, осознают, что без Божьих Искр человеческий мир перестанет существовать. Часто плодом этого чувства является зависть. А что, в свою очередь, может родить зависть? Только ненависть.

Колдун перевел взгляд с одного на другого:

– Задумайтесь, никогда не замечали?

Они переглянулись. Согласно кивнули. Конечно, замечали.

– Божьи Искры всегда находятся в центре невидимой глазу, неясной и самим участникам, постоянной борьбы пара-людей между собой за обладание ими. Борьбы жестокой и беспощадной, какой только и может быть борьба за существование.

– Да, – задумчиво вздохнула Эля, – действительно, даже и не могла придти такая мысль в голову. Скажи мне кто-нибудь пару месяцев тому назад, что на Земле живет не единое человечество, а разные подвиды, около-люди, пара-люди какие-то!

Она удивленно и одновременно растерянно пожала плечами:

– Что их объединяет в относительно единое целое – довольно малый по своему числу вид настоящих людей! Божьи Искры! И я... и мы с тобой – одни из этих самых Божьих Искр.

Эля запнулась, покачала головой и беспомощно посмотрела на Мишу:

– Голова кругом идет... я поскорее отошла бы от этого человека в сторонку, решив, что он псих, и не знаешь, какую глупость он еще выкинет, а потом бы долго еще смеялась над ним, пересказывая весь этот бред подругам.

– Но это не бред, – улыбнулся ей Миха, мягко обнял за плечи и посмотрел в ее немного испуганные глаза, – и этот человек не был бы психом, и мы с тобой не психи. А это просто новая... нет, не новая, а неизвестная нам до сих пор реальность.

Он прижал ее к себе. Эля положила голову ему на грудь, глаза переполнились слезами. Они на миг задрожали, задержавшись на ресницах, и беззвучно хлынули по ее щекам. Эля не пыталась их остановить, хоть это было так на нее не похоже – публичное изъятие чувств, особенно своей слабости.

Миша и не пытался ее успокоить. Лишь проводил нежно рукой – сверху вниз, сверху вниз – по спине, и было в его движении столько любви, сочувствия и желания снять ее боль, что постепенно слезы стали утихать, и дыхание уже не рвалось всхлипами, а стало вновь глубоким и тихим.

Все вокруг словно замерло: не стало слышно детских криков, плача и смеха – извечного израильского фонового шума. Исчезло гулкое шуршащее эхо множества ног и стаккато тонких каблучков. Не стало слышно хриплого покашливания курильщиков и громко перекликающихся между собой подружек, будто аukaющих из страха потеряться

в лабиринте магазинчиков.

Колдун незаметно сдвинулся в сторону, уйдя из их личного пространства, облокотившись на столб позади, и даже дым его сигары как-то особенно тактично огибал прикившие друг к другу фигуры, не проникая в их замкнутый контур.

– Ну ладно, поплакали, и хватит, – сказала сама себе Элька, подняла голову, посмотрела снизу вверх на Мишку. Взгляд блестел от еще не высохших слез и переливался отражениями разноцветных аур окружающей их сутолоки, которая словно по чьему-то приказу – р-раз – два! – завертелась вновь.

Щелкнул замок сумочки, на свет появился неизменный спутник женских слез – зеркальце. Под аккомпанемент сокрушенных ахов и охов по поводу потекшей туши, распухшего носа и навсегда утраченной девичьей красоты была проведена на скорую руку реставрация облика. Придирчивый осмотр, как у контролера приема готовой продукции, – в этот момент выражение лица Эли стало непроницаемым, как у покерного профи – и походная аптечка убрана в сумку.

– Я готова! – Эля улыбнулась, глаза ее вновь светились оптимизмом и присущей ей внутренней силой. – Продолжим?

– Весь передел энергии, исходящей от Божьих Искр в этот мир, вся, можно сказать энергетическая пищевая цепочка, – продолжил Маг как ни в чем не бывало, – скрыта от всех – и от пара-людей, и от истинных людей, назовем их всех вместе "человеки". Часто ни один из "человеков" не может понять, чем продиктованы его поступки, что лежит в основе тех или иных его решений, в чем истинная причина его действий.

Миша переступил с ноги на ногу, чуть наклонился вперед, потер привычным жестом поясницу, но обычной, сопровождающей длительное стояние, тупой, ноющей боли не было. Это было настолько непривычно, что даже настораживало!

– А истинная причина, – продолжал Маг, – кроется в борь-

бе за перераспределение жизненной энергии. Чем больше энергии, тем насыщеннее, полноценнее жизнь. А без энергии жизнь превращается в свое жалкое подобие, влечение существования белковых тел. Вот так, господа врачи!

– Вы хотите сказать, что жизненный успех определяется количеством полученной от Божьих Искр энергии? – задумчиво спросил Миха.

– А вы можете сами определить, что такое жизненный успех? – пожал плечами Колдун. Столбик густого пепла рухнул с сигары, но, не долетев до пола, превратился в облачко, исчезнувшее в искусственном ветре кондиционеров. – У каждого свое собственное определение жизненного успеха. Нет, без всякой связи с жизненным успехом энергия эфира несет ощущение радости жизни, ее полноценности. Это то, ради чего стоит жить!

– Да! – воодушевилась Эля. – Это чувство совсем не зависит от количества денег на счету, ведь легко можно быть и миллионером, и мизантропом, навскидку сейчас же легко с десяток насчитаю!

Она пристально смотрела Мише в глаза.

Взгляд ее убеждал: "Ты видишь, солнце, что не все завязано на деньгах? Ты же и сам знаешь, что не в них смысл жизни!"

Миха неопределенно повел плечами, но подмигнул ей:

"Все классно!"

Элька продолжала:

– А сколько популярнейших звезд пребывает в глубокой и постоянной депрессии! И ведь никакая слава не спасает!

– Значит, вся эта свора пара-людей накидывается на бедных Божьих Искр и безжалостно высасывает их досуха?! – наполовину в шутку возмутился Мишка. – Это что же делается, люди добрые! – заполошно вскричал он, талантливо подражая базарной торговке. – Грабуют нас, грабуют!

– Не все так просто, – Колдун вежливо сдвинул ладони,

беззвучно поаплодировав мишиной интермедии, – во-первых, не забывайте, что все вы люди.

"Опять он себя обособил", – подумалось Эле.

– Просто у части из вас есть душа, а у большей, к сожалению, части, – он сощурился, – душа взаймы.

Он грустно улыбнулся:

– А ведь по определению, душа должна была быть у всех, но не у всех видов людей получилось сформировать эфирное тело.

– Ну да, – напомнила Эля, – как всегда, хотели как лучше...

– Давайте не будем повторяться! – болезненно скривился Маг. – Но тут на сцену вышла Ее Величество Эволюция, великая покровительница всех сырых приспособленцев. Борьба за существование... уродливые подобию эфирных тел. Часть, конечно, так и не смогла приспособиться, сошла с дистанции. Зато другие научились добывать и сохранять энергию разными путями. Сколько путей – столько и типов пара-людей... Вуаля!

В руке его оказался красный фломастер. Колдун критически оглядел ровную и широкую поверхность опорной колонны перед ними, удовлетворенно вздохнул. Лицо его приобрело неясное сходство с доктором Хаусом, и он совершенно хаусовским жестом крупно начертил на колонне:

ВИДЫ ПАРА-ЛЮДЕЙ

– Я укажу основные, чистые типы. На самом деле существует великое множество переходных форм. Всё понятно?

– Понятно нам все, – нетерпеливо ответил Миша, – давайте дальше!

– Хорошо-с. Вы, Миша, только что пародировали базарную торговку.

"Грабють" – Колдун быстро и смешно изобразил Мишу.

Эля тихонечко фыркнула.

– А ведь не все совсем так однозначно! Отношения пара-людей с Божьими Искрами и между собой, между прочим, тоже совсем не так прямолинейны. Да, в случае с уже знакомым нам типом...

На колонне возникла новая надпись:

ТИП «ДРАКУЛА», ЖЕНСКАЯ ОСОБЬ – «ЛЕДИ ДИ»

– Разыгранная вами сейчас, господин доктор, сценка верна. Этот тип высасывает энергию, где может и у кого может. Питается разными ее видами, различными ее цветами. Неприхотлив. На нашем сленге...

"На чьём, это, интересно, нашем?" – подумала Эля, скосила глаза на Мишку. Он чуть кивнул в ответ, тоже, значит, обратил внимание.

– На нашем сленге, кроме Дракулы, зовется еще и "разноцветкой". Для Божьих Искр не представляет большой опасности, поскольку не способен забрать так много энергии, чтобы они почувствовали ее недостаток. Может питаться и от пара-людей. От иных типов пара-людей, со слабой защитой. Другой "Дракула" или "Леди Ди" не даст от себя кормиться, закроется мгновенно, как только почувствует приближение чужого "языка". Есть от Дракул и защита, но вам они, как я уже сказал, не опасны. Останется у нас время – научу.

Колдун поднял указательный палец, как делал всегда, когда хотел привлечь их внимание:

– Вот для пара-людей "Дракулы" действительно могут быть опасны! Дело в том, что примитивные, парачеловеческие эфирные тела не способны удерживать и хранить много энергии. У них же душа взаймы, эрзац души, помните? Поэтому вампир может их энергетически истощить за одно кормление. Пообщаются с ним, почувствуют беспричинную, казалось бы, слабость, головную боль, депрессию и раздражи-

тельность. Что и произойдет вскоре и с "комариком", ужаленным у нас на глазах.

Колдун не выглядел, впрочем, опечаленным этим событием:

– "Дракулы" всеядны, поглощают все, что могут ухватить, любой вид пищи. Энергия разноцветна, соответственно и выглядит он, – добавим обязательно в духе политкорректности! – или она, – Маг вздернул губу в желчной ухмылке, – по-разному, в зависимости от цвета съеденного. Получил оранжевой энергии – сексуален; наелся красной – будешь способен выполнять монотонную, механическую работу.

Он поджал губы, подыскивая пример:

– Цветы часами сажать, или деревья окучивать.

Колдун наморщил свой монументальный нос:

– По правде сказать, красной энергии "дракулы" стараются избегать. Зеленая энергия принесет им творческую мысль, набросают стихи, может быть, отыграют роль в постановке. Белую энергию "Дракулы" не воспринимают, их эфирное тело не в состоянии её удержать.

Маг запнулся, красный фломастер застыл в воздухе:

– Вы ведь знаете, что разные виды энергии окрашены в разные, присущие только им цвета? – спросил он с надеждой.

Но в ответ – молчаливые отрицательные кивки, смесь сожаления с извинением: мол, просим прощения за такую вопиющую безграмотность.

– О-о-о, как все запущено! – пропел Маг, покачивая головой, как обычно поступают врачи у постели безнадежного больного. – Ладно, ничего не поделаешь! Ликбез проведете попозже сами, а пока лишь несколько кратких необходимых сведений.

Он грустно вздохнул, словно профессор математики, которого попросили объяснить первоклашкам, почему дважды два будет именно четыре:

– Я не буду утомлять вас перечислением энергий. Как то:

прана, удана, самана, व्याна, апана. Или же тем, как энергетические каналы "нади", переплетаясь, образуют чакры. Нам это сейчас не нужно и никакой практической пользы нам не принесет.

– Да уж, пожалуй, не надо! – взмолилась Эля. – Хватит с меня всей этой оккультной эзотерики!

– Хорошо, хорошо! – поспешил успокоить ее Маг. – Запомним только, что спектральные цвета, цвета радуги, не случайны – это и есть истинные цвета энергий человека.

– Каждый цвет соответствует одной определенной чакре? – предположил Миха, а Эля потрясенно воззрилась на него, широко распахнув глаза. – Чакр семь, и основных цветов спектра тоже семь, я прав?

– Именно, господин доктор, именно! – Колдун обрадованно потряс рукой в воздухе. Сверкнул сапфировыми бликами циферблат легендарных часов, вновь приковав к себе мишкин взгляд, и исчез в рукаве.

– Самая нижняя из всех чакр, муладхара, работает на красной энергии, нужной для грубой работы. Эта энергия вырабатывается Божьими Искрами в избытке, долго может сохраняться во внешней среде, годной и легкой для ее поглощения.

На колонне возникла новая красная надпись:

ТУЗИКИ

– Это самое подходящее название для многочисленного вида пара-людей. Они абсолютно безвредны, как для себя, так и для всех других. "Тузики" легки в общении, неприхотливы. Энергию ни у кого не высасывают, им хватает и той, что в свободном, или правильнее сказать, в закольцованном виде находится в окружающей среде. К творчеству, как правило, они не способны. Не завистливы, шкала их притязаний невелика, а вот и Тузик, спереди справа, на двух

часах, видите, идет по направлению от нас в форме секьюрити?

"Колдун-то наш, никак, бывший военный? – подумал Миха. – Терминология соответствующая: "на двух часах". Х-мм..."

Впереди бодро топал к выходу из центра полноватый, среднего роста мужичок в форме охранника. Левая рука сжимала рацию, а лысоватый затылок обильными капельками пота предательски выдавал лишний вес хозяина.

– Это так мы его видим обычным зрением. А теперь взяли меня за руки! – скомандовал Колдун.

И вновь чудесное, но уже знакомое преображение.

– Начинаем, кажется, привыкать, скажи? – Мишка повернул голову к Эльке.

– Да-а, – протянула она с сомнением, – привыкнешь тут...

Какая-то неясная, беспричинная на первый взгляд тревога никак не хотела ее покидать, засела глубоко и, нет-нет, тоской сдавливала сердце.

Никаких оснований для нее Эля не находила, но интуиция часто спасала ее там, где другие верили анализу и здравому смыслу, и посему не дожили, увы, до наших дней.

– Не туда смотрите! – осек их Колдун.

Охранник в росте не изменился. Его аура курчавилась по всему силуэту серыми, мелкими завитками. Сзади вилял длинный черно-серый хвост. Да-да! Длинный выплеск ауры мел пол позади охранника. А вернее, не мел, а вилял совершенно по-собачьи.

Он то удлинялся, становясь похожим на змею, резво втискивался в причудливые углы, порожденные модерновой – а может, каннабисной? – фантазией архитектора; то укорачивался и лизал пол позади своего хозяина, а то и взлетал в воздух, в погоне за чем-то.

Элька пригляделась и увидела, что язык охотится за мерцающими там и сям, рассеянными по всему пространству

темно-красными сгустками. Одни из них были налиты спелым, сочным светом. Другие – едва светились, похожие на тлеющие, выпавшие из камина угли. Третьи и вовсе погасли, лишь намекая на породившую их энергию.

Хвост лихо впитывал – а может, всасывал? – красные сгустки, и отметал в сторону погасшие.

– Вот и все его энергетическое кормление, – развел руками Колдун. – Берет лишь то, что лежит на виду. Отобрать энергию ни у Божьих Искр, ни у пара-людей не в состоянии. На подножном, так сказать, корму.

Вздохнул:

– Травоядный вид, одним словом.

Элька с трудом подавила в себе отчетливое желание почесать у секьюрити за ухом.

– "Тузики", – Колдун уловил ее желание, улыбнулся и отрицательно покачал указательным пальцем, – как правило, лишены творческого потенциала, но зато находят себя там, где требуется монотонная работа. – Запомните! – он отпустил их руки, и мир вновь стал обыденным. – Энергетика человека не связана, или, точнее, связана косвенно, очень опосредованно с его интеллектом. Не делайте ошибок! Среди "тузиков" много интеллектуалов! Мало первооткрывателей, мало торящих новые дороги.

Маг развел руками, возведя глаза к небу, мол: "Вот такой вот народ, без особых фантазий!"

– Но довольно о "тузиках"! Вам, Божьим Искрам, они не опасны, и закрываться от них незачем. Для общего представления о человеческом мире Земли пару слов скажу о...

Фломастер, слегка повизгивая на отшлифованном граните облицовки, начертил:

КОМАРИКИ

– Представителя этого вида пара-человека вы уже видели. Их довольно много. Эфирное тело их слабо и ущербно. Не

способно удержать в себе сколько-либо значимого количества энергии. Им постоянно нужна подпитка. Брать энергию из окружающей среды, как "тузики", они не способны. Это хищники.

Колдун презрительно поморщился:

– Если только допустимо использовать столь сильный, в данном случае, эпитет. Ни один "Дракула" или "Леди Ди" их к себе не подпустят. Прихлопнут защитой уже на дальних подступах. К нерассмотренным еще нами "Носферату", "Рачительному Хозяину" и "Клещу" сами не приблизятся. Их же самих высосут досуха и выбросят!

– Кто-кто? – зачарованно спросила Эля с горящими от любопытства глазами. – К кому не приблизятся?

– К "Носферату", "Рачительному Хозяину", сокращенно, Эр. Ха, и к "Клещу", – терпеливо повторил Колдун. – Но давайте не будем забегать...

– Это последние подвиды пара-людей? Или есть еще? – перебил его Миха. – Нужно ли нам...

– Нужно! – неожиданно взревел Колдун. То есть голоса он не повысил, но в ушах его вибрирующий баритон отдался именно ревом. И ревом, знаете ли, не добродушным:

– Все, что я вам объясняю, совершенно необходимо для вашего выживания! Абсолютно все! Хотите жить – будьте любезны, более не перебивать!

Все замерло. Не чувствовалось даже дуновения кондиционеров.

Миша хотел было извиниться, но понял, что лучше в этой ситуации просто промолчать, и смиренно кивнул, удержав голову склоненной. Как и Эля.

Торговый центр зашумел вновь, зажил своей обычной жизнью, как будто кто-то большой и серьезный нажал на невидимом пульте кнопку "Play", прекратив паузу.

– "Комарик" может питаться энергией только от Божьих Искр, или от "тузиков". Но у "тузиков" только "красная",

однообразная пища. Конечно, Божья Искра предпочтительнее, вкуснее, интереснее. Но много энергии за один укус, один сеанс кормления, ему не удержать. Вот и будет он постоянно виться вокруг вас, несносно жужжа и действуя на нервы. Никого не припоминаете?

Конечно, и Эля, и Миха сразу могли бы назвать с десяток имен знакомых – близких и не очень – имевших привычку мешать неуместными и ненужными звонками, беседами, нудными встречами и пустыми разговорами, которые не знаешь, как прекратить, как ускользнуть от схватившего за пуговицу собеседника.

"Старик, как дела, как бизнес?" "Последний анекдот слышал?" (Анекдот уже лет пять, как слыл затасканным). "Сколько ест твоя тачка?", "Когда в Москву?", "Когда из Москвы?", "Когда на лыжи?" и так далее, и тому подобное...

"Ой. Как ты классно выглядишь!", "А кто твой стилист, куафюр, имадженист, визажист?" (нужное подчеркнуть). "Ты похудела, загорела, поправилась, не изменилась" (нужное подчеркнуть). И так далее, и тому подобное.

Каждый из нас с легкостью вспомнит этот тоскливый нудный комариный звон. Отмахнешься от собеседника, придумаешь повод, а другой "комарик" уже тут, как тут, норовит присосаться.

– "Комарики", конечно, пьют постоянно вашу энергию, господу Божью Искру, но для вас эти комариные пiski не страшны. Большого урона они вам не причинят. Если их много, то укусы становятся чувствительными.

Колдун обратился к Михе:

– Вы, господин доктор, как вы переносите толпу?

Мишку передернуло. В толпе он чувствовал себя отвратительно. Сразу же наваливалась тяжесть, в висках стучало, появлялось ощущение могильной затхлости, и он начинал хватать воздух, которого переставало хватать... брр!

Миха всегда списывал это на демофобию, впрочем, в

некоторых источниках использовалось менее политкорректное название – охлофобия. Как бы этот синдром ни назывался, означал он беспричинный страх толпы.

– Пример может быть и не самый удачный, потому что помимо "комариков" в толпе много и других пара-людей...

Колдун задумчиво пощипал подбородок:

– Впрочем, не всех. В обычной уличной толпе, скажем, народные гуляния по праздникам, вы встретите в основном "тузиков", "комариков" и "дракул". Все остальные такой неразборчивостью не страдают. Особенно "Носферату" и "Клещи". Причем, только "комариков" легко отличить от других. Есть соображения, как?

Они синхронно пожали плечами и выжидательно смотрели на него.

– Хорошо-с! Объясняю. Если "тузики" забирают энергию из внешней среды, а «дракулам» для укуса нужно лишь находиться от вас на расстоянии в несколько метров, то "комарикам" необходим личный контакт. Он должен вам улыбнуться, или заговорить, или коснуться. Причем, он должен вызвать у вас какую-нибудь ответную реакцию: улыбку, раздражение, недовольство от того, что вам наступили на ногу. Неважно! Важно лишь любым путем добиться контакта с вами. Тогда он может куснуть, и попить свою толику вашей энергии. Понятно?

– Да! – Мишка зло сверкнул глазами. – Как вспомнишь, сколько таких мелких крыс крутится под ногами и постоянно от тебя кормится... У-у, с-суки!

– Так-так-так! – в баритоне явственно громынули предостерегающие нотки. – Что я слышу? Не гордыня ли это, господин доктор, звучит в вашем раздражении?

Он грозно насупил, и могучий нос его угрожающе качнулся в Мишину сторону.

"Господи, как орлиный клюв!" – испуганно подумала Элька, инстинктивно схватив Мишку под руку.

– Не забывайте, что это ваша святая обязанность – нести энергию в человеческий мир, в дар всем его обитателям!

Угроза в голосе была больше напускной, чем искренней. На самом деле он, скорее, сочувствовал своим подопечным, чем гневался на них.

– Так распорядился...

Он чуть запнулся и поправился:

– ...Так распорядилась судьба! Божьи Искры – неотъемлемая часть пищевой цепочки. И вершина ее и, одновременно, жертва. Так-то, господа врачи.

Молчание, воцарившееся после его слов, можно было считать эталоном угрюмой тишины.

– Как-то несправедливо, – первой нарушила ее Элька.

– А вот справедливость, при всем моем уважении к ней, и к вам, госпожа доктор, нельзя назвать неотъемлемой частью пищевой цепочки.

Галантный полупоклон в ее сторону.

– Значит, Божьи Искры, то есть – мы с Элей, как такие вот жертвенные коровы, чье предназначение кормить разных там "тузиков"...

– Вот "тузики" как раз вас не трогают, – кротко отметил Колдун.

– Да, наср...

– Миша! – Элька испуганно дернула его за рукав.

– Да, наплевать на тузиков! Комарики разные, дракулы... – он поднял глаза, загоревшиеся ненавистью и непримиримостью:

– Я лично не дамся на алтарь, как жертвенная корова, и Элю не отдам! Пускай попробуют взять! Повеселимся!

– А кто-нибудь, кроме вас, господин доктор, говорил о жертве, алтаре и прочей самоедской атрибутике? – очень спокойно возразил ему Колдун. – Позвольте спросить, а кто сказал, что вы именно корова? Почему не какой-нибудь андалузский черный бык, к которому и на километр подойти

страшно: острейшие шпаги рогов; налитые кровью глаза; копыта и тигра уложат одним ударом? Почему вам такая картина не представляется, а?

Маг заломил сардонически бровь:

– Ваше предназначение как Божьих Искр – нести в Мир энергию, и – самое главное! – этику, суть человеческого бытия, без чего люди становятся частью фауны! Для этого есть Божьи Искры, а вовсе не для того, чтобы дать себя выпить, высушить, съесть!

– И как же нам быть с этими... как вы их называли? – Эля отпустила Мишин рукав и зябко передернула плечами. – "Клеши" и еще эти... нос... вы поняли?

– Кстати, вы о них вообще ничего не рассказали! – с непонятной обидой добавила она.

– Носферату, – поправил ее Колдун. – Вам холодно?

– Нет-нет, спасибо! – Эля улыбнулась, улыбка вышла немного натянутой. – Просто нервничаю немного.

Миша обнял ее за плечи и нежно притянул к себе.

"Мамочки, – подумал он с тревогой, – совсем исхудала. Господи, сделай так, чтобы с ней ничего не случилось, чтобы со мной ничего не случилось, чтобы мы были вместе, всегда, здоровые и веселые!"

Эля, как обычно, сразу почувствовала его настроение, чуть потерлась, как кошечка, носом о его плечо, и тут же сделала большие, круглые и глупые глаза – рассмешить.

– Носферату – это такое же нарицательное название вампиров, как и Дракула. С древнегреческого языка переводится, как "разносящий болезнь", в древности, знаете ли, верили в заразность вампиризма. Название было распространено в Европе в двадцатых – тридцатых годах прошлого столетия.

Он пожал плечами:

– Название всплыло из древности случайно – киностудии, немецкой, если не ошибаюсь, в начале двадцатого не удалось приобрести права на название "Дракула" для фильма. Зато

немцам удачно удалось реанимировать другое, незаслуженно забытое. Думаю, по этимологии названия сказано достаточно.

Он поправил узел галстука, хотя было очевидно, что даже стихии были бы бессильны изменить его идеальную геометрию.

– Отвечая на ваш вопрос, в свою очередь спрошу вас, госпожа доктор: а в обычной, реальной жизни...

– Ох-х, как хотелось бы в нее вернуться, – тихо, но с чувством пробормотал Миша.

Маг кивнул ему сочувственно, с оттенком: "Понимаю-с, но придется с этим повременить, батенька", продолжая:

– В реальной жизни, разве отпор хищникам не дается? Их не поддевают рогами, не топчут насмерть, не стреляют в них, наконец?

– Но мне кажется, что здесь совсем не так, – неуверенно возразила Эля.

– Во-первых, где это "здесь"? – заинтересовался Колдун. – Вы конкретизируйте, пожалуйста. "Здесь", если я правильно вас понял, – он смешливо фыркнул, – означает на самом деле "там".

Он очертил руками в воздухе замкнутый круг.

– Нет ни здесь, ни там. Все едино – это наша реальность. Ничто в ней не изменилось. Вы просто смогли увидеть ее истинным зрением. Вот и все.

– И как же с ними бороться? – перевел беседу в практическую плоскость Миха, ощутив себя воином-защитником. – Как их... ну, убивать, что ли? Я имею в виду не физически... энергетически, наверное.

Он задумался и сформулировал свою мысль:

– Правильнее, наверное, сказать – нейтрализовать их влияние?

– Я думаю, – заметил Колдун, – правомочен любой из перечисленных вами вариантов.

– И убийство?! – потрясенно вскрикнула Эля, зажав рот рукой и побледнев.

Она всегда была противницей силовых методов решения споров, конфликтов, хотя, как любой разумный человек, понимала неизбежность такого решения в некоторых случаях. Но ей отчаянно не хотелось бы столкнуться с такой необходимостью.

– Речь не идет о физическом уничтожении, сразу хочу вас успокоить. – Колдун умудрился и поморщиться, и широко улыбнуться одновременно, демонстрируя абсурдность такого предположения. – Во-первых, "не убий"! – он торжественно погрозил пальцем. – Божьим Искрам не пристало нарушать этические нормы. А во-вторых, возникнет множество проблем, которые могут крайне осложнить вашу жизнь!

Тон его голоса стал сухим, деловым, практичным. Чувствовалось, что Маг хорошо знаком с существом дела. Эксперт, одним словом.

– Первая и наиглавнейшая, – он обвел свою мини-аудиторию взглядом, стараясь донести до слушателей всю важность проблемы, – что делать с трупом? Решений может быть несколько, каждое имеет свои плюсы и минусы; какое из них выбрать, зависит целиком и полностью от конкретной ситуации! А ведь ее еще надо заранее просчитать...

Колдун спохватился, погасил взгляд, посмотрел отстраненно в сторону, пожевав губами:

– Мы несколько отвлеклись на тему, не имеющую к вам прямого отношения. А времени у нас не так уж и много, вернемся, пожалуй, к нашим делам.

– Вы уверены, что эта тема так уж далека от нас? – Миха явно заинтересовался практической стороной дела. – Мне лично вводный курс оч-чень не помешал бы.

– Давайте сперва обнаружим врага, затем изучим его сильные и слабые стороны, решим, какие существуют пути... м-мм, урегулирования ситуации, и в случае необходимости

проведем такой краткий курс, – неожиданно легко согласился Колдун. – Ну-с, какой образчик мы имеем? – он покрутил головой, выискивая в толпе представителя необходимого ему подвида.

– Неужели так трудно среди такой толпы отыскать нужного нам человека? – капризно поджала губки Эля. – Извините, пара-человека, так правильнее, наверное?

– Я ищу чистую, характерную особь, а не гибридную форму, – разъяснил Маг. – Они действительно встречаются не так часто.

Он усмехнулся:

– К счастью для всех! Секундочку, – он прищурил глаза и вытянул шею, всматриваясь поверх голов толпы, – так-так... ага!

Он повернул к ним голову, в глазах забегали веселые зайчики:

– Ну-с, господа врачи, сюрприз! Готовьтесь встречать... возьмите меня за руки. Такую картину надо видеть сразу в истинном зрении, дабы не испортить впечатление.

Вновь мир сверкнул и превратился в сплетения цветных потоков. Людские фигуры налились и запылали соцветиями красок. Ауры переливались и то вспыхивали, то бледнели, в такт переменам настроения их владельцев. Вилили по полу хвосты "тузиков" в поисках красных слитков; изредка взлетали, раскручиваясь, в воздух спирали языков "дракул" и "леди Ди".

При полном отсутствии внешнего сходства, сцена в целом вызывала у Эли стойкую ассоциацию с массовой сценой пастбища динозавров из фильма "Парк Юрского периода", часть первая, она же лучшая.

– Спилберга на них нету, – вполголоса пробормотал Ми-ха.

Элька наклонилась вперед, из плена тени массивной

фигуры Колдуна, и одними губами послала Михе телеграфный воздушный поцелуй: "Мы с тобой всегда на одной волне тчк".

Прошествовал не спеша некто, несший с собой смутное чувство опасности. И его аура была под стать – черно-коричневая, шевелящаяся шерстью коротких, тонких отростков, как будто ощупывающих воздух.

– Фи, какая гадость! – такая брезгливость в голосе Эльки звучала только при виде таракана. – Это что за урод?

– Носферату, – пробормотал Колдун, выглядывая что-то или кого-то впереди них. – О нем чуть позже... ага!

Он выбросил вперед руку, указывая направление взгляда.

"Точно, как Ленин на броневике!" – успела подумать Эля, послушно скользнув взглядом за его указующим перстом, и... от восхищения мысли замерли, ушли в сторону, уступив место простому созерцанию. Впереди из воздуха обрушивался на гранитный пол водопад белого, сверкающего света.

"Нет, не водопад, – мысленно поправила себя Элька, – а волшебный фонтан!"

И действительно: потоки белого цвета не только разбивались об пол, но били и вверх, и в стороны. В центре сияния виднелся смутно женский силуэт – источник этого великолепия.

Она остановилась, наклонилась к витрине, и в белом свечении возникли зеленые лучи, оранжевые переливы. Какой-то шум привлек ее внимание, она резко повернула голову в сторону – красный цвет залил пространство вокруг нее, и его волна стремительно понеслась по коридорам центра.

Трель мобильного в сумочке, телефон поднесен к уху, радостное восклицание – голубые и зеленые потоки пронизали все вокруг.

Вдруг, под восхищенное восклицание Эли, вокруг фигуры неизвестной дамы закружились полосы всех цветов радуги,

сплелись в шар, стремительно завертевшийся вокруг своей оси. Шар кружился все быстрее, быстрее, быстрее.

Снова у Эли вырвался протяжный вздох, на грани чувственного восторга, и одновременно с ним шар взорвался, заливая магазин, людей, все пространство, и, казалось, всю Вселенную разноцветными потоками, осколками, брызгами.

– Боже мой! – прошептал Миха одними губами. – Что это?!

– Счастлив представить вам... – в баритоне Мага зазвучали нотки эстрадного конферансье.

Торжественная пауза.

– Божья Искра!

Эля повернула к нему лицо, полное экстатического восторга:

– Вы... я... вы хотите сказать... я... я выгляжу так же?!

– Нет, мадам! – очень серьезно ответил Колдун, и Эле на мгновение показалось, будто он преклонил перед ней колено:

– Ваше сияние намного величественнее!

Миха увидел, как голова Эли горделиво дернулась назад и вверх, но тотчас лицо залила краска смущения. Он присел перед ней в полупоклоне:

– Ваше Высочество, слушаю и повинуюсь!

– Дурак! – ответила Ее Высочество, впрочем, очень довольным тоном.

– Прошу не забывать, Ваше Высочество, одно маленькое обстоятельство, – проворковал Миха с ехидной улыбкой. – Мы, Наше Высочество, тоже Божья Искра!

По выражению досады, промелькнувшему по лицу Эльки, стало ясно, что этот факт – увы! – ускользнул от ее внимания.

– А как выглядит Божья Искра мужского пола? Кстати, как его назвать? Божий Искр? Не звучит! Может быть, можно и его увидеть? – Миха приободрился, глаза загорелись. – Мы, конечно, не уступаем дамам в части блеска?

– Конечно, уступаете! – Эля задохнулась от возмущения.

– Не мужской это имидж – переливаться всеми цветами радуги!

– Увы – увы! – Его Величество приосанился. – Вы забываете о павлинах, моя дорогая! Самец гораздо наряднее и внушительней неприглядной серой самочки!

– Вынужден разочаровать вас обоих, – вмешался Маг, – никакой разницы в эфирных полях и цветовой гамме между Божьими Искрами по половому признаку не существует.

– Ну вот! – фыркнула Элька. – Теперь иди и переливайся металликом, кавказ-элегант!

– Зачѐм джигита обижаэшш, дэвушка, э? – грозно сверкнул глазами Миха, хватаясь за мнимый кинжал.

– Разница между Божьими Искрами только в мощности производимых ими потоков энергий, – Колдун, недовольно морщась, отмел шутки взмахом руки. – Это зависит от нескольких факторов: свободна ли она; есть ли у Божьей Искры хозяин, и если есть, то к какому виду пара-людей он принадлежит, и насколько сильно он ее истощил.

– О-о, как у вас все тут запущено... – пропел задумчиво Миха, и встревоженно переглянулся с Элей, – и вы хотите сказать, что у нас с Элей тоже есть...

– Были, – перебил его Колдун. – Точнее сказать: были хозяева. Конечно! Были, и не раз! Прямо скажу, достаточно сильные хозяева! Если бы не соизволение... – он тут же поправился – если бы не сложившиеся обстоятельства, вам бы от них не ускользнуть! Вашими последними, так сказать, господами были "Рачительные Хозяева". А они держат в своих лапах до самой смерти, не выпускают!

Он доброжелательно улыбнулся, мол, молодцы, хорошо усваиваете материал, продолжайте в том же духе!

Тем временем, на "пастбище динозавров", как окрестила про себя эфирный мир торгового центра Эля, произошли большие изменения. Все как бы уплотнилось в огромный клубок, центром которого являлась Божья Искра.

"Языки" Дракул уже не свивались в спираль, а застыли дрожащими от возбуждения трубами в потоках разноцветной энергии, щедро льющейся от Искры.

Со всех сторон суетливой походкой спешащих клерков налетали "комарики": получают тонким жалъцем свою толику пищи, и бегут дальше.

Хвосты «тузиков» чуть ли не стучали по полу, как у собак, встретивших хозяина после долгой разлуки.

На лице Эли застыла гримаса брезгливого любопытства.

Миха, судя по выражению его глаз, был готов немедленно влезть в гущу событий, выдрать с корнем первый же подвернувшийся ему вампирский язык и запихать его Дракуле в глотку.

Колдун же напоминал сотрудника зоопарка, который в очередной раз видит опостылевшее за долгие годы службы кормление зверей.

Очередная Леди Ди бесцеремонно протиснулась поближе к Божьей Искре, остановившейся у витрины обувного магазина. Раскрутилась спираль черно-красного языка и вонзилась прямо в ауру жертвы, средоточие всех исходящих от нее потоков. Женщина вздрогнула, в месте проникновения языка образовался пульсирующий белый шар. Шар полыхнул белым пламенем, и буквально взорвался внутри черно-красного отростка.

Леди Ди побледнела. Спираль языка судорожно задергалась и скрутилась назад. Вампир пошатнулась, поднесла руку к голове и неуверенной шаткой походкой исчезла в толпе.

– Видели? – Колдун отпустил их руки, и мир поблек, приобрел привычные цвета и очертания.

Их окружали обычные, такие знакомые люди. Смеялись, ругались, любили, решали вопросы. Обычные шумы, обычная атмосфера дорогого торгового пассажа. Ничто не выдавало непрерывной, жесткой и жестокой энергетической войны в невидимом, но реальном эфирном мире.

Перед витриной обувного магазина стояла обычная женщина. Среднего роста, среднего возраста, выше среднего достатка, судя по одежде. Людям, посвященным в эфирные игры, как наши герои, тотчас бросилась бы в глаза некоторая скученность народа возле этого магазина, в проходах, ведущих к нему, и, в особенности, вокруг этой дамы.

Внимательный наблюдатель отметил бы еще и круг пустого пространства, окружавшего даму, пару метров диаметром. Некая нейтральная территория, границу которой никто не пересекал. Инстинктивно опасались – личная охраняемая территория. Кроме той Леди Ди, что сейчас торопилась к выходу неуверенным шагом, массируя виски.

– Супер! – восхитился Миха. – Чем же она так долбанула вампиршу?

– Класс! – вторила ему Эля, восхищенно смотря на соратницу? соплеменницу? сокурсницу? Как же ей назвать эту Божью Искру?

– А мы можем так же? Вы нас научите?

– Вы не только так сами умеете, вы так постоянно и поступаете, иначе не дожили бы и до совершеннолетия.

Колдун посмотрел на их растерянные лица, вздохнул с видом человека, которому предстоит вновь пускаться в разъяснения набивших оскомину вещей, и продолжил:

– Леди Ди пересекла границу личного пространства. В таких случаях она может выпить, высосать намного больше энергии. Это, в свою очередь, уже обернется вредом для Божьей Искры: количество выпитой из нее энергии превысит ее производство. Душа распознала опасность, сработала врожденная защита, и в Леди Ди ударил концентрат белой энергии.

Он снова взглянул на них и вздохнул еще тоскливее:

– Белая энергия – это практически неизменная чистая энергия эфира высочайшей мощи! Эта та энергия, на которой работают философы, мыслители, писатели, великие артисты,

благодаря ей создаются шедевры искусства.

Дракулы, как правило, не в состоянии переварить такое блюдо. Результат – у этой Леди Ди внезапно развилась жесточайшая мигрень, которая не оставит ее ни сегодня, ни, скорее всего, завтра.

– И мы тоже так поступали... поступаем? – задумчиво спросил Миха.

– Видите ли, проявления инстинкта нельзя назвать поступком. Это заложенный в вас механизм защиты. Да, сами того не зная, вы все время отражали атаки, и могли ударить в ответ.

– Но все это происходит подсознательно, не так ли? – и снова Эля подхватила Мишину мысль и развила ее дальше.

Колдун, наблюдая за ними, каждый раз поражался слаженности работы их "замкнутого контура"; тому, насколько эти двое чувствуют друг друга, насколько легко потоки энергии меняют направление циркуляции от одного к другому, превращая их в единое целое.

– Правильнее сказать – внесознательно.

Колдун улыбнулся:

– Все происходящее в эфирном мире связано с физическим миром очень опосредованно. Вы можете часами мирно и весело общаться с гостями за праздничным столом, не подозревая, что в это самое время ваши эфирные сущности ведут непримиримую борьбу за существование, обмениваются ударами, отражают атаки, либо сдаются на милость Носферату или Рачительному Хозяину.

Уголок рта дернулся, и он заметил с неприкрытой злостью:

– Или – не приведи Б-г! – Клещу.

– Да! – спохватился Миха. – Вы же нам ничего о них не рассказали.

– Вот и пришло время рассказать, – легко согласился Колдун, – а еще лучше – показать.

Он снова вытянул шею и приподнялся на носках, выискивая нужный объект в толпе, бормоча себе под нос:

– Куда же он задевался... только что был здесь... как обычно – когда надо, никогда не сыщешь, зато, когда не нужен, только отбивайся. Ага! Вот и знакомый нам Носферату. Видели уже этого субчика, любить и жаловать не прошу, заметьте!

Колдун брезгливо скривился:

– Тварь знатная. Но! – он поставил ударение, потрясая указательным пальцем. – Ничего не поделаешь – имеет такое же право, как и остальные, на свою порцию энергии. Он идет прямо на нас!

Колдун, казалось, даже встревожился.

"Он не сказал к нам, а – на нас. Так обычно зверя гонят егеря. На охотника", – подумала Эля.

Носферату, не торопясь, приближался. Нет, он шел не к ним, он просто по спирали, как акула, почуявшая добычу, сближался с Божьей Искрой, по-прежнему разглядывающей что-то в глубине витрины магазина.

– Быстро беремся за руки! – скомандовал Колдун.

В эфирном мире Носферату окружала все та же черно-коричневая аура, шевеление бесчисленных отростков. Но сейчас они все тянулись в одном направлении – к Божьей Искре.

Эля с тревогой следила за тем, как он подошел к ней, но не пересек границу личного пространства.

Носферату улыбнулся и что-то сказал женщине. Она рассмеялась, и выплески голубого и зеленого цветов пронеслись в ее сияние. Короткие отростки удлинились, и, не проникая в личное пространство, охватили Божью Искру живым коконом.

– Как паук! – ахнула Эля, прижав руку ко рту.

Носферату, между тем, нащупал удачную тему для общения и заливался соловьем. С каждой минутой разговора кокон

вокруг жертвы становился все темнее, наливался весом. Вдруг он оторвался от своего хозяина и закружился вокруг жертвы, набирая скорость.

Божья Искра, ничего не замечая, весело болтала с хищником. Энергия, исходящая от нее, меняла свое разноцветье на однообразное зеленое свечение.

– Мы ничего не собираемся предпринять? – с тревогой спросил Миша. – Чувствую, ничего хорошего не будет!

– А зачем? – Колдун философски пожал плечами. – Обычная история. Ежедневная. Каждый выживает, как может.

– Она что, умрет?! – вскрикнула Эля, взгляд заметался с Миши на Колдуна.

– Нет, конечно! – Колдун опешил. – Ну почему столько лишних эмоций, госпожа доктор! Я же говорю – обычная история. Кормление хищника.

Тем временем кокон завертелся с огромной скоростью. Им даже почудилось исходящее от него жужжанье.

И – в один момент! – сияние Божьей Искры исчезло! Не низвергался больше водопад белого свечения, не неслись по коридорам и переходам центра языки разноцветного пламени. Ни-че-го! Все замкнуло на себя кружащееся веретено.

Носферату отвесил своей жертве полупоклон. Кокон закружился волчком уже вокруг хозяина. Миг! – и он исчез. Аура Носферату стала сочно-зеленой. Он тепло попрощался с женщиной и поспешил к выходу. Она смотрела ему вслед с несколько ошарашенным видом. Открыла рот – наверное, хотела сказать что-то вдогонку, да так ничего и не сказав, закрыла; облизала губы и сама пошла по коридору. Плечи упали, спина ссутулилась, и походка стала какой-то понурой. Они провожали ее взглядами, пока она не скрылась за углом.

Только сияние теперь не рвалось ввысь, и белое свечение не возвещало более о ее приближении. Да и сутолока вокруг нее улеглась – все комарики, дракулы и тузики незаметно разбрелись по своим делам.

– Там, где прошел Носферату, остальным делать уже нечего, – заметил Колдун, выпустив их из мира эфира.

– Что же теперь с ней будет? Он высосал из нее всю энергию? Она умрет? Перестанет быть Божьей Искрой? – выстрелила Эля нервной очередью вопросов.

Капелька крови набухла на прокушенной губе. Она даже и не почувствовала, как прокусила ее. Мишка осторожно обнял Элю и, коснувшись ее рта в поцелуе, нежно снял губами уже грозившую скатиться каплю. Элька чуть вздрогнула от неожиданности, скосила к нему на мгновение недоуменные глаза, но ее взгляд рванулся снова к Колдуну в ожидании ответа.

– Ничего страшного с нашей Божьей Искрой не произошло. Пока, во всяком случае.

Колдун деликатно высвободил локоть из сильного захвата: не замечая, она сжала его руку до белизны в ногтях.

Элька ойкнула и прижала руку ко рту.

– Ой, извините, ради Б-га! – прошептала она, залившись краской. – Я не хотела.

– Извиняться абсолютно не за что, госпожа доктор! – он улыбнулся. – Итак, ничего экстраординарного не произошло: обычное энергетическое кормление пара-человека подвида "Носферату". Довольно сильного, кстати!

Колдун уважительно покачал головой как охотник, отдающий должное силе и хитрости опасного зверя:

– Как он быстро, двумя – тремя фразами завладел вниманием своей жертвы... хотя правильнее будет сказать – добычи; вызвал к себе расположение и тем самым замкнул на себя весь поток энергии!

Глаза Мага сверкнули:

– Мало того, он сумел заставить свою добычу вырабатывать энергию только нужного спектра!

– Да, я... то есть мы обратили внимание! – согласился Миха, и взглянул на Эльку за подтверждением.

– Да-да! – тотчас откликнулась Элька. – Все стало зеленым!

– Именно! – кивнул Колдун. – Этот Носферату потребляет зеленую энергию. Не буду вдаваться в подробности. Зеленая энергия необходима для творчества. Он, вполне вероятно, артист, писатель, скульптор, ученый. Да разве мало на свете творческих профессий!

– То есть все они пьют кровь для своего творчества? – ужаснулась Эля.

– Госпожа доктор! – укоризненно пророкотал Колдун. – Не будьте столь категоричны! Начнем с того, что пьют они не кровь, а энергию.

Он оптимистично подмигнул Эльке:

– Энергетический баланс Божьих Искр подлежит восстановлению. Например, наша Божья Искра. Да, "Носферату", безусловно, замкнул на себя и использовал весь ее эфирный потенциал. Да, восстановить первоначальный статус возьмет какое-то время, и, скорее всего, до вечера наша героиня будет чувствовать слабость, общую вялость.

Он задумался, вытянув губы трубочкой, в поисках понятного сравнения, кивнул сам себе и продолжил:

– Ощущение энергетического истощения после интенсивного питания такого вот мощного вампира, каким оказался наш недавний знакомец, вам, врачам, хорошо знакомо. Обычно его описывают пациенты, которые теряются в догадках, почему они себя так плохо чувствуют, как: беспричинная слабость, быстрая утомляемость, эпизоды кратковременных головокружений, вялость, снижение аппетита на фоне повышения веса, депрессия, меланхолия. Это, пожалуй, главные симптомы. На вашем профессиональном арго это называется манифестация заболевания,

– Знаете, сколько таких больных! – развел руками Миха. – Каждый второй!

Эля бросила в его сторону согласный взгляд и обратилась к Колдуну:

– Совершенно верно! И теперь у каждого такого больного будем искать...

Она прищурилась на секунду, и просияла, придумав название...

Отвлечемся немного и назовем наше отступление: "А-про-по", или Нота Бене.

Нет для врача большого наслаждения, чем обозвать то, что ему непонятно, новым названием! И не объясняет ничего, и лечить неизвестно чем, а диагноз поставлен. Классический пример: "Вегето-сосудистая дистония". И ведь не просто дистония, а по какому-то специальному типу! К слову, диагноз существует только в России и на постсоветском пространстве. Весь остальной мир живет в счастливом неведении о существовании такого страшного недуга!

Поэтому не мудрено понять элину радость, когда ее осенило красивое, емкое название!

– И у каждого такого больного мы теперь будем искать синдром энергетического посткормления?

Она заломила бровь, бросив горделивый взгляд на Миху: "Зацени!"

Миха выкатил глаза: "Круто! Заценил!"

– Нет, конечно! – нос Колдуна качнулся слева направо, отрицая такое предположение, и увлекая своей массой за собой всю голову. – Но посудите сами, у скольких пациентов врачи после проведения всех возможных обследований и ничего не обнаружив, приходят к маловразумительным диагнозам, как то: "Диэнцефальный синдром", или "Диффузные изменения миокарда".

Врачи переглянулись и только вздохнули, молчаливо соглашаясь с тем, что, да, у многих, ничего не попишешь.

– Вот в таких случаях и можно предположить... как вы его окрестили? Синдром энергетического посткормления, не так ли?

Колдун пророкотал новое название, грассируя и словно пробуя на вкус его звучание. Довольно кивнул, принимая на вооружение новый термин.

Эля кокетливо вздернула плечико, состроив Михе глазки, он в ответ поднял большой палец: "Круче тебя только яйца!"

– Но синдром этот, на самом деле, лишь одно из возможных проявлений кормления Носферату, – продолжил Маг, – или другого хищного подвида, так называемого "Рачительного Хозяина". Для удобства, будем называть его сокращенно Р.Х.

Синхронно пожали плечами. Р.Х., так Р.Х. Какая разница?

– Продолжая в вашей терминологии, назовем это доброкачественной формой течения болезни.

Колдун задумался и решительно тряхнул головой:

– Нет! Это неправильно! Это не болезнь! Скажем так: доброкачественная форма развития отношений «хозяин – паразит».

– Ага! – победоносно вскричал Мишка. – Все-таки паразит!

– Не надо искать отрицательной коннотации! – спокойно возразил Колдун. – Вы рассуждаете с позиций Божьей Искры, и это естественно!

Он улыбнулся Мише:

– А были бы вы Носферату, сказали бы, что Божьи Искры для того и созданы, чтобы питать вас и иже с вами. И такой подход тоже нормален, каждый борется за своё существование, за своё место под солнцем.

– А вы стали бы общаться с Носферату на эту тему? – нашелся Миха.

Маг только взглянул на него. Но тут в разговор вмешалась Эля:

– То есть, вы оправдываете такое уничтожение... энергетическое уничтожение Божьих Искр пара-людьми? – возмутилась она.

– Нет, безусловно, я этого не оправдываю.

Колдун посмотрел на нее с упреком, больше напускным, похоже было, что он рад возможности оставить эти вопросы без ответа.

– Но, мы ведь говорим о доброкачественном варианте развития отношений между Божьей Искрой и Носферату. В этом случае энергетический баланс восстанавливается. Никакой угрозы для жизни нет. Да: слабость, головная боль, подавленное состояние на день, максимум – два дня. Вот и все!

Эля пробурчала себе под нос нечто вроде: "Ну да, не у вас же голова болит, подумаешь!".

У Михи жестко выделились скулы, но он сдержался и только глухо хмыкнул.

– Но кроме доброкачественного варианта есть и другие. – Колдун не заметил, или сделал вид, что не заметил их реакции. – Назовем их, как положено в медицине, злокачественными.

– Диагноз ставится посмертно? – сыронизировала Эля.

– Угу! – поддакнул Миха. – Патологоанатом и ставит. По результатам вскрытия.

И вновь Колдун оставил их иронию без внимания:

– В процессе эволюции у некоторых особей хищных подвидов пара-людей развились совершенно необычные особенности. И неожиданные. Непредвиденные, я бы сказал, особенности.

Воцарилась совершенная тишина. Казалось, после такого заявления во всем неумолчном, как речной поток, торговом центре кто-то нажал на пульте управления кнопку "Пауза".

Колдун, как хороший актер или лектор, завладевший вниманием аудитории, замолчал, продолжая удерживать на-

жатой кнопку невидимого пульта.

Аудитория затаила дыхание.

– И какие же неожиданные особенности вдруг проявились? Никак, совесть пробудилась? – нетерпение прорвалось у Михи язвительностью.

Эля фыркнула.

Колдун продолжал хранить молчание.

Миха открыл было рот, чтобы съязвить вновь, но Эля сдала ему руку, сложила губы в просящую гримасу, и Мишка смолчал.

Колдун выждал еще неслышные "раз... два... три!", кашлянул и продолжил:

– Как вы, быть может, уже и сами догадались, у них проявились магические способности.

Бросил на них быстрый взгляд:

– И, к большому сожалению, в некоторых случаях их можно назвать весьма сильными. Например, в таком случае, как ваш. И в первую очередь, я имею в виду господина доктора!

Взвесил, стоит ли говорить, и решил, что да:

– В вашем случае, я бы даже охарактеризовал эти способности, как весьма и весьма сильные.

– Можно поподробнее? – нервно покусывая губу, поинтересовалась Эля.

Миха, успокаивая, тихо погладил ее по руке.

– Я просто обязан вам все подробно рассказать, – согласно кивнул Колдун, на этот раз нос потянул голову за собой вниз:

– Собственно, правильнее сказать – научить вас распознавать таких опасных типов на первой же встрече; объяснить, проинструктировать вас, как ускользать от них, иногда атаковать, уходить от "невода". Урок выживания, дамы и господа, да-с! – он энергично потряс сложенными в замок руками, демонстрируя одновременно и незыблемость обеща-

ния, и его эффективность. – И я его проведу всенепременно, но! – указательный палец к небу. – Не сейчас!

Ропот недовольной аудитории.

– Но в ближайшее время! – успокоил Маг взволнованных слушателей. – Сразу же, по возвращению в родные пенаты! Посудите, господа врачи, сами!

Он развел руками, умудрившись как бы охватить всю территорию центра:

– Невозможно же здесь, на глазах всей честной публики ("которая, кстати, не обращает на нас никакого внимания", – промелькнула у Михи мысль) проводить школу выживания! Здесь лишь заповедник. Здесь я вам могу показать достойных представителей всего пара-человеческого общества. Вы видите их воочию, увидите их ухватки, охотничьи уловки, а природу, структуру взаимоотношений «люди – пара-люди», мы с вами можем обсудить в уютной обстановке моего салона, за чаем. Согласны?

Он длинно выдохнул:

– У-фф... нам, собственно, и осталось только рассмотреть Рачительного Хозяина и Клеща. Всё!

Судя по его тону, в данной ситуации господа врачи были лишены возможности выбора.

– Так-так, – тоном энтомолога, разглядывающего банку с пауками в поисках нужного ему экземпляра, произнес Колдун. Нос пошел по кругу, выискивая цель. Сходство с башенной пушкой танка было разительное, для полноты ассоциации не хватало только жужжания сервомоторов.

– Как всегда, когда не надо, хоть пруд пруди Рачительными Хозяевами, – снова принялся он тихо ворчать, продолжая поиски. – А когда он тебе нужен, то ситуация...

Ж-ж-ж... едет дуло пушки влево:

– Прямо как с хозяевами в бывшем СССР.

Ж-ж-ж... пошел нос вправо:

– Ни одного на квадратный километр... слава Б-гу, хоть

один нашелся! Перед нами, в двадцати метрах, на трех часах. Видите, пара средних лет?

Пара перед ними была не только средних лет. Это была средняя во всех отношениях пара. Серо-статистическая, одним словом, пара. Ничего особенного, на чем хотелось бы остановиться, отдохнуть глазу.

– Давайте приглядимся к ним, как следует, – тем не менее настаивал Колдун.

Миша выразительно посмотрел на Элю.

"На хрена нам это надо?!" – можно было прочитать по его лицу.

Эля только пожала плечами в ответ.

Колдун прервал их мимический диалог:

– Госпожа доктор! Вы, пожалуйста, выскажитесь в первую очередь. Для вас это представляет особенный интерес. Уверю вас!

Эля вновь пожала плечами, вздохнула и обреченно посмотрела на остановившуюся метрах в пяти перед ними пару.

"Ладно, смотрите, только отвяжитесь от меня!" – легко читалось во всем ее облике. Тем не менее, Эля была человеком ответственным, и уж если бралась за что-то, старалась сделать на совесть. Золотая школьная медаль и красный институтский диплом, знаете ли.

"Та-ак, и что мы видим?" – задала она себе вопрос и заставила себя всмотреться, начать выполнять домашнее задание. Лицо женщины было бесцветным, как будто трудился над ним художник-график, у которого и было только под рукой, что мягкий карандаш, да сероватая, некачественная бумага.

Даже макияж не мог оживить его, и не скрывал, а наоборот, подчеркивал своей неряшливостью, небрежностью линий дефекты анатомии, помноженные на возраст. Тон под глазами не мог затушевывать набухшую синеву мешков под глазами. Плюс одутловатость.

"Алкоголь! И почки? Не исключено", – поставила Элька первую птичку в осмотре... больной?

"Да, уж явно не выглядит она здоровой", – решила она.

Она посмотрела на свою непрошенную пациентку общим планом. Небрежение в одежде, ее затасканность убеждали в правоте заключения.

"Да, попиваем-с, еще не алкоголизм, но явное бытовое пьянство", – кивнула в такт своим мыслям Эля.

Хрупкая тонкость кожи, да и ее пепельный цвет указывали на неумеренное курение.

"Поехали ниже", – внутренний скан переместился на область шеи. Складки. Много мелких складок. Уже начинают формироваться крупные. Тургор кожи снижен. При поворотах головы видны отвислости, на щеках появляются бульдожьи брыли.

"Что ж ты, миленькая, так себя запустила, а? – Эля с сожалением поджала губы. – Еще нет и пятидесяти? Да, лет так сорок пять, а уже полный фейс-лифт с подтяжкой шеи так и просится!"

Снова общий план.

"Ну, само собой при такой картине избыточного веса не избежать. Еще не явное ожирение, но бока и окорока уже хороши. Смотри-ка!"

Элькины брови удивленно взлетели углом вверх: "А туфли-то, хороши! Не сношенные, изящные, подходят к платью, и к сумке. Каблуки высокие, да, и я бы от таких туфелек не отказалась. Еще не все потеряно, подруга!"

– Ваши выводы, госпожа доктор! – баритон Колдуна бесцеремонно нарушил стройный ход построения диагноза.

Эля нахмурилась. Вмешиваться в ее работу не позволялось никому! Миха с интересом наблюдал за ее реакцией.

– Господин Маг! – Эля фыркнула и, казалось, на ее и без того заостренных изящных ушках выросли рысьи кисточки.

Миха удовлетворенно вздохнул, сложил руки на груди,

потеря спиной о столб и комфортабельно на него откинулся – вылитый наблюдатель уличной драки.

– Попкорну, любимый? – Эля боковым зрением проконтролировала и его движение, по-прежнему пристально смотря на Колдуна.

– Знал ведь, что у женщин поля зрения шире! – пробормотал Миха, но выпрямился.

– Да, госпожа доктор?

Показалось, или голос Мага действительно чуть дрогнул? Впрочем, неважно.

– Насколько мне помнится, – голос Эли звенел натянутой струной, – вы всегда с неодобрением относились к нашим неосторожным замечаниям, если они вклинивались в ваши объяснения, тем паче, если они мешали работе вашей мысли, не дай Б-г!

– Совершенно верно, госпожа доктор.

"Просто само олицетворение кротости", – мстительно улыбнулся своим мыслям Миха.

– Соответственно, и мне хотелось бы проводить свою работу без излишней спешки.

Немигающий взгляд исподлобья:

– Которая хороша, как, полагаю, известно и вам, лишь при ловле блох.

Маг кашлянул, прочищая горло:

– Абсолютно справедливо и принято к сведению!

– Я, в принципе, закончила, – небрежно махнула Эля кистью, слетели с кольца брызги алмазного блеска. – Итак, женщина лет пятидесяти. Пластический хирург уже может хищно потирать руки: она выглядит заметно старше своего возраста. В первую очередь благодаря влиянию нескольких факторов: чрезмерное потребление алкоголя.

Чуть помедлила и конкретизировала:

– Скорее всего, на ежедневной основе. И курение. Думаю, пачка в день. Ну, и недосып, как результат депрессивных

нарушений сна. Печень, вероятно, начинает сдавать, жировое перерождение.

Вздыхнула, пожала плечами в недоумении:

– Совершенно банальная картина: жизненные неудачи побеждают с разгромным счетом. Не понимаю, что могло привлечь ваше внимание? Конец очевиден и зауряден. Погибает человек, к сожалению.

Особого сожаления, тем не менее, в ее голосе не слышалось:

– Не справилась с жизнью.

– Неужто не понимаете? – вкрадчиво улыбнулся Колдун.

– Приглядитесь! Это же вы-с, вы-с и не справились, голу-бушка, с жизнью!

– Как – я? – замирающим голосом спросила Элька, уронив бессильно руку на грудь.

Мишка чутко подхватил ее за талию, не дал ногам подкоситься.

– Не в прямом смысле – вы! – поспешил добавить Колдун.

– Простите великодушно, что ввел в заблуждение! Я всего лишь хотел показать вам, кем бы вы стали лет через пять, не изменись так круто ваша судьба! Это ваш, так сказать, аналог.

Два взгляда. Два молчаливых вопроса.

– Эта тусклая дама – Божья Искра! Причем вашего, гос-пожа доктор, потенциала! Она просто съедена, почти до дна исчерпана своим спутником – Рачительным Хозяином.

Два ошарашенных взгляда.

– Т-а-ак! – протянул Колдун. – За мной, дамы и господа! В эфирный мир! Все станет ясным без нудных объяснений!

– С-скотина! Что же он с ней сотворил?! – вырвалось в сердцах у Эльки.

В эфирном мире все выглядело еще более жалко, чем в мире физическом. Никакого фонтана, водопада разноцветных энергий. Жалкие красноватые лучики, тянущиеся от серого тонкого силуэта Божьей Искры к ее спутнику.

Он, кстати выглядел не многим лучше ее. Его аура была не видна на свету, и проявлялась только в тени: унылый беловатый контур, полоса в пару сантиметров шириной.

– М-да, – Миша покрутил головой, – это что за авоська непристойных размеров?

Эля присмотрелась внимательней. Действительно, силуэт женщины был окутан сетью из тончайших нитей такого же неопределенного цвета, как и аура, как там его называл Маг, – "Рачительного Хозяина, что ли? Да-да, именно так и называл", – вспомнила Эля.

Несмотря на крупную ячею этой эфирной сети, "авоськи", как метко окрестил ее Миха, ни один лучик энергии от Божьей Искры не прорывался наружу.

Все они искривлялись в пространстве и послушно тянулись к создателю сети, исчезая в его ауре.

– Кто этот мучитель? – чуть слышно спросила Эля. – Кем он ей приходится? Почему она не убежит от него? Не отбросит прочь?

– Убежит? Отбросит? – переспросил Колдун. – Как же можно убежать от того, кто тебя любит? Кто клянется, что готов отдать жизнь за тебя?

Эля вдруг густо покраснела, и опустила голову.

– Как же можно уйти, если ты думаешь, что он этого не перенесет? Умрет от тоски? – продолжал Колдун. Голос его звучал печально, и был наполнен деликатностью и тактом, и поэтому не ранил, а лишь бередил воспоминания.

И эфирный мир исчез, исчез мир и физический.

Снова Эля стояла в центре салона своего бывшего дома, бывшей квартиры. И время было: три месяца тому назад.

И вновь она ощутила, как руки бывшего мужа крепко сжали ее колени, его голова приникла к ним, а сам он стоял перед ней в позе блудного сына. Только это себя она считала великой блудницей, и умирала от стыда за незаслуженное страдание, за причиненное ему горе.

– Я все прощу... мы все сможем пережить, мне наплевать, что будут говорить вокруг. Останься, останься, останься!

Его слова – или крик? – вновь звучали в ее ушах.

И вновь она услышала свой ответ:

– Леша, пойми! Пойми, наконец – я его люблю! Я люблю его! Понимаешь, я без него жить не смогу!

И теперешняя Эля вдруг обнаружила, что, несмотря на осознание причиняемой ее бывшему мужу боли, она гордилась и продолжает гордиться тем своим ответом.

.....

– Госпожа доктор, помните продолжение? Всего лишь день спустя! Помните?

Голос Колдуна. Детский смех и детский плач. Гул людского помещения.

Эля вернулась в настоящее. Глубоко, словно ныряльщик, вернувшийся с глубины, вдохнула кондиционированный воздух торгового центра.

– Естественно, помню, – криво улыbnулась она. – Думаю, и не забуду никогда.

.....

Конечно, помню, сказала она, хотя вспоминать не хотелось. Та жизнь ушла в прошлое, захлопнув за собой тяжелую стальную дверь. Испарилась, как будто и не было ее никогда... А может, это мозг милостиво защищает ее? Не дает ей провалиться в прошлое – дорога и тупиковая, и одновременно бесконечная, как лист Мёбиуса с его плоской нескончаемой поверхностью. Воспоминания вернули бы ее назад, к моменту полной и успешной подмены чувств их материальным эквивалентом. К видоизменившемуся в наши дни лозунгу: "Цель оправдывает средства, а средства, пацаны, – истинная цель!". Она болезненно поморщилась

.....

Миха похлопал ее по руке. Элька отогнала воспоминания и поцелуем улыбки коснулась его губ:

– Все хорошо, любимый, все просто очень хорошо!

– Знаете, господа врачи, – прервал Колдун неловкую паузу, частый итог неприятных, и от этого очень личных воспоминаний, – не видя мир эфира, вам очень тяжело, практически невозможно различить людей и пара-людей.

Он вздохнул:

– Есть только один, безошибочный, способ.

– Что за способ? – спросили они в один голос. Переглянулись, сплели руки.

– Необходимо поставить испытуемого в критическую ситуацию.

Колдун жестко сжал губы в узкую полоску:

– Ситуацию, требующую принятия непростого решения. Дилемма, решение которой подразумевает отказ либо от духовных ценностей, либо лишение материальных благ. Или – или. Третьего не дано.

– Мне кажется, я понял! – Миха выкинул вверх сжатый кулак. – Прагматизм?

Эля никогда не отказывала себе в остроте ума и не страдала заниженной самооценкой. Мужчина, не способный хотя бы идти с ней на равных, шансов не имел никаких. А тех, которых самой надо было догонять вприпрыжку, иначе убегут вперед в своих умозаключениях – итога меньше.

За Мишкой надо было бежать со всех ног.

Она прижалась к нему, не скрывая восторга:

– Голова у тебя, любимый, – настоящая "аидише копф"!

– Да, господин доктор, именно прагматизм!

В глазах Мага тоже сверкнул одобрителный огонек. Так учитель бывает приятно поражен умом ученика:

– Во всех ситуациях необходимости жесткого выбора... подчеркиваю! Выбор должен быть по-настоящему жесткий, не детский!

Он посмотрел на них в упор. Редкий момент, когда его взгляд не обволакивал неуловимо со всех сторон, а бил прямо в глаза.

"Человек с таким взглядом знаком со школой выживания точно не понаслышке, – промелькнуло в голове у Михи. – Он ее и основал!"

– Так вот, во всех ситуациях, требующих такого выбора, решение пара-человека будет рассудочно взвешенным, тщательно просчитанным, насквозь прагматичным, начисто лишенным духовности.

– Нет души – нет и духовности, – кивнула Эля. – Это просто.

– Да, – согласился с ней Маг, – пара-человек всегда будет руководствоваться материальной стороной, материальной выгодой принятого им решения.

Он помолчал чуть и добавил:

– Есть только одна проблема.

– И она? – выжидательно спросил Миха.

– Этот тест не может быть наигранным, придуманным. Это должна быть реальная, жизненная ситуация. Реальный, тяжелый выбор.

– То есть, – задумчиво произнес Миха, – "Если друг оказался вдруг и не друг...", ты поймешь, только если он тебя натурально уже предал. Постфактум. Да-а... – протянул он насмешливо. – Ценный тест! Ценное обследование! Прямо, как вскрытие – диагноз окончательный, только, увы – увы...

Он развел руками и притворно вздохнул:

– Посмертный!

– Угу, – кисло согласилась с ним Эля, – ситуация называется: "Всю жизнь считала таким порядочным человеком, а оказался – ублюдок!"

Маг красноречиво промолчал: "Вы совершенно правы, но, к сожалению, больше ничего, на данный момент, предложить не могу!"

Повисла пауза, недолгая, впрочем.

– Госпожа доктор, я позволю себе потревожить ваши воспоминания, не возражаете?

– Что поделаешь, господин Маг. – Эля философски пожала плечами. – Надо, так надо.

.....

...Эля страстно любила готовить. Причем готовить в промышленных объемах. Убедить ее в том, что двум парам гостей нужно меньше еды, чем взводу солдат после десяти-километрового марш-броска, было невозможно. Поэтому предметом ее вожделения была огромная, блестящая, многоконфорочная профессиональная плита.

Помимо большого числа конфорок, в плите должна была быть и многопрофильная печь, в которой бы парилось – жарилось – шипело – скворчало одновременно много вкусовностей.

И такая печь, наконец, была куплена! И куплена она была, между прочим, на очередной Элькин бонус к зарплате, так удачно подоспевший к какому-то очередному празднику.

После скандала, после ее ухода из дому, Эля наивно предположила, что ее верная плита последует за ней. "Нет! – последовал категоричный отказ. – Плита является неотъемлемой частью интерьера квартиры". Довод был настолько неожиданным, что и возражений не нашлось...

– Позвольте напомнить, что было потом? – попросил разрешения Колдун.

Ее вещи были собраны, и грузчики в огромных, покрытых пылью и потеками извести ботинках, топали беспощадно по ее любимой итальянской плитке.

"Господи, ну откуда известь на обуви! Они же грузчики, а не маляры!" – проскочило бестолковое удивление.

Леша вел себя весь день грубо, если не сказать агрессивно. Но вдруг с размаху, как подкошенный, сел – упал на диван напротив Эли. Он смотрел на нее преданным, собачьим

взглядом, свет в глазах дрожал от слез.

– Я так тебя любил, так любил, – голос треснул, сел.

Слезы уже были готовы прорвать плотину ресниц:

– Я жизнь был готов... готов отдать.

Несмотря на весь трагизм ситуации, какой-то бесенок вдруг закрался Эле в голову и резво принял на себя бразды правления ее языком:

– А плиту, плиту отдашь? – вкрадчиво спросил бесенок Элькиным голосом.

– Плиту – нет! – не меняя интонаций, через слезы ответил Леша.

Эля подскочила от неожиданности.

Голос Мага в точности повторил голос ее бывшего мужа, его интонации, тембр голоса. Сходство было полным. Как цифровая запись.

"Они же ни разу не встречались! Как он может копировать его голос? Или, все-таки, встречались?!" – панически заметалась мысль.

Миха почувствовал ее настроение и улыбнулся:

– Спокойствие, только спокойствие! Правильно, господин Колдун?

– Вы правы, почти как всегда, господин доктор! – и его нос энергично качнулся, как бы говоря – "беспокоиться не о чем!". – Конечно, я не имел сомнительного удовольствия быть представленным вашему экс-супругу! – Маг улыбнулся. – Просто много...

Он слегка запнулся:

– ... летний опыт общения с пара-людьми вообще и с Эр. Ха, в частности, дает мне возможность такой вот неприязательной интермедии.

Эля недоверчиво посмотрела на него:

– А мне лично кажется, что вы просто видите, или слышите, а скорее всего и то, и другое, вместе взятое, наши мысли!

Колдун в ответ рассмеялся весело и заразительно своим рокочущим смехом, басами, отдающимися в животе. При этом он тряс головой, как бы говоря: "Что только люди не придумают!". Возразить, однако, не возразил.

– Я хотел бы обратить ваше внимание на сеть, или как иронично назвал ее господин доктор, "авоську". Это и есть "невод", о котором я уже упоминал, правильнее сказать, его эфирный образ, так сказать, эфирное энергетическое отражение. Помните, надеюсь?

– Да, конечно, – переглянулись врачи.

"Закрепляет пройденный материал?" – читалось в их взгляде.

– Это боевая магия подвида пара-человека, называемого вами "Рачительный Хозяин", – тоном ученицы-зубрилки ответила Эля.

– Боевая? – искренне удивился их странный учитель. – С чего вы взяли, что это боевая магия? Я, лично, ничего подобного вам не говорил.

– Ну-у, – сделала Эля круглые глаза, – не знаю, как-то само пришло в голову, по ассоциации.

– Вряд ли вам приходилось сталкиваться с боевой магией. – Колдун, сам того не замечая, помассировал левое плечо, чуть поморщился. – Нет, невод Рачительного Хозяина – это вовсе не боевая магия.

– А что если назвать ее абордажная магия? Как вам? Не возражаете? – предложил Миха.

Секундная пауза. Эля просияла, а Колдун одобрительно хмыкнул:

– Абордажная магия, – попробовал он звучание на вкус, склонив голову набок, и сразу стал похож на огромного черного пса. Пса? Уж скорее на огромного поджарого волка.

– Хм-м... неплохо, воистину неплохо! Действительно, рачительный хозяин забрасывает намеченную им Божью Искру, словно абордажными крючьями! Забота, любовь, пре-

дупредительность, предусмотрительность, обожание, сдувание пылинок.

– Это и есть невод? – печально спросила Эля.

– Да, госпожа доктор. Это и есть его ловчая сеть. Он закидывает крюки. Проверяет, глубоко ли засели.

Колдун остро взглянул на них:

– Этот период закабаления Божьей Искры обычно видится со стороны, как он/она любит её /его без памяти. После того, как Божья Искра убеждена в том, что она обожаема и без нее жить не могут. Знакомая картина, не правда?

Они оба синхронно кивнули. Старательно избегая встретиться взглядами. Но руки их сплелись крепко, до белизны пальцев.

– После этого начинается период подчинения Божьей Искры. Невод начинает стягиваться. Узлы пересечения энергетических линий воздействуют на эфирный поток так, что он становится монохроматическим, иначе говоря, одноцветным.

– Красным в основном? – спросила Эля. – Я не ошиблась?

– Да, госпожа доктор, не ошиблись.

Рука Колдуна нырнула во внутренний карман пиджака, вернулась с очередной сигарой. Последовала уже хорошо всем знакомая церемония раскуривания. Эля неодобрительно поджала губы.

"Сколько же можно курить!" – читалось в ее взгляде.

– Эля, не будь лицемерной! Сама же курила без продыху еще три месяца назад, – упрекнул ее Миха. – Скажи прямо, что тоже хочется!

– А о чем говорит красный цвет? – Эля вернулась к разговору, но язычок Мишке показала.

– Красный цвет – это основа, базис обычной жизни. Красная энергия позволяет совершать монотонные, ежедневные, однообразные действия. Можно назвать ее энергией быта. Она позволяет получать удовольствие от еды, питья, покупок.

– Иными словами, живи на "красном бензине"! Пей, жри, купай, что можешь. Прямо ново-русская энергия, апофеоз мещанства, – загрустил Миха. – Секса только не хватает.

- Секс – оранжевого цвета, – Колдун задумчиво прищурился и щепотью пальцев прошелся по подбородку. – Апофеоз мещанства, говорите. Позвольте спросить вас, а как вы жили в последнее время?

Облако сигарного дыма разбилось об их фигуры, и немедленно было развеяно мощным кондиционером.

Миха экспансивно рванулся вперед возразить, рот эмоционально раскрылся, но ничего кроме как выдоха, словно перед стопкой водки, не получилось. Постоял чуть, неопределенно поиграл скулами, пожал плечами:

– Нечего вам возразить, к сожалению, – румянец все-таки проступил на щеках, – так, в общем, и жил.

Мог порыться в памяти и найти иные жизненные составляющие. Например, картинные галереи, обожаемые им, особенно если случалось ОТКРЫТИЕ! Когда поворачиваешь голову, и посреди полной неожиданности взгляд твой застывает ошеломленно перед чудесным полотном неизвестного тебе художника.

Как обычно, потом выясняется, что весь мир благоговееет перед ним сотню лет, и единственный, кто с ним не знаком в силу серости, необразованности и чурбанства – это ты.

Совершенно неважно! Это же было твое ОТКРЫТИЕ.

Но не стал Миха рыться в памяти и трясти выхваченными из нее за шиворот примерами. Ибо примеров становилось с годами все меньше, а красноглазой водки все больше.

Общество преуспевающих врачей. Свет израильской медицины. Точнее, ее русскоязычной части – неформальное общение вне больничных стен довольно жестко делилось по общности стран исхода и одинаковой ментальности.

Каждый выбрал свою дорогу: профессиональный рост,

карьера научная или номенклатурная, частный бизнес, медицинский туризм. И кто пошел, кто побегал, а кто и резво помчался по избранному им пути. И дороги их расходились, менялись сферы интересов, сферы общения. Различались и темы бесед, темы застолья. Кроме, конечно, сплетен, политики и анекдотов.

Со временем ко всем пришел успех в своей области, достаток, сменившийся благополучием, а оно передало эстафету богатству. Стала возрождаться общность интересов, а дискуссии и обсуждения интересных больных и новых методов лечения и диагностики приобрели ощутимый бизнес-оттенок.

И их пути-дороги стали вновь сходиться. С разных сторон они сбегались, сливались одна с другой, пока не образовали широкую столбовую дорогу шикарной застольной беседы.

Она была идеально размечена, заасфальтирована до зеркального блеска, с известными всему обществу ограничениями скорости обсуждаемых тем и отсутствием неожиданных, никому не нужных и посему опасных поворотов.

Обсуждение интересных случаев из практики все еще существовало, надо быть объективным, но быстро уступало место основным темам: инвестиции, недвижимость, понтонный отдых, автомобили (с ними, обычно, в комплекте шли любовницы – шепотом).

Паузы между темами и рюмками заполнялись междометиями анекдотов. Пауз много, а хороших анекдотов – мало! Делайте выводы, господа...

Поэтому не стал Мишка возражать. Да, так и жил!

– Позволю себе использовать ваше выражение, – Колдун с удовольствием покатал его на языке:

– Красный бензин... вдоволь повозили своих Рачительных Хозяев на "красном бензине", господа врачи?

Миха никак, казалось, не отреагировал, но прикусил губу и напряженно рассматривал гранитные плитки пола.

– Натурально, мадам, – грустно покивал Маг, – на вас обоих паразитировали представители одного подвида парачеловека: Рачительного Хозяина.

– Кстати, почему вы называете его... их – Рачительные Хозяева?

Мишка оторвал взгляд от пола и посмотрел на Колдуна.

– На мой взгляд, это название хорошо отражает природу данного подвида.

Колдун небрежно перекинул сигару слева направо:

– Хороший хозяин всегда проследит за своей скотиной в хлеву. Вовремя подаст ей пойло, вовремя накормит, проследит за всеми ее надобностями. Даст ей и попастьись на свежей травке.

Он бросил острый взгляд на Миху:

– Дабы интерес к жизни не теряла.

Миха пробурчал что-то неразборчивое, стрельнул виновато глазами на Эльку, покраснел, и вновь стал изучать узоры гранитного пола.

– Хороший хозяин сделает все, чтобы скотинка его и жирок нагуляла, и похрюкивала весело. Много забот у хорошего, рачительного хозяина. Устает он от обилия работы. Но зато есть у него и желанный результат! Получает от своей животины все ему необходимое. Куда потянет узду, в ту сторону она и пойдет послушно, а то и побежит, еще и в глаза на ходу заглядывать будет, в ожидании похвалы.

Колдун задумчиво погладил подбородок:

– А теперь скажите мне, пожалуйста, можно ли такое отношение хозяина к домашней скотине назвать любовью?

Он вновь окутал их плотным ароматным облаком дыма, не ожидая ответа.

К элькиному удивлению, вдохнула она этот дым легко, он совершенно ее не раздражал, а даже наполнил бодростью, прояснил голову, глаза открылись!

– И кормит его благодарная скотина в избытке необходимой энергией, дает хозяину ощущение полноты жизни, радости бытия. Сама же пребывает в плену магии невода, уверенная в бесконечной, бескорыстной любви своего хозяина. И от благодарности дает больше, чем получает! Много больше...

Пауза заставила Миху и Элю посмотреть на него.

Чего он и ожидал:

– Давайте не будем забывать, что при необходимости, или под давлением обстоятельств, или просто, когда придет пора, ни у одного фермера не дрогнет рука зарезать свою скотину. В конце концов, в этом ее предназначение...

Он развел руками:

– ...для ее Рачительного Хозяина.

Молчание.

– Ну-с, а в паре Божья Искра – Рачительный Хозяин кровь в прямом смысле не льется. Рачительный Хозяин пьет энергию, простую примитивную энергию "красного бензина", превращая свою Искру в некий бензозавод. Ему больше ничего и не надо. Простые радости жизни. Все! Достаточно!

Они стояли плечом к плечу, и все так же, молча, смотрели ему в глаза, тщетно пытаясь поймать его неуловимый взгляд. Занятие, заранее обреченное на провал.

– А Божья Искра чахнет. Не понимая, отчего. Все в его, или в ее жизни есть. Как банально говорится: "Дом – полная чаша". Есть все, кроме ее предназначения. Оно отобрано. Отобрана радость от пронизывающих все тело потоков эфира. Отобрано неосознанное счастье полноты жизни.

И вновь облако сигарного дыма окутало их, постоянно чуть рядом. Сочувственно.

Вызвало чувство дружеского плеча, поддержки и уплыло в шумные коридоры центра.

– Все есть в жизни такой Божьей Искры. Все. Кроме того, что лишена она всякого смысла. Пуста. И потому требует

искусственного заполнения. Природа, знаете ли, не терпит пустоты.

Он замолчал, собираясь с мыслями, следил рассеянno за толпой. Кого он видел сейчас в эфирном мире? Какие хищники и их добыча кружили по коридорам и павильонам торгового центра?

Миха прокашлялся:

– Ну, искусственные наполнители жизни хорошо известны, не будем изобретать велосипед. Продаются в любом киоске всем желающим, достигшим совершеннолетия.

– А? Простите? – рассеянno откликнулся Маг. – Да-да, именно так. Вот только ни алкоголь, ни наркотики эту пустоту заполнить не могут, наоборот, подчеркивают ее, усиливают.

– Итог? Каков итог таких отношений? – Эля печально склонила голову на плечо Михе. – Погаснет такая Искра, не сможет так жить... точнее, существовать?

– Совершенно верно, госпожа доктор, – согласился с ней Колдун, – начнется ее угасание, а значит, и быстрое падение ее энергетической мощи. Что же произойдет?

– А можно без вопросов – ответов? – Эля посмотрела ему в глаза. – Просто расскажите и все, ладно?

Колдун согласно кивнул:

– А пойдет все по известному сценарию. Абордажная магия невода работает в две стороны. Рачительный Хозяин, как правило, намертво прикован крючьями к своей... жертве? ...добыче?

– Скотинке своей вьючной! – подсказал недобро Михе.

– Не суть! Угасает Искра – угасает и ее хозяин. Их угасание переходит в быстрое старение, поначалу эмоциональное, а потом и физическое. И все! И знаете, как говорят потом, вздыхая, про такую пару?

– Как же? – спросила Эля.

– Они жили долго и счастливо и умерли в один день!

– Ну, блин... ну, блин, просто слов нет! – Мишка поперхнулся от возмущения.

– Цинично! – отозвалась Эля.

– Это для посвященных выглядит цинично, – согласился с ней Колдун, – а со стороны – конец настоящей сказки. Слезы умиления, Голливуд в квадрате.

– И вы хотите сказать, что каждая пара, выглядящая счастливой, на самом деле... – усомнилась Эля, недоверчиво вздернув бровь, но Маг перебил ее, поймав мысль:

– Помилуйте! Конечно же, нет! Очень часто пара, которая выглядит счастливой, такой и будет. Возьмем, к примеру, вас.

Они прижались друг к другу, Элька потерлась носом о мишкино плечо.

– Но!

Губы Мага сжались в грустную дугу:

– Не всегда то, что, кажется, таковым и является.

– А что будет в паре... да, наверное, парой и не назовешь... – вслух задумался Миха, примеряя к мысли подходящий ей эпитет. – В связке? – он покачал головой. – Нет, слово "связка" тоже несет в себе положительный заряд. А!

Он просиял:

– В спарринге! Именно! В спарринге между Божьей Искрой и Носферату будет то же самое?

– О, нет! – Колдун покачал головой, в точности, как опытный охотник, которого милые дамы на светском рауте пытаются уверить в том, что медведь та-акой милый и ласковый зверь. В "Энимал планет" по телевизору, во всяком случае, он именно такой!

– Продолжая вашу аналогию, – кивком в сторону Михи обозначен поклон, – спаррингом это никак не назовешь. Скорее избиением младенцев. Жизнь с Носферату означает для Божьей Искры мгновенное воспламенение и сгорание, иными словами, носит взрывной характер, и как любой взрыв, несет с собой уничтожение.

Он хлопнул в ладоши, то ли иллюстрируя взрыв, то ли аплодируя Носферату:

– Но в данном случае речь идет о самоуничтожении. Погибает только Божья Искра.

– А Носферату? – Эля нервно мелко покусывала губу.

Колдун пожал плечами, мол, а ему-то что?

– А Носферату начнет поиски новой жертвы. Благодаря своим магическим способностям. Способности эти в высокой степени различаются у разных представителей вида.

Он вновь пожал плечами и поднес к носу молитвенно сложенные ладони:

– И если Носферату обладает сильной магией...

Он вздохнул и покачал головой:

– ...вряд ли у намеченной им жертвы есть много шансов уцелеть. Это не абордажная магия "невода" Рачительного Хозяина.

Колдун взглянул на них и веско пояснил:

– Это действительно некая разновидность боевой магии... в литературе она часто упоминается. Так называется магия фей.

Он улыбнулся:

– В России это слово используется к месту и не к месту...

– У нас тут прямо финал "Что? Где? Когда?" проходит, – пробурчал Миха, склонность Колдуна к сценическим эффектам начала ему приедаться.

Колдун и ухом не повел:

– Вы, господа врачи, и сами его часто употребляете...

– Гламур, – небрежно бросила Эля. – Этот вид магии было бы уместно назвать "гламур". На мой взгляд.

Колдун очень медленно, как человек, не верящий своим ушам, поднял голову:

– Что, что? Как вы сказали?

– Вы же сами упомянули боевую магию фей, – в ответе Эли звучали покровительственные нотки "Это же элементар-

но, Ватсон!", – а боевая магия фей так и называется: "гламур".

– Господи, Элька! – Миха был потрясен. – Ты же терпеть не можешь фэнтези! Откуда такие глубокие познания?!

– Хоть убей, не знаю, – честно призналась Элька, положив руку на сердце. – Наверное, искала что-то в интернете и наткнулась по дороге.

– Что-то связанное... – она задумалась, вспоминая. Включился ее внутренний компьютер. Однажды ею увиденное, услышанное, прочитанное укладывалось в невидимые ячейки памяти и уже никогда не исчезало бесследно. Надо только покопаться, как следует.

– Связанное с... Гарри Дрезденом, как мне кажется? – указательный пальчик игриво качнулся в сторону Колдуна, блеснув темно-вишневым маникюром. – Ваш коллега, если не ошибаюсь?

– Ничего общего с реальностью! – отмел Колдун в сторону Дрездена и иже с ним. – А вот название действительно отражает суть воздействия Носферату на свою жертву. – Он ее очаровывает. Завораживает. Заманивает. И – хлоп! Она уже в ловушке!

Эля вздрогнула – Колдун с силой хлопнул в ладоши:

– Капкан мощного хищника вряд ли выпустит жертву живой. Часто, но не принимайте это за правило, Носферату – люди искусства, творческих профессий, ученые.

Он неопределенно пошевелил пальцами и поправил себя:

– Не все, не все творческие профессии свойственны Носферату. Среди артистов преобладают Дракулы, – он ядовито улыбнулся. – И, конечно, леди Ди. Иначе нас обвинят в смертном грехе политкорректности. Но не о них сейчас речь.

И его нос мощным взмахом отмел в сторону потуги Дракул потягаться силами с Носферату.

– Жизнь с Носферату для Божьей Искры – это жизнь в его тени. Отдавая ему всю энергию, она становится серой мыш-

кой. Парадоксально, но это она часто выглядит паразитом на фоне звездного, бурлящего жизнью ее якобы хозяина.

Он спохватился:

– Кстати, надеюсь, вам понятно, что быть Божьей Искрой не означает автоматически обладание высоким интеллектом, творческим потенциалом, математическими способностями или красотой?

Господа врачи переглянулись и вопросительно посмотрели на Колдуна.

– К присутствующим это не относится ни в малейшей степени! – Колдун экспрессивно потряс руками. – Быть Божьей Искрой означает предназначение. Предназначение наполнять мир энергией эфира! Энергией осмысленной жизни и, в первую очередь, этикой. Божьи Искры держат весь ваш безумный мир в узде, удерживают поводья, без которых пойдет он в пенный разнос, кося кровавым глазом.

– Вот, – назидательно заметил Миха, весело подмигнув Эльке. – Поняла, милая? Ты должна меня беречь! А то кто же будет держать в узде безумный мир, теряющий человеческий облик?

Эля приготовилась, судя по лукаво сузившимся глазкам, съязвить, но Колдун ее опередил:

– Полноте вам, господин доктор! Вы с госпожой доктор не единственные Божьи Искры на этом свете, и, хотя ваш потенциал и очень велик, смею уверить, мир проживет и без вас.

– "Отряд не заметил потери бойца", – печально пропел Миха, понутив голову.

– Именно так! – согласился Колдун. – И я бы не стал уделять решению вашей проблемы столько времени...

– Оставили бы нас погибать? – мягко промурлыкала Эля. – Да?

Миха вздрогнул и как бы случайно поменял позу таким образом, чтобы в случае необходимости успеть вклиниться между ней и Магом.

– Нет, нет и еще раз нет! – решительно возразил Маг и даже расстроился. – Откуда такие мысли? Я не стал бы тратить столько времени на выявление источника, а применил бы универсальное решение для среднестатистического проклятия. Но!

Пальцы одной руки в задумчивости смяли подбородок, в то время как вторая описала в воздухе нечто вроде вопросительного знака:

– Есть в вашем случае несколько "но", несколько странностей...

Он бросил взгляд на часы:

– И вот первое "но" из них... Но об этом позже! По возвращению, иначе ничего не успеем, нам и так надо бежать за противником... и не просите, госпожа доктор!

Колдун решительно отверг ее умоляющий взгляд:

– Даю слово, по возвращению все расскажу непременно.

– Много слов даете, – вздохнул Миха, загибая пальцы. – И уроки выживания обещаете. И найти преступника, и странности нашего случая разъяснить.

– Вы сомневаетесь в моем слове? – холодно осведомился Маг, и в голосе прозвучал звон клинка, вылетающего из ножен.

– Упаси Господь! – Миха примирительно выставил руки перед собой. – Неудобно беззастенчиво тратить ваше время.

Дзззень! Михе показалось, что Колдун пронзил его взглядом насквозь. Он почувствовал мгновенный холод невидимой стали под диафрагмой, пробивший по диагонали живот, и сверкнувший лезвием со спины, пронзив позвоночник.

– Мое время – ваше время! – холод все еще звучал в голосе, теперь он был щедро сдобрен иронией. – Вернемся к Носферату и Божьей Искре. Если Носферату человек творческий, то и он, и его окружение зовут обычно его Божью Искру...

Он помедлил.

– ...Музой! – в один голос сказали господа врачи, посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Мишка сложил губки бантиком и произнес жеманным тоном, протянув вперед левую руку и безвольно уронив сломанную в запястье кисть:

– Знакомьтесь, это моя Муза! Дорогая моя! Без нее я ничто и никто.

– Будет вам паясничать, господин доктор, поберегите душевные силы – они вам вскоре понадобятся.

– Да? – Мишка внутренне подобрался, выдавая голосом свое напряжение. – И для чего же, если не секрет?

Колдун покачал головой.

Сочувственно покачал? Миха не был уверен, но легкий озноб от предчувствия неприятностей пробежал по коже.

– Пришло время вернуться, – Колдун с наслаждением хрустнул затекшей шеей. – И нам необходимо будет вновь окунуться в воспоминания. В самые неприятные ваши воспоминания. В надежде найти момент истины и определить преступника. Пробуждение таких сильных воспоминаний неизбежно привлечет мыслеблуж. Почуют запах пищи сразу же.

Он со значением посмотрел на Миху и как-то криво усмехнулся:

– Должен заметить, откормили вы их на славу!

– Давно кормим, – Миха попытался пошутить в ответ, но без особого успеха. Уныло получилось.

Колдун же шутить не собирался вовсе:

– Вам необходимо будет с ними совладать. Прогнать их прочь. Если вы с ними не справитесь, они вас эмоционально опустошат. Высосут.

Он замялся:

– Не хочу вас пугать, господин доктор...

– Вот и не пугайте! – вскинул голову Миха, и взгляда от Колдуна не отвел. – А объясните лучше, как с ними спра-

виться. И я справлюсь! Без проблем!

Миха от всей души надеялся, что его заверение прозвучало уверенно и искренне. Сам-то он вовсе не был убежден в своих богатырских качествах.

Заявление в большей степени относилось, конечно, к Эльке, тревожно смотревшей то на одного, то на другого.

Колдун поймал ее взгляд, и, пожав плечами, ответил:

– Справитесь, не сомневаюсь! – и чуть заметно подмигнул Михе, подбадривая и поддерживая одновременно:

– Я дам вам оружие на мыслехлох, и научу, как им пользоваться. Ничего страшного. Справитесь. Не вы первый, не вы и последний.

По Эльке было видно, что у нее отлегло от сердца. Взгляд порхнул по сторонам, тревожные морщинки разгладились.

У Михи же кошки скребли на сердце весьма острыми коготками – его шестое чувство сильно сомневалось в такой простоте решения.

– Скажите, пожалуйста, – Эля кокетливо скосила глаза на Мага, – мимо нас проходят сейчас и Носферату, и Рачительные Хозяева, и еще – кого вы еще упоминали? – Клещи какие-то, если не ошибаюсь, а мы тут торчим у них на виду, совсем беззащитные...

Кровь отлила от ее лица, сердце гулко стукнуло, остановилось и с силой ударило вновь, в висках лихо зашумело. Она вдруг поняла, какая тревога не отпускала, ныла комаром в мыслях, но не давалась, ускользала в подсознание.

Все это время они были на улице, вне дома Колдуна, вне защиты его оберегов, или как он их там называл, неважно! Сейчас снова на Мишку обрушится эта невыносимая, пришедшая из средневековых застенков боль!

– Миша! – сказала она упавшим голосом, и обняла его за плечи. – Держись, любимый, сейчас снова начнется...

– Что начнется, мать? – он испуганно посмотрел ей в глаза. – Тебе плохо?

– Нет, но сейчас начнется! – ее стала трясти нервная дрожь. – Мы на улице, мы вышли из-под защиты!

– Элька, любимая, успокойся! – он очень нежно и мягко прижал ее к груди, и зашептал успокоительной скороговоркой. – Ничего не начнется, все хорошо, и не просто хорошо, а очень-очень хорошо... ни на какой мы не улице; мы у Колдуна в столовой; сидим за столом; за чашкой чая... так ведь, дяденька Колдун?

Вскинул голову. Во взгляде явственно читалось: "Колись, очень тебя прошу! Хватит! Не видишь – ей страшно! Давай, скажи ей правду!"

Колдун коротко кивнул, прикрыл веки.

Очертания торгового центра вдруг стали расплываться на глазах, через стены, витрины магазинов, шумную толпу вокруг стали проступать неотчетливые контуры других предметов.

В центре зала возникла из ниоткуда, и стала проявляться все четче, как изображение на моментальных кодаковских фотографиях, гигантская, подвешенная на массивных цепях люстра.

Торговый центр менялся, мялся пластилином, исчезал на глазах. Пространство вокруг клубилось и уменьшалось во всех трех измерениях.

Люстра уже не была колоссальной, а нормальных размеров, и мирно освещала обеденный стол в столовой Колдуна.

Эля почувствовала, что ноги её согнуты в коленях, а спина касается какой-то твердой поверхности.

"Это же спинка стула!" – поняла она.

Торговый пассаж "Городской сад" перестал существовать, как будто и не было его вовсе.

– Вот видишь, мася, все хорошо!

Она оглянулась. Миша по-прежнему сидел за обеденным столом в столовой Колдуна. Как и она. Их такой необычный хозяин все так же возглавлял стол, и с любопытством взирал, нет, не на нее, а на Мишку.

И вообще ничто не изменилось.

Чай перед ней все еще вился ленивым паром по темно-красной поверхности. Она коснулась чашки – горячая. Словно не было этих минут, или часов, уже и не понять, проведенных в полных гулко-го шума залах торгового центра. А, может, их и в самом деле не было?

– Как вы догадались? – Колдун даже чуть перегнулся вперед через стол, выдавая свое нетерпение.

– Скажите, – Миха вместо ответа задал ответный вопрос, – вы любите фантастику? "Матрицу" смотрели, наверно? Фильм понравился?

Эля недоуменно наморщила лоб. Ей лично это название ничего не говорило. Она повернулась к Колдуну. Не может быть! Она присмотрелась внимательнее. Нет, точно не показалось! Великий Маг довольно заметно покраснел и даже как-то смущенно заерзал на стуле под их взглядами.

– Да, – он взял себя в руки. – "Матрица" мне действительно понравилась. Особенно первая часть.

– Угу, – кивнул в ответ Миха. – Я так и думал. Эта ваша, скажем так, учебная программа оттуда?

Эля, не понимая происходящего, переводила взгляд с одного на другого.

– Да, идею подсказал мне фильм, и я подумал, что она вполне применима и к моим, э-э, подопечным... Определенная аналогия с моей работой есть. Но мне лично эффект присутствия казался полностью достигнутым!

Маг откинулся на спинку стула, эмоционально, по левантйски потрясая перед собой руками:

– Как же вы все-таки распознали иллюзорность? Точнее, виртуальность действия?

Эле надоела роль ничего не понимающей сторонней участницы.

– Господа, прошу простить девушку, далекую от последних веяний научной фантастики, но не соблаговолите ли вы

и меня ввести в курс дела?

Сарказм в ее голосе можно было измерять физическими мерами: килограммами и метрами.

– Сейчас все объясню, мась! – улыбнулся Миха и нежно погладил ее по руке. – Начну с самого начала...

Он прокашлялся.

Элька обратилась в слух.

– ...Здравствуй дружок! Давным-давно, в тридевятом царстве... – начал он вкрадчивым голосом Сказочника.

– Слушай, вот ты жопа! Хватит! Найди себе царевну-лягушку и ездь ей по ушам, Иванушка-дурачок! – язвительно, но беззлобно вспыхнула Элька.

– Ладно, все-все! Больше не буду! – он соорил рожицу завязтого подхалима:

– Сейчас все совершенно серьезно. Значит так! Сперва я, как и ты, ничего не подозревал. Все было абсолютно реальным. И пассаж, который мы с тобой так хорошо знаем, был настоящим, как в жизни.

Он взглянул на Колдуна. Тот довольно кивнул, мол, старания все-таки не прошли даром.

– В какой-то момент мне захотелось прислониться к стенке, снять привычную ноющую боль в пояснице, ну, ты ведь знаешь мою проблему – стоит постоять, и позвоночник схватывает в районе Л 4 – Л 5?

– Мишка, конечно, я знаю! – само предположение о ее незнании чего-либо, происходящего в Мише, или с Мишей, было для нее кошунственным.

– И тут я понял, что поясница-то не болит! – он покачал головой. – Это было настолько невероятно, что заставило меня внимательно приглядеться к окружающему.

– Так-так, – побарабанил Колдун пальцами по столу, – и что же вы заметили?

– Во-первых, никто не обратил внимание на вашу сигару! Вы открыто курили в публичном месте! Преступление, кото-

рое скоро будет преследоваться побиванием камнями без суда и следствия!

– И еще этим бравировали! – не преминула вставить Эля.

Колдун кисло поморщился:

– Не могу же я обходиться долгое время без сигары, да, кстати! – сигарный хумидор немедленно расстался с еще одной табачной торпедой, и всех вновь окутал уже привычный аромат.

– Потом, – продолжил Миха, – я обратил внимание на некую... – он побарабанил пальцами по столу, – неестественность движений, что-ли? Нет, не отдельных людей, или пара-людей, не суть, а толпы в целом. Она двигалась...

Он поводил руками в воздухе, подыскивая определение:

– ...чересчур организовано, хаотичность ее движения задавалась определенной ритмикой. Организованный хаос, понимаете?

– Да, понял, – сделал для себя в уме заметку Колдун, – интересно, продолжайте, пожалуйста.

– ОК, – кивнул Миша. – Это, в свою очередь, заставило меня вспомнить, как мы попали в пассаж.

Его руки описывали в воздухе плавные линии в попытке выразить нереальность, неправильность ощущений:

– Асфальт, спружинивший под ногами... мы как бы приземлились, как десантники с парашютами, из ниоткуда. И я вспомнил – это же "Матрикс", "Матрица"! Учебная программа для Нио.

Он посмотрел на Колдуна:

– Окончательно меня убедило в виртуальности нашего путешествия отсутствие боли! Мы же вышли из-под защиты ваших стен, берегов, амулетов. Боль должна была вспыхнуть с новой силой, а ничего не произошло!

Мишка ласково улыбнулся Эльке:

– Извини, что сразу не сказал. Во-первых, пока все связал в одно целое, много времени взяло. А во-вторых, ты была так

увлечена красотой Божьей Искры...

Он вздохнул:

– Не хотелось портить тебе впечатление. Не сердись, ладно?

– Все отлично, любимый! – улыбнулась она в ответ. – Все нормально, и я не сержусь.

– Спасибо, мать. – Мишкины глаза засветились искренней признательностью, но он сразу перевел взгляд на Колдуна:

– Правда, в фильме герои подключались к программе при помощи таких штырей компьютерных, похожих на пирамиды, они еще вставлялись в специальный разъем на затылке.

Колдун даже всплеснул руками, словно возмущенная девица. Жест настолько не соответствовал его облику, что только подчеркнул степень негодования:

– Господь с вами! – пророкотал он. – Мы же не в средневековье, в самом деле!

Он отдернул рукав пиджака, нахмурился и постучал по циферблату часов:

– Господа врачи! К порядку! Хотя наше путешествие и заняло в реальности не слишком много времени, оно у нас с вами, к сожалению, ограничено...

– А можно спросить, как вам это удастся? – проворковала кокетливо Эля.

Увы – увы! Не в первый раз Маг не поддался её женским хитростям.

– Некоторые аспекты практического применения теории турбулентного искажения сновидений, – недовольно буркнул Маг. – Давайте не будем вдаваться в теорию магии.

Левый глаз его вновь окинул их ленинским прищуром:

– Сколько времени у вас взяла резидентура по анестезиологии? Лет пять, я прав?

Элька только кивнула.

– А у меня, знаете, сколько времени ушло на обучение?

Мишка даже подскочил в кресле от любопытства.

Но коварный Колдун только длинно махнул рукой, намекая на невозможность передать словами всю ту бездну времени, затраченного на изучение магии:

– Все-все! Довольно! Нам еще много нужно успеть!

– А нельзя ли поподробнее? Конкретно, что нам нужно успеть? – мишина деловая струнка проявилась и вырвалась вперед.

– Насколько мне помнится, – сухо заметил Колдун, – вы-с, вы-с сами и перечисляли, загибая пальцы, и, прошу простить мне мою невоспитанность, но как мне показалось, с некоторой толикой недоверия к данному мной слову.

Он помолчал:

– Не так ли?

– С полным и безоговорочным доверием, – кротко ответил Миша, потупив взор.

– Тогда извольте слушать внимательно, запоминать, и больше к этому материалу не возвращаться. Надеюсь, вам ясно?

"А у нас разве есть выбор?" – они молчаливо переглянулись, прежде чем кивнуть в ответ – "да!".

– Господа врачи, подготовительный период, равно как и наш обед, окончен. Мы начинаем охоту.

Две густые струи дыма вырвались из ноздрей, и на мгновение глаза Колдуна стали багровыми, или это только отразился в них вспыхнувший в затяжке огонек сигары?

– Как и всякая охота, наша начинается с поиска оставленных следов. Для этого мы пробуждаем к жизни самые эмоциональные, а значит и самые болезненные воспоминания доктора Миши. Вопросы потом, пожалуйста.

Он жестом остановил Элю, поднявшую руку, как послушная ученица.

– Воспоминания такого эмоционального накала – лакомая пища для мыслеблех, уже хорошо прикормленных господином доктором. Следует ожидать их неминуемого нашествия.

Кресло под ним скрипнуло – это Маг развернулся в сторону Михи:

– И тогда, доктор, все будет зависеть от вас. Я обеспечу оружие против мыслемблов и научу вас, как его использовать, но только вы сможете его применить.

Миха, чертивший до сих пор пальцем круги на скатерти, поднял глаза на Мага:

– Вы можете...

Голос его неожиданно надломился, он прокашлялся, подмигнул Эльке – "все в порядке!" и продолжил:

– ...вы можете объяснить, ЧТО такое эти чертовы мыслембловы? Или, может, правильнее, КТО такие эти сукины твари?

– Извольте, господа врачи! – он широко улыбнулся своей миниаудитории, и перевел взгляд на Миху, который напряженно выпрямился в кресле.

"Как боец на инструктаже, – подумалось Эльке. – Да мы и есть бойцы! Слава Б-гу, есть и командир!"

Магу ей захотелось верить сразу, еще до знакомства, с ее первого звонка в офис. Наверное, цеплялась за соломинку, интуитивно понимая, что жить Мишке осталось чуть.

Мишке в этом не призналась бы ни за что – выслушивать его подколки не было ни сил, ни желания.

При встрече весь антураж, которым Маг себя окутал, Элю поначалу насторожил – ей показалось в этом желание окрутить, запутать, "развести лохов". Но это чувство быстро развеялось, а потом и вовсе перешло в свою противоположность.

Доверие, которое она испытывала к Магу, не было рациональным, и его нельзя – да и не надо! – было объяснить с позиций холодной, взвешенной логики. Оно основывалось на шестом, седьмом, или, вообще на каком-то девятом женском чувстве. И поэтому, с точки зрения Эли, доверие это являлось совершенно правильным и обоснованным.

Но донести это до Михи с его мужским прямым умом не было никакой возможности. Поэтому ей оставалось только терпеть его словесные перепалки с Магом, и ждать, когда до него дойдет то, что сама она поняла уже давно.

Маг вдруг посмотрел на нее и улыбнулся в такт ее мыслям, как бы поддержал аккуратно под локоток на отполированной до прозрачной черноты гололедице.

– Мыслеблочи... – Колдун откинулся на спинку кресла, наверняка вытянув ноги под столом, и уронил голову назад, на сложенные замком руки, нос победно устремился вверх:

– У-ффф... – он шумно выдохнул и стал похож на учителя, размышляющего, как доходчивее подать ученикам сложный материал:

– Это, все-таки, КТО, в вашем понимании. Эфирные сущности, ограниченные в пространстве, замкнутые потоки эфирной энергии, способные к самоорганизации и воспроизведению за счет использования воспоминаний человека.

– Похоже на определение вируса, – Эля задумчиво pokrutila в руках чайную чашку: вправо – влево, вправо – влево, и взглянула на Миху. – Скажи, Миш?

– Хм-м, – неопределенно протянул Миха, покачав в раздумье головой, и согласился со вздохом сожаления. – Похоже, ты права, а не хотелось бы.

Эля вопросительно вздернула брови, как бы говоря: "Да? Почему же?"

– Антивирусная терапия – штука крайне неприятная, – пояснил свою мысль Миха. – Вспомни лечение гепатита "Ц". Тут и здоровому человеку мало не покажется, мама, не горюй! А мы с тобой вообще без внутренних резервов.

Страх на мгновение прочитался в ее глазах, но был изгнан коротким взмахом ресниц:

– А мы вместе пойдем, солнце! – она пристально смотрела на Миху его любимым лихим, бандитским взглядом. – Вместе мы через все прорвемся!

– Хотя некоторая аналогия между вирусами и мыслеблохами действительно прослеживается, – вмешался Маг, – в подходе, к так сказать, лечению, ничего общего нет!

Они подмигнули друг другу и повернулись к Колдуну.

– В борьбе с мыслеблохами мы не говорим о какой-то там терапии, – он презрительно фыркнул. – Речь идет об охоте, – он постучал пальцем по столу, усиливая свою мысль, – охоте с живцом!

– Так-так! – недобро осклабился Миха, выпрямился в кресле, руки в боки. – А роль живца отведена, конечно, мне?

– Конечно вам, господин доктор! – Колдун подался вперед, остановив взмахом кисти порывающуюся что-то сказать Эльку. – Кому же еще? Вы их, можно сказать, вырастили, выкормили, вам их теперь и гнать.

– Я не очень вас понимаю, господин Колдун, – Миха в недоумении склонил голову набок, отчего стал похож на большого пса, и немедленно вызвал у Эли желание прижать его к груди.

– То вы говорите об охоте, а теперь – прогнать. Прогнать, как... – Миха запнулся, подыскивая сравнение, – как насекомых, что ли? Травить как тараканов? Дихлофосом, никак, поливать? Будьте добры, объясните!

– Мишка, прекрати! – Эля поежилась и страдальчески зажмурилась. – Ты же знаешь, от одного только слова "таракан" у меня мурашки по коже!

Ее глаза насмешливо сузились:

– Да и ты, любимый, не лучше! Увидишь живую одного – и сбежишь, храбрый Мойша!

Миха вздрогнул.

– Ну, я не думаю, что мыслеблехи так уж похожи на тараканов, – неуверенно сказал он и с надеждой покосился на Колдуна.

Тот, видимо, хотел рассмеяться, но взглянув на них, поспешил придать себе серьезный вид и энергично замотал

головой, спеша заверить в том, что ни малейшего сходства с этими мерзкими насекомыми у мыслеблех нет, и быть не может.

– Хорошо, объясняю! – мягко замерцала багровым огнем сигара, окутывая всех мягкой периной дыма. – Во-первых, мыслеблехи не похожи на насекомых. В эфирном зрении они выглядят как клубки спутанных черных волос.

Он обрадовался, как человек, нашедший яркое, выразительное сравнение:

– Представляете себе кусты "перекати-поле"?

Господа врачи представляли.

– Очень похоже! И передвигаются они схожим образом – полет, не полет, скорее, безалаберные скачки в пространстве. Как броуновское движение. На этом сходство заканчивается. Никто, полагаю, еще не видел "перекати-поле" со ртом-воронкой, опрокинутой внутрь.

Колдун отпил глоток воды во внезапно наступившей тишине, и продолжил:

– Когда мыслеблеха улавливает, скажем, "запах" сильного эмоционального воспоминания, ее хаотическое движение прекращается, воронка рта раскрывается, и начинается питание.

Клубы сигарного дыма кружили вокруг стола в ровном медленном темпе, создавая атмосферу уюта.

"Не знаю, как это ему удастся, но цели достигает – успокаивает классно", – Эля следила взглядом за ленивыми сизыми кольцами.

– Сколько может длиться воспоминание? – Колдун пожал плечами. – Доли секунды? Недостаточно для того, чтобы напиться. Мыслеблеха способна посылать раздражающий импульс, заставляя хозяина кружиться в порочном круге болезненного воспоминания, и кормить ее, пока не насытит-ся.

Маг посмотрел на Миху:

– В конечном итоге, психика может рухнуть! Самое главное, господин доктор, суметь обмануть блоху, и подсушить ей вместо ожидаемой эмоции пустышку. Так и назовем эту пустышку «пустоминанием».

– Отличное название! – похвалил Миха. – У многих жизнь и состоит из таких пустышек.

Он вздохнул:

– Хорошо им! Их мыслемблохи не кусают.

– Хотели бы поменяться с ними местами? – поинтересовался Маг.

– Ни за что! – наотрез отказался Мишка, и потряс головой, отгоняя саму идею такого предложения. – Уж лучше мыслемблохи, чем жизнь-пустышка. Благодарю покорно!

– Очень хорошо, господин доктор! Тогда вперед! – поддерживал его Маг, и Эле показалось, что кольца табачного дыма закружились быстрее. – Нам нужна экипировка. Речь идет об охоте с очень специальным оружием – его я вам, господин доктор, обеспечу! – на очень специального... э-э, зверя?

Он в сомнении почесал кончик носа:

– Уж точно, речь не идет о травле насекомых! Не могу представить себе ситуацию, в которой таракан может нанести ответный удар.

Эля взвизгнула и зарылась лицом в ладони.

– Ничего общего с насекомыми у мыслемблох нет! – поспешил добавить Маг и сменить тему. – Приступим!

И крикнул в сторону кухни:

– Нина! Оружие!

Дверь кухни сценически распахнулась, и в проеме возникла фигура Нины с ее неизменным сервировочным столиком на резиновом ходу. Теперь на нем покоилось нечто, накрытое крахмальной салфеткой.

Нина успела сменить платье на узкое, черное, отливающее змеиной кожей. Эффектно спадающее по ее неожиданно стройной фигуре. Короткое, подчеркивающее ее неожиданно стройные ноги.

Волосы были высоко подняты и пронизаны крест-накрест черными матовыми стилетами на японский боевой лад.

Половину лица расписали косые камуфляжные полосы, бегущие по толстому слою тонального белого макияжа. Вторая половина была снежно-белой и сверкала ярко-алой помадой, над которой светился темно-синей ретушью огромный глаз с загнутыми, густыми ресницами.

Наряд удачно завершали туфли на высоченных шпильках с невероятно узким носом, черные ажурные чулки и заткнутый за пояс кнут-сехивостка.

– Черный ящик в студию! – торжественно провозгласила она, победно обозревая потрясенную публику.

Столик прошелестел колесами и остановился возле кресла Колдуна, со стороны одесной.

– Нина, вы превзошли самую себя! – Колдун сдвинул ладоши, обозначив аплодисменты. Вышло суховато.

Нина присела в витке глубокого реверанса, склонив голову, через мгновение его пружина раскрутилась назад и – р-раз! – уже стояла позади кресла хозяина ассистентка – серая мышка.

– Повторюсь еще раз, – продолжил Колдун, недоверчиво покосившись на Нину, застывшую статуей за креслом, левая рука на его спинке, – нет оружия более действенного для мыслеблех, чем пустоминания.

– Извините, – Эля подняла вверх указательный пальчик, отличница на уроке, – я буду думать о бестолковых пустых моментах своей жизни, и все мыслеблехи брызнут в стороны?

Она слегка наморщила носик:

– Такие страшные, послушать вас, звери и так легко, – и стряхнула невидимую пыль с рук, – он них избавиться?

– Вы так считаете? – вкрадчиво спросил Маг и поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. – Не сочтите за труд привести пример.

Он сложил руки под своим монументальным носом, демонстрируя полную готовность слушать.

– Легко! – небрежно махнула рукой Элька и... запнулась. Ни одного по-настоящему пустого воспоминания в голову не приходило! С каждым была связана какая-то эмоция.

– Постойте-ка! – оживилась она. – Мыслеблехи сосут ведь только грустные эмоции, не так ли? Значит, если воспоминания несут в себе веселые моменты, радость, то мыслеблехам это не по зубам?

– Остался лишь суший пустяк! – коварно улыбнулся Маг. – Приведите по-настоящему веселое воспоминание и... Алле! Туше!

Его рука с воображаемой шпагой метнулась в выпаде с такой скоростью, что размазалась в воздухе, опережая взгляд.

– Анкор! – крикнула в ответ распалившаяся Элька, с грохотом отлетело назад кресло, она вскочила из-за стола, и приняла позу фехтовальщика. – Пожалуйста! Я и моя лучшая подруга Светка достали в совковое время крутые сапоги! И заметьте, господа – точно по размеру! Радости было – полные штаны! Вот! В ресторане оторвались по этому поводу – мама не горюй!

Она гордо подмигнула Мишке, который – вот ведь кобель! – уставился на ее вздымающуюся грудь.

"А ведь есть на что посмотреть!" – решила она, чуть скосив глаза вниз, прежде чем устремить победный взгляд на Колдуна.

– Х-уу! – шумно выдохнул Колдун через вытянутые трубочкой губы. Миха, на всякий случай, сверкнул бешено глазами.

– Пример хорош, ничего не попишешь! – покачал головой Колдун. – Но все же позволю себе спросить госпожу доктор – а что же случилось со Светкой в этих сапогах через две недели?

Хорошо, Миха обладал быстрой реакцией – увидел, что

она пошатнулась, и успел подставить стул прежде, чем ее ноги подкосились.

.....

Погода в тот день была мерзкая. Ночью моросил дождь, а под утро подморозило довольно прилично и, как всегда, приход зимы оказался неожиданностью.

Они со Светкой выскочили из подъезда, мазнули щеки спешным поцелуем и засемили в разные стороны, каждая к своей остановке, канатоходцами – гололед и высокие каблуки новых сапог плохо сочетались друг с другом.

Эля услышала визг тормозов и глухой, но громкий чавкающий звук, как будто огромная кувалда врезалась в большую кучу пластилина. Успела обернуться и зафиксировать в мозгу:

- тряпичный ком мелькает по воздуху на другую сторону улицы,

- присевшую морду машины – «Жигули?» – с вмятым капотом и ставшим белым от трещин провалом ветрового стекла,

- многоголосый, вразнобой, и от этого очень страшный крик,

- тряпичный ком грузно падает, не шевелясь, на дорожное полотно. Так падают неживые предметы,

- темное пятно расползается из-под него по асфальту,

- drobный хруст из-под колес грузовика, перевалившего через ком, и застывшего под шумный выдох пневматики тормозов.

И лишь потом пришли: шум в голове, черная пелена перед глазами и первое осознание: "Светку сбила машина!"

.....

Миша нежно гладил ее руку, пробегал пальцами от плеча вниз, нежно целовал пальчики. Эля подняла голову. Белое лицо Пьеро, синяки запавших глаз, мокрые дорожки.

- К-как же... – она сбилась, голос сорвался, – как же так?

Остановилась, вдохнула – выдохнула. Цвет стал проступать на щеках.

– Я же все испытала заново. Прожила вновь.

Яростно замотала головой:

– Нет! Не заново! А в первый раз! Все воочию! Перед глазами!

– Т-шшш! – Миха привлек ее к себе. Уткнулась лицом в плечо, покрутила головой, зарылась в подмышку. Затихла.

Нина неслышно возникла перед ней с запотевшим стаканом воды.

Эля благодарно кивнула, припала губами к стакану, заставила себя сделать несколько глотков.

"Слава Б-гу, зубы хотя бы не стучат! – подумала она с облегчением. – И без этого смотрюсь истеричкой".

– Я имитировал элементарную контратаку мыслеблехи, – Маг участливо посмотрел на Элю. – В данном случае использована была сильная эмоция радости. Ошибочно думать, что может существовать радость в чистом виде. Всегда, стоит только покопаться как следует, радости сопутствует грусть. За счастливым событием скрывается горе...

Он задумчиво вздохнул:

– Надо только покопать. И потянуть за ниточку ассоциации. И, вуаля!

Он развел руками, точно фокусник, удачно завершивший номер:

– Вы уже ушли мысленно в горести и печали, и кормите ими ненасытных мыслеблех!

– Иными словами, – Миха убедился в восстановлении душевного равновесия Эли, и повернулся к Колдуну, – вы считаете, что нет радости без горя?

– Так же, – ответила вместо него Элька, – как нет добра без зла.

Миха с сомнением покачал головой, хотел было возразить, но махнул рукой: ладно, сейчас не до метафизики!

– Поэтому, – продолжил Колдун, – прогнать мыслеблуждениями радостными воспоминаниями не удастся, они сразу же обратят их в свою пользу. Вывернут наизнанку.

Скрипнув креслом, развернулся к Михе:

– Радикальный способ борьбы с ними – пустоминания. Идеально, как абсолютный ноль, лишённые смысла воспоминания. Их невозможно получить из реально пережитых моментов. И лишь единственное оружие способно обеспечить их в неограниченном количестве.

И Колдун медленно протянул руку к передвижному столику. Миха вытянул шею и с горящими любопытством глазами следил за тем, как он торжественно стягивает салфетку, под которой скрывалось "вундерваффе" – его, мишкино, оружие победы над злобными эфирными чудищами.

Эля тоже подалась вперед, умудряясь и с интересом следить за Магом, и одновременно бросать иронические взгляды на Мишку.

– Это... это... же... Что?! Книги?! – Мишка резко откинулся на спинку стула, не пытаясь скрыть ни разочарования, ни гнева человека, которого жестоко и несправедливо разыграли.

Эля хотела было рассмеяться, но, посмотрев на Мишку, прикусила губу. Выражения ее лица сменялись веселым калейдоскопом, казалось, что вот-вот она взорвется смехом, но невероятными усилиями воли ей удалось сдержаться, и даже нахмуриться.

– Именно, именно книги, господин доктор! – спокойно ответил Колдун. – Вы разве никогда не слышали о силе печатного слова, кое неоднократно сравнивалось со страшным оружием?

– Господи, это же просто фигура речи! – Мишка вскочил из-за стола, заходил нервно взад-вперед, не в состоянии успокоиться.

– Мишка, возьми себя в руки! – забеспокоилась уже всерьез Эля. – Прежде выслушай, в чем дело!

Миха остановился, шумно и длинно выдохнул, пытаясь не сорваться:

– Эля, ну что ты, в самом деле! Мне бить этих... этих, – он запыхтел от злости, не подобрав сравнения, – книжкой по голове, что ли? Если у них есть голова, – язвительно добавил он. – Лучше уж мушиную хлопущку дайте – сильнее врежет!

– Господин доктор, – не меняя интонации психолога, вразумляющего упрямого ребенка, продолжал Колдун, – постарайтесь отказаться от стереотипов, трафаретов, знакомых моделей поведения. Не будьте ребенком, В КОНЦЕ КОНЦОВ! – неожиданно рявкнул он.

Сработало! Миха вздрогнул, как-то обмяк, придвинул кресло и вернулся за стол.

– Господа врачи! В первую очередь вы – господин доктор! – Маг сменил тон на проникновенный:

– Вы вступаете на охотничью тропу и собираетесь сражаться с эфирными существами. Я прав?

Мишка неохотно, не смотря на него, кивнул, сцепив перед собой руки в упрямый замок.

– А почему, позволю себе спросить, вы решили, что в эфирном мире работают стрелы, пули или какое-либо другое физическое оружие?

И замолчал, дав им возможность обдумать сказанное. Элька молча смотрела на Миху.

Он неопределенно повел головой, по-прежнему не отрывая взгляда от скатерти. Порисовал пальцами круги на ней. Разгладил. Поднял задумчивые глаза на Эльку:

– Ну, в общем, да, – он усмехнулся, – прав наш сэнсэй, с какой стати я так решил?

– И знаешь что... – задумчиво, нараспев протянул он.

– Да, Миш? – тихо откликнулась Элька, подперев щеку рукой и ласково смотря на него.

– Книги и в нашем мире убили больше народу, чем огнестрельное оружие.

Он перевел взгляд на Колдуна, и в его словах горечь переплелась с иронией:

– Давайте возьмем священные писания всех верований, времен и народов. Они, я думаю, явились причиной гибели большего числа народу, чем все бомбы, вместе взятые, включая и атомные.

– Велика сила печатного слова! – уклончиво ответил Колдун, мелко потирая руки. – Я рад быстроте вашего анализа ситуации, но настало время перейти к делу.

Поспешность сказанного и несвойственная Магу суетливость поведения навели Элю на обратную мысль – настало время сменить тему разговора.

Маг нежно пробежался пальцами по обложке, с шорохом пролистал страницы, словно прокрутил барабан верного револьвера. Захлопнул книги – поставил оружие на боевой взвод, и обратился к Михе:

– Я подобрал для вас две, на мой взгляд, подходящие для вашего случая. Тут вам придется положиться на мой опыт, – он развел руками, – весьма, впрочем, обширный. А вот окончательный выбор...

И он легонько подтолкнул столик к Михе. Прошуршала по паркету резина колес, и столик замер у мишкиного локтя. Он посмотрел на книги и вздрогнул.

– Боже милосердный! – только и смог пробормотать Михе, с брезгливой осторожностью поднял их, по одной в руке, и развернул обложками к Эльке. Она подалась вперед, близоруко щурясь, прочитала названия, и удивленно повернулась к Колдуну.

Надменное "И как нам это понимать?" – читалось в ее позе, и грозило перейти в обиду. Две книги. Обе в жестких обложках. Обе довольно потрепанные.

На обложке одной из них на ярко-красном фоне был

изображен черный пистолет, калибром со старинную пищаль. Его оседлала блондинка с талией, делающей невозможным естественный пассаж пищи, и грудью, необъятной, как Сибирь. Наряд блондинки состоял из намека на платье цвета "электрик" в последней стадии облегания, и туфелек двадцать восьмого размера на истонченном каблуке.

Черными же, вдавленными буквами гордо бежали данные автора и название книги:

Савелий Свисч. "Убей меня, или я – тебя".

Обложку второй книги украшало кольцо с бриллиантом такой каратности, что Великий Могол мог приходиться ему не более чем внучатым племянником. Через кольцо символично проносился сверкающий красным лаком автомобиль, в котором художник-оформитель воплотил несбыточность своей мечты, удачно соединив в единое целое "Феррари", "Мазератти" и "Порше".

В машине восседала все та же, уже знакомая по обложке первой книги блондинка, мудро сменившая ареал обитания. К ее наряду добавился трепещущий алый шарф, далеко вырвавшийся из окна гордого авто.

Совершенно неожиданно для своего создателя шарф рождал грустную ассоциацию с Айседорой Дункан, и наводил тем самым на мысль о хрупкости земного бытия.

Черными вдавленными буквами бежали данные автора и название сего шедевра:

Инесса Пустольга. Серия "Сладкая пропасть".

Книга 16. "Люби меня, как я – тебя"

– Предыдущие пятнадцать тоже хороши, – заметил Маг, – но последняя!

Он возвел глаза к небу, поднял брови и мечтательно вздохнул.

– Последняя книга в серии – просто кладезь! Неиссякаемый боезапас пустоминаний!

– Вы можете перестать говорить загадками? – взмолился Миха.

Колдун явным усилием воли вернул себя в реальность:

– М-да! Г-ххм! На чем мы остановились?

– На вот этом... чтиве, – брезгливо ткнула Эля пальчиком в направлении книг.

– Послушайте, – Колдун потянулся к пепельнице, озабоченно насупил брови, увидев, что сигара почти погасла, стал ее спешно раскуривать, и, вздохнув с облегчением, выпустил мощное облако дыма:

– Для моих целей это чтиво подходит идеально. Не представляю, правда, для каких еще целей издают эти книги, но искренне благодарен издателям за благой труд.

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на Миху:

– Итак, господин доктор, приступим!

– Приступим, господин Колдун! – по-военному коротко кивнул ему Миха.

– Ваша миссия: выявить мыслеблех, после чего уничтожить или изгнать их из ваших воспоминаний. Цель ясна?

– Так точно! – ответил Миха, и все-таки не удержался и добавил. – Ваше блаародие!

– Господин доктор! – досадливо поморщился Колдун. – Я настоятельно прошу вас отнестись к заданию с полной ответственностью. Если вы с ним не справитесь, у вас могут быть большие проблемы.

– Какие проблемы? – насторожилась и выпрямилась струной в кресле Эля. – Можно подробней?

Колдун вытянул губы дудочкой, видимо, считал излишним вовлекать женщин в мужские дела, но согласился, с глубоким, правда, вздохом, а нос повис понуро – флаг на мачте в полный штиль:

– Извольте, госпожа доктор! Мыслеблехи – хищники, они атакуют. Я показал вам пример такой атаки, причем далеко не самой агрессивной. Чем сильнее ваши негативные эмоции,

чем дольше вы в них находитесь, тем лучше их питание. В идеале, вы должны постоянно находиться в своих горестных воспоминаниях, без конца их пережевывать. Иными словами, тяжелая депрессия – вот что им от вас надо. Полностью лишит вас способности действовать, принимать решения, просто жить, в конце концов!

Он перевел взгляд с Эли на Миху – проверить, прониклись ли они ситуацией, и, придя к отрицательному заключению, продолжил:

– До кататонии остается один шаг! И, поверьте моему опыту, сделать его достаточно легко.

Эля прониклась, лицо тревожно вытянулось:

– Мишка, перестань ёрничать! Ты же не ребенок, все-таки! Я очень тебя прошу – отнесись серьезно! Хочешь – умолять буду?

– Все, все, Элька! – перепугался Миха и выставил перед собой руки. – Никого умолять не надо! Посмотри на меня – не видишь? Я совершенно серьезен.

Что – правда, то – правда. Возможность впасть на всю жизнь в кататонический ступор начисто отбила у Михи желание шутить.

– Метод осуществления миссии, – продолжил Маг, – состоит в возвращении в ваши воспоминания, господин доктор.

Он сочувственно хмыкнул:

– Вам предстоит пережить заново самый болезненный момент из вашего недавнего прошлого. К сожалению, без этого ничего не получится.

– Нельзя, так нельзя, – вздохнул Миха и махнул рукой, – переживем с Божьей помощью!

Маг одобрительно кивнул:

– В этот момент вы, господин доктор, становитесь живцом. Ждите гостей!

– А как я их узнаю? – спросил Мишка, нервно дернув щекой.

– Не ошибетесь! Вряд ли с чем перепутаете! – обрадовался неизвестно чему Колдун. – Вы сможете их увидеть эфирным зрением. Это уже моя забота. Не забывайте – мы будем с вами. Правда, помочь справиться с мыслеблохами не сможем. Разум – ваш, и только вам с ними и совладать. Максимум, на что вы можете рассчитывать с нашей стороны, – поддержка зала.

– Понятно, – кивнул Миха без особого энтузиазма.

– Мишка! – позвала Элька. Он поднял голову.

– Говно вопрос! – сказала она небрежно. – После всех наших стрессов, какие-то тупые сгустки эфирной энергии!

Она презрительно пожала плечами.

– Два пальца об асфальт! – подмигнул ей Миха. – Все действительно в полном порядке.

– Вот и славно! – Колдун потер руки, и Михе послышались в его голосе интонации незабвенного профессора Стравинского из "Мастера и Маргариты". Продолжим, дамы и господа! Средства ведения огня...

Он бережно накрыл книги рукой:

– Вы с ними вкратце уже ознакомлены. Ну-с, теперь посмотрим, как же ими пользоваться.

– Да-с, не откажите в любезности, – в тон ему ответил Миха.

Элька неожиданно вскочила с места и – р-раз! – потащила волоком тяжелое кресло к Мишке. Изогнутые его ножки, не привыкшие к такому варварскому обращению, гневно заскрипели. Маг болезненно поморщился, но промолчал.

Элька села плечо к плечу с Михой и улыбнулась:

– Мы вас слушаем внимательнейшим образом!

– Итак, что же такое пустоминание? Это ложное воспоминание, "как бы воспоминание", полученное не из жизни, а из рассказов друзей, знакомых, или из литературы.

Маг задумчиво почесал кончик носа:

– Такое ложное воспоминание тоже может нести в себе сильный эмоциональный заряд, и поможет мыслеблохам найти брешь, тропинку к нашим эмоциям.

Он потянулся к столику, взял книгу и рассеянно перелистал ее, продолжая свой рассказ:

– А вот такая, как госпожа доктор изволила высказаться, макулатура работает идеально. Память, оставленная такой книгой, не содержит в себе никаких эмоций и не может открыть дверь мыслеблохам к нашим истинным эмоциям.

– Хорошо, – вздохнул Миха, – сунулись, не нашли пищи, понюхали книжные эти... пустоминания, да?

Он с видом критического одобрения покачал головой:

– Определение действительно хорошее. Ничего иного, как пустоту, книжонки эти после себя оставить не могут.

Он развел руками и посмотрел на Элю:

– И дальше что? Уплывут себе в эфир, ожидая, когда я снова обращусь к истинным воспоминаниям?

Эля возвела глаза к небу: "Увы, любимый, сама не знаю!", и они вопрошающе посмотрели на Колдуна.

Колдун отрицательно помахал пальцем:

– Вовсе нет! По-настоящему сильные пустоминания – это энергетическая черная дыра для мыслеблох. Поскольку они не несут в себе никаких эмоций...

– А отвращение? – спросила Элька. – Это разве не эмоция?

– Такого рода книги не способны вызвать и настоящего отвращения. Пустота! Вакуум! Представляете себе?

Колдун сверкнул глазами в восторге охотника, поразившего добычу:

– Запах, назовем это так, эмоций привлекает голодных хищников!

– Простите, о каких именно эмоциях речь? – перебила его Элька.

Колдун издал неповторимое сочетание гортанных согласных звуков, вздохнул и с ангельским терпением заметил:

– Об эмоциях доктора Михи! О сильных, отрицательных эмоциях. О тех, что он хотел бы стереть из памяти навсегда.

И с сожалением добавил:

– Но – увы! – придется ему прожить их снова.

Миха скривился, как будто собирался потянуть длинную занозу из своей души:

– Я понял, мне предстоит вновь погрузиться в омерзение этого скандала? Снова жуткие вопли и визг этой... как же мне ее теперь назвать?

Он вдруг беззащитно поник и метнулся взглядом к Эльке за поддержкой.

– Ну, какое-либо родственное определение ей дать – просто язык не повернется. – Элька приняла его взгляд, и накрыла его своим, как теплой домашней периной. – ОНО?.. – попробовала слово на вкус, покачала головой – Нет, не звучит... или зови по имени, или официально, на судебный манер.

Она, видимо, хотела улыбнуться, но вместо улыбки вышел оскал волчицы, защищающей свой очаг:

– На мой взгляд, она просто воплощенное, чистое зло. Но не станешь, в самом деле, называть...

– Извини! – Михи остановил ее, подняв палец, и неясная тень пронеслась за его глазами... тень гнева? Или, может, печали?

– Очень ей к лицу! Надо только сократить...

Он задумчиво втянул воздух через губы трубочкой, и взгляд его засветился радостью удачной находки:

– Чистое зло... сокращенно Чизло. Но она дама!

И Михи поднял правую руку в торжественном жесте:

– Отныне и навсегда повелеваю во всех наших междусобойных беседах нарекать тебя Чизла! Дабы не привлечь произношением истинного имени твоего духов зла!

И взглядом актера, нашедшего удачную реплику, обозрел публику, впрочем, не заметив желаемой реакции, поскучнел.

Эля только дернула уголком рта, обозначив намек на нехорошую улыбку. Глаза все еще были налиты опасной темнотой.

Колдун, хоть и не оценил шутку, напротив, отреагировал очень серьезно и положительно:

– Господин доктор! – сказано было таким тоном, что Миха чуть ли не наяву увидел сдернутую с головы, в знак уважения, шляпу. – Не представляете, насколько верно и правильно вы сейчас поступили!

Он даже приложил правую руку к сердцу, к удивлению Эли, в нехарактерном для него порыве чувств.

– Действительно, истинного имени Чизлы я предлагаю не упоминать. Во всяком случае, пока я не разберусь в данной особе основательно...

Он сощурился задумчиво, пальцы отбили сухую и короткую очередь по столу:

– С ней все совсем не ясно и не просто, да-с! Весьма не ясно, хотя определенные предположения имеются.

Он тряхнул головой, отгоняя лишние раздумья:

– Чизлу временно оставим, за ненадобностью, и будем готовить оружие, дамы и господа, снаряжать, фигурально выражаясь, наши обоймы.

Жестом секунданта, открывающего ящик, в котором покоятся отливающие инкрустацией рукоятей, длинноствольные дуэльные пистолы, он протянул Мике обе книги:

– Ну-с, господин доктор, ваш выбор!

– И что мне надо делать? – Миха с брезгливой опаской взирал на книги.

– Все очень просто! – в глазах Колдуна промелькнули веселые блики. – В книгах мною отмечены особенно удачные абзацы. Вам надлежит заучить их наизусть. Будете, господин доктор, учить до изнеможения, до полного отчаяния, пока не почувствуете ужас замещения.

– Простите? – насторожился Миха.

– Ужас замещения, – повторил Колдун. – Вам начинает казаться, что заученные отрывки вытеснили, заместили в воспоминаниях всю вашу жизнь. Вот это и есть хорошо выдержанные, действенные пустоминания!

– Ладно! – Миха тоскливо вздохнул и ткнул пальцем в нетленное произведение Савелия Свисча. – Давайте попробуем этот... боевик, может, не так противно. Да, и мне, как мужику, легче будет запомнить. Надеюсь.

– Извольте! – Колдун полистал книгу, нашел нужное место и протянул Михе. – Пожалуйста, господин доктор, необходимые абзацы отмечены желтым маркером и пронумерованы порядковыми номерами. Книга уже открыта на первом из них.

Миха взял книгу и опустил глаза на отмеченный текст.

"Дуло пистолета еще было раскалено от воздействия пороховых газов предыдущих выстрелов, когда Фрол вогнал его в глотку рыдающего бандита.

– Не убивай, Фрол! – закричал предсмертным криком жалкий отщепенец, и трусливо обмочился".

Миха поднял удивленный взгляд на Мага:

– Скажите, пожалуйста, это коммерческое издание? Я имею в виду, издатель рассчитывал заработать на этом?

Он ошарашенно покачал головой.

– Или же, – Миха сделал над собой заметное усилие, – с позволения сказать, э-э, автор издал свой труд на собственные деньги? Кроме вас, кто-нибудь еще купил эту книгу?

– Стоп, стоп, стоп! – Колдун выставил перед собой ладонь дорожным знаком, прерывая поток негодования. – Разве ответы на ваши вопросы имеют для нас хоть малейшее значение? Могут повлиять на ход событий? Вам не надо будет заучивать наизусть эту галиматью?

– Нет, – пожал плечами Мишка, – ничего, наверное, не изменится.

– Вот и прекрасно, – и его нос качнулся вертикально, отсекая ненужные споры, – давайте продолжим. Для общего сведения, могу вас разочаровать – книга неплохо продается и даже приносит издателю кое-какой доход.

– Неисповедима воля Твоя! – убитым голосом прошептал Миха. – Надо было мне книги писать...

– Мишка! Это нечестно! – Элька заехала ему локтем в бок, Миха охнул и подскочил от неожиданности. – Я тут от любопытства сгораю! Читай вслух, или книгу поверни так, чтобы мне тоже было видно! – заканючила просительно она. – Так нечестно!

– Сама напросилась! Я тебя за язык не тянул! – позлорадствовал Миха, и поискал абзац номер два. – Теперь получай!

И начал декламировать в гротесковой драматической манере провинциального чтеца начала двадцатого века, держа книгу на отлет и взбив несуществующий кок на лбу:

"Антонина, трепеща всем телом, приникла к нему, и Фрол своим вздымающимся естеством ощутил необоримое желание немедленно овладеть ею".

Эля обрушилась на мишкино плечо, всхлипывая от смеха:

– Ми... Мишка, перестань, умоляю! – со стоном прорвалось через смех. – У меня уши сейчас в трубочку...

– Госпожа доктор, призываю вас немедленно успокоиться! – Маг рывкнул так, что конструкция столика отозвалась испуганным звоном металла во внезапно упавшей тишине.

Эля выпрямилась, но продолжала пристально сверлить взглядом скатерть, тщетно пытаясь скрыть веселых бесенят в глазах.

– Вы хотите видеть господина... э-э, своего мужа в состоянии блаженного идиота? Сидеть рядом с ним, точнее с тем, что от него осталось, пытаюсь понять, где он сейчас, застрял в каких своих воспоминаниях? И вытирать липкую

тянучку слюны, свисающую из уголка рта на клеенку нагрудника?

Веселых бесенят в глазах не стало. Эля подняла голову, посмотрела на Мага очень твердо, и сказала уверенно и с расстановкой:

– Нет. Не хочу. И. Этого. Никогда. Не будет.

И вся ее уверенность разбилась о небрежный, отметающий все возражения, взмах кисти Мага:

– Нет, госпожа доктор! Это. Еще. Как. Может. Быть!

Он перегнулся к ней через стол и бросил в упор:

– Если вы немедленно не поймете, насколько все серьезно, и не дадите ему подготовиться в бою, ясно?

Эля послушно кивнула.

– А посему, госпожа доктор, отсыдьте подальше, и, покорнейше прошу вас, сохраняйте молчание, иначе мне придется вас изолировать на все время подготовки.

И он руками изобразил в воздухе очертания некоего замкнутого и не располагающего к себе пространства.

Миха хотел было вспыхнуть в ее защиту, посмотрел на Элю, уловил ее поспешный предостерегающий взгляд, молча поднял брови, и углубился в чтение.

Тишина прерывалась лишь шорохом листаемых страниц и, время от времени, бубнящим шепотом Михи, когда, отрываясь от книги, он с невидящими глазами пытался заучить текст наизусть

Колдун чиркнул спичкой, разжигая очередную сигару, и теперь следил рассеянno за дымными рисунками на трехмерном воздушном полотне.

Он ушел в свои мысли, отрешился от реальности, замкнулся. И только облака дыма калейдоскопом меняли свои очертания, иллюстрируя его раздумья.

Эля затихла, съезжилась в своем кресле, стараясь стать меньше, незаметнее, не смешать неосторожным движением

ход его мыслей и прекратить тем самым бег картинок "волшебного фонаря".

Вот тугая струя дыма распалась, разделилась надвое, и с силой схлестнулись в воздухе два огромных двуручных палаша...

Вот дымное облако растянулось, обрело призрачные крылья, длинный клюв, и закружилась по комнате птица, не птица, а может, и ящер летучий, птеродактиль. А всего скорее – дракон медленными взмахами крыл набирал высоту. Не успев подняться к потолку, был сокрушен дымящимся мечом. Но выстоял, перевернувшись в воздухе, как истребитель в противоракетном маневре, с ответным ударом когтистых лап...

Странные лица то появлялись из дымного тумана, то вновь исчезали в нем, чтобы смениться новыми, еще более странными, на которые лучше было и не смотреть.

Колыхались в неподвижном воздухе отображения эфирных сущностей уже знакомых Эли Носферату и Рачительных Хозяев. Они медленно стали наползать одно на другое, как два темных облака, пока полностью не совместились...

Эля ахнула, прижав ладонь ко рту. Перед ней завис в воздухе, медленно вращаясь, сотканный из колец и лент табачного дыма объемный, как голограмма, портрет Чизлы.

Маг встрепенулся от ее неосторожного вскрика, как человек, очнувшийся от глубоких раздумий. Коснулось ее щеки дуновение вдруг налетевшего сквозняка и развеяло портрет в невнятные полосы табачного дыма.

– Ну-с, господин доктор, как ваши успехи? – поинтересовался он, выпрямляясь в кресле, напрягая затекшие от длительной неподвижной позы мышцы.

Вслед за ним и Эля с наслаждением поменяла позу, морщась и от острых иголок в икрах ног, и от сожаления из-за завершения неожиданного представления "театра теней".

Миха поднял на них мученические глаза:

– Просто превосходно! У меня, натурально, разовьется молниеносный маразм от этого бреда.

Он прислушался к своим ощущениям и добавил:

– Чувствую, уже началось.

– Вот и чудесно господин доктор!

Колдун притянул к себе столик и взял с него незамеченный до сих пор листок с отпечатанным текстом.

– Надеюсь, этот отрывок вернет вам живость ума и ясность мысли.

И с этими словами протянул лист Михе.

Миха подозрительно воззрился на него, протянул было руку, но остановился на полпути:

– А это еще что? – спросил он пессимистично.

– Берите, берите! – Маг требовательно потряс листком. – Научный труд. Весьма любопытный и поучительный. Настоятельно рекомендую, как гимнастику для вашего измученного макулатурой разума. «С.С. Хоружий. "Современная антропологическая ситуация в свете синергийной антропологии". Как раз по нашей теме.

Миша взял листок, взглянул в текст, поведив головой вверх – вниз, движение, типичное для владельца мультифокальных очков, замычал и уронил лист на стол, скривившись, как от зубной боли.

Лист, шурша, скользнул по столу к Эльке и замер, текстом вверх ногами.

Она, изогнув шею под невероятным углом, на что может подвигнуть только женское любопытство, прочла:

"...рассматривая каждый гуманитарный дискурс как крипто-антропологический дискурс, мы должны произвести его антропологическую расшифровку – выявление его антропологических содержаний и выражение их на некотором универсальном языке".

Сыронизировать, а тем более съязвить, она не решилась. Только, вопросительно подняв брови, посмотрела на Колдуна.

– Это то, что называется *coup de grace*, – ответил он на ее немой вопрос, – завершающий удар в поединке. Наносился поверженному противнику с целью избавления от мучений... еще чаю? – вежливо наклонив голову, спохватился он с выражением лица озабоченного хозяина.

Господа врачи синхронно качнули головами, и в один голос ответили:

– Нет, большое спасибо!

– После того, как вам удастся парализовать мыслелблх при помощи произведения господина Свисча, попробуйте вспомнить абзац из этого текста. Он их добьет, – продолжил Колдун. – Кстати, труд, весьма и весьма серьезный! До такой степени, что прощу себе свою же назойливость, и еще раз рекомендую его к внимательнейшему чтению!

– Непременно, – нервно дернул щекой Миха, – но только после того, как все образумится, согласны?

– Безусловно! – великодушно кивнул Колдун. – Но эту страницу будьте любезны заучить сейчас.

Миха обреченно вздохнул и погрузился в текст, шевеля неслышно губами.

Он всегда отличался способностью концентрироваться, погружаться в решение поставленной перед собой задачи, добиваться назначенной цели. Вот и сейчас упрямо читал снова и снова положенный перед собой лист, закрывал глаза, повторяя про себя заученный материал. Ходил желваками, злясь на себя, на текст, на Колдуна, неслышно матерился. Поэтому и не видел, как, позволив себе отпустить показную браваду, язвительность и крутизну поведения, смотрит на него Элька.

Он даже не слышал, а может, и слышал, но не услышал, не придавал значения, пустил по касательной тот факт, что у него в голове, а может, в самой зале из несуществующих динамиков заиграла музыка, саундтрек из фильма "Чего

хотят женщины": I am a bitch, I am a lover, в исполнении Мередит Брукс.

Ну, а мы с вами хорошо слышим эту песню, идущий изнутри, наполненный хриплой страстью голос певицы:

I'm bitch, I'm lover
I'm child, I'm mother
I'm sinner, I'm saint
I do not feel ashamed
I'm your hell, I'm your dream
I'm nothing in between
You know you wouldn't want it any other way

(Я ребенок, я мать,
Я стерва, я любовница,
Я грешница, я святая,
И мне не стыдно.
Я твой ад, я твоя мечта,
Я из крайностей, от конца до конца.
Ты знаешь, что ничего иного ты не хочешь).

И понимаем, почему мы слышим эту песню – она в точности отражает настроение Эли, выражение ее взгляда.

Непонятно, слышит ли она музыку. Наверное, слышит, потому что покачивает в такт мелодии головой. Но не осознает, что музыка звучит не в ее мозгу, а в зале, потому что не озирается удивленно в поисках динамиков.

Лицо Эли светится грустной любовью, состраданием. Материнская тоска мгновением печальной улыбки пробегает по губам, складывает лоб в морщинки – ей больно видеть, как изменился Миха.

За три этих стремительных, неожиданных, обрушивших водопадом их до сих пор неспешную реку жизни, "разводных" месяца он скинул восемь килограмм.

Сейчас он сидел напротив, шея торчала из воротника рубашки, пародия черепашки. Крутой, в кавычках, бизнесмен.

Невесело хмыкнула своим мыслям - вспомнила его рассказ на следующий день. Про ночь, которую он потом назвал Хрустальной. В этой ночи царствовала Чизла. Она визжала безостановочно и непотребно, а он стоял и униженно просил ключи от своей машины.

"Машину?! Хрен тебе, а не машину! – вздувшиеся вены покрыли ее лицо словно боевая раскраска воина. – Я удавлюсь, если он уедет на "БМВ"! Здесь тебе не принадлежит ничего! Слышишь? Ни-че-го! Понял? Убирайся! Пошел вон! Вон!"

Он рассказывал, а на дне его глаз метались ужас и растерянное непонимание Привычная жизнь оказалась колоссом на глиняных ногах, как СССР, и распалась с такой же необыкновенной скоростью.

Жизнь Михи и в этой, ушедшей в небытие стране, и в Израиле строилась по-разному, но всегда интересно.

Давайте скользнем в ее начало, скользнем за Михой, за его одиноким огромным клеенчатым баулом, купленным у криминального вида кавказца на Палашевском рынке.

Станем незаметно за его спиной, проследим за его сборами. Посмотрим, как охотно поглощает распахнутое брюхо баула человеческую судьбу. В баул легко поместились бы два крепких мужских трупа (вероятно, его истинное предназначение), но вместо этого в него уложилась комфортно вся московская жизнь Михи.

Все пятнадцать лет очень суматошной, на грани провала, жизни с лихими поворотами, подъемами и спусками.

В Москву занесло его неожиданно для него самого. Занесла неуёмная влюбчивость и любовь к женщинам.

С окончанием полового созревания Мишка, поначалу робко, а потом все увереннее и увереннее стал осознавать,

что есть в нем нечто, вызывающее интерес у прекрасного пола. Говоря без обиняков, летели девушки на него, что мотыльки на огонь.

Железная стена, окружавшая советское информационное пространство, уже была не та, что в старое недоброе сталинское время. Пытливый юношеский ум уже мог продираться через свист и бульканье глушилок к голосам Свободной Жвачки, и понять, что его волшебный тестостероновый дар за бугром называется "секс-а-пил".

Миша был воспитан в очень интеллигентной, сиречь, бедной, но гордой семье. Корни ее генеалогического древа уходили очень глубоко в романтическое, рыцарское, аристократическое и прочая, и прочая, и прочая прошлое.

Ваганты, трубадуры из далекого Средневековья зывали к любви, тестостерон юности требовал секса, а графские гены неумолимо следили за соблюдением законов чести, или, говоря новоязом, чтобы все было по понятиям.

Понятно, что такое единство и борьба противоположностей в одном, отдельно взятом молодом человеке, может привести к самым неожиданным и полярным исходам.

Мишка искренне влюблялся почти в каждую из своих многочисленных пассий, умудряясь так же искренне, легко и быстро потом с ними расставаться. Речь идет о светлом периоде первых курсов мединститута. Медицинский, к слову, Мишка выбрал, наверное, как и многие, случайно, по остаточному принципу, вычеркнув из списка неподходящие специальности.

На зимних каникулах третьего курса очередное случайное знакомство стремительно, как и бывает в девятнадцать лет, переросло в часовые созвоны по межгороду, длительные разговоры были призваны служить демонстрацией интеллектуальной мощи.

(На заднем фоне: мрачное лицо мишкиного отца в момент получения счетов за межгород).

И как апофеоз – женитьба! Здравствуй, Москва-столица! Здравствуй, Первая Жена!

А – про – по! Забыли упомянуть, что первая-то была столичная штучка!

Ее разведенные родители горестно повздыхали над судьбой бедной девочки, попавшей в сети коварного провинциала, алчущего московской прописки, философски хмыкнули и принялись за работу.

Будущий тесть, нехилый доктор медицинских наук, звонил знакомым, поднимал связи. Связи шипели, матерились: "Еврея перевести из закавказской жопы в Первый Мед!".

Поскольку сами они, связи, были того же, гонимого происхождения, то прекрасно понимали всю сложность поставленной задачи. Но справились! Здравствуй, Первый Московский Гвардейский Медицинский Институт им. Сеченова!

Москва покрутила новое приобретение, недовольно наморщив лоб и брезгливо поджав губы, да и бросила себе под ноги: выживет – сам поднимется.

От удара личность мишкина сильно погнулась и поцарапалась, зато душевные качества приобрели ходовой, товарный вид. Обычная картина превращения провинциала в столичного жителя: депрессия, утрата внутреннего стержня, много водки, снимающей нелюбовь к себе.

Кооперативная квартира в новом отстойном микрорайоне Сукино – Собакино. Малый совковый комплект: теща и ее мать - полоумная бабушка; жена, ее брат, пятнадцатилетний капитан; две кошки, фикус. Все это поделено на четыре комнаты, выстланные промозглым линолеумом.

О школе Мишкиного выживания в Москве можно (а может – и нужно) написать отдельную книгу – практическое пособие для эмигрантов и лимитчиков, но не это наша цель.

Заметим лишь в сторону, что одной из самых тяжелых сторон новой, московской жизни для Миши оказались холод

и чистый прагматизм межчеловеческих отношений.

Студенческий брак прожил три года и стал медленно, но неотвратно умирать. Первый симптом неизбежности конца – прекращение совместного проживания. Миша переехал в однокомнатную, скромно обставленную даже по спартанским меркам, квартиру. Очередная дыра на "Коровьевском шоссе", по мишкиной терминологии. Сообщение с Большой Землей только автобусом, полтора часа до центра.

От остановки путь домой вился тропинкой меж двух общежитий лимитчиков. Точно посередине между ними, обозначая невидимую границу, стоял на вечном приколе милицкий "козел" с нарядом из тех же лимитчиков, только в форме.

Пространство между зданиями до такой степени пропитала энергия вечного похмелья, что даже случайно забредшего сюда трезвого путника начинало мутить. Тишина редкой ночи не прерывалась криками то ли сексуального блаженства, то ли насилия – поди, разбери...

Жизнь Мишки качнула крыльями, и вошла в медленный, поначалу, штопор. Эта такая веселая, на первых кругах, карусель, где кружится в центре водка, отсвечивая зеленоватыми бутылочными боками. Беспорядочные, как стрельба в ночном бою, половые связи, не снимающие тоску одиночества.

На следующем витке появляется похмельный синдром, с депресухой, угрызениями совести и нелюбовью к себе и ее логичным следствием – ненавистью к окружающим. Дальше уже маячит на горизонте и Малый Достоевский Набор с покаянием и самобичеванием. Все банально, конец очевиден и неинтересен – к гадалке не ходи.

Но сумел где-то, где надо, найти нужные аргументы мишкин ангел-хранитель и убедить того, кого надо, выдернуть подопечного своего из штопора. Тот, кто надо, насупил было сурово брови, или что там у них полагается

насупить, тому, кому надо, но все-таки поставил свое "УТВЕРЖДАЮ".

Мишке был послан Случай.

Начало его тривиально и вовсе не судьбоносно. Мишкина мама, номенклатурный творческий работник высокого, в масштабах республики, ранга, приобрела для себя и мужа путевки в Дом Творчества. Миссия выкупить их была возложена на столичного представителя семьи.

В тот день Мишка был на удивление бодр, свеж, не мучился похмельем и самоедством, а находился в гармонии с самим собой и посему был полон энергии. Он был вооружен секс – а – пилотом и очень опасен для окружающих – в таком состоянии у него получалось все.

За короткое время до описываемых событий Москва вздохнула с обреченным восторгом, словно женщина, падающая в объятия умелого жигало, и погрузилась в магию бабьего лета.

Объявлено ежегодное короткое перемирие меж феями Лета и феями Зимы. И глашатаи в пестрых средневековых костюмах – зеленая и белая краски – разделены вертикальной золотой полосой ровно посередине – обошли владения, и провозгласили час и дату ежегодной встречи. Место ее проведения вечно и свято и присно: Москва, во веки веков, аминь!

Собираются Белый и Зеленый дворы в потайном, не известном более никому месте, и гремит, пылает неумолчный пир. Раскрасневшиеся, раздобревшие от хмельного свежего эля летние и зимние феи, щедро платят Москве своим лучшим общим даром – Бабьим летом...

Господи, но почему так приземленно, так вульгарно – Бабье Лето! Почему не Дамское, скажем, Лето; Девицье Лето или, в духе политкорректности, не Гей Лето? Индиан, такой, Саммер.

Никак не назовешь иначе эту волшебную пору, когда

женщины дышат духами и туманами, а в походке их кавалеров слышится звон ножен о шпоры. Когда шорох шин в свежем до прозрачности воздухе и гудки клаксонов звучат в ритмах регги. Когда налетающий ветерок напоен ароматами духов и легких, как пузырьки шампанского, приключений...

Нет лучше в мире времени года, господа, чем Бабье Лето в Москве!

И Мишка, поддавшись его хулиганской обаятельности, преобразился. Он был чисто выбрит, облачен в светло-голубую тройку – лучший свой костюм (лучший, потому что единственный), белую рубашку в тонкую голубую полоску и темно-коричневые с красноватым отливом туфли. По советским меркам – очень неплохо, в духе героев "Соломенной шляпки" и других водеvilных мюзиклов. И, отпросившись рано с работы, помчался в Дом Союза Творческих Работников платить за путевки в мир творцов.

В Доме всеми силами стремились создать особую, отличную от жизни за его стенами, атмосферу. В то время "особая атмосфера" означала максимальную приближенность к капиталистическому миру, знание о котором основывалось на закрытых просмотрах западных фильмов и рассказах немногочисленных очевидцев.

Поэтому в кафе Дома, которое славилось своим кофе на песке, творческие посетители держались либо нарочито раскованно, якобы не замечая посторонних; либо, наоборот: застывшая маска лица устремляла взор в вечность, отгородившись от окружающей примитивной среды прозрачной стеной невероятного по своей мощи интеллекта.

Оба образа поведения полностью соответствовали советским представлениям о западном образе жизни.

Выпив кофе и посмотрев в пространство невидящим взором творца на пороге творческого прорыва, Мишка остался доволен собой – совок – ничто, имидж – все! – и невесомо касаясь ступенек, сбежал вниз по лестнице в отдел,

распределяющий творческий потенциал.

Распахнув небрежно дверь, все еще в имидже западного раскованного бонвивана, он обаятельно просиял Сфинксу, сидящему за неприступным бюрократическим столом красного дерева.

Сфинкс был в образе женщины средних лет, в черном деловом костюме, белоснежной блузке, обтянувшей без морщинок рвущуюся через нее на волю грудь. Две верхние пуговицы, естественно, расстегнуты. Юбка костюма обтягивала уже плотные, но еще не чрезмерно, бедра намного выше колен. Ноги были закинута одна на другую, и образовавшаяся между ними линия ускользала к невидимому, но на грани обнаружения, треугольнику слияния.

Черные лакированные лодочки с глубоким вырезом колодки и высокой шпилькой завершали образ, который чуть портил наброшенный на плечи клетчатый мохеровый платок с цветами неведомого шотландского клана.

Миша, сдерживая стон, глубоко втянул ноздрями воздух, и очень медленно выдохнул, опасаясь, чтобы выдох не вырвался пламенем и клубами дыма.

Сфинкс смотрела на него, как и полагается сфинксу – абсолютно без всякого выражения. Миша почувствовал, что пауза затягивается:

– Добрый день! – он себя со стороны не слышал, и не знал, каким глубоким диафрагмальным урчанием наполнился его голос. – Прошу извинить мою невоспитанность, но – увы! – не знаю, как к вам обращаться.

И обозначил вопрос интонацией и наклоном головы.

– Вера Петровна, – с достоинством ответила Сфинкс, и через каменную маску проступили человеческие черты лица. – Слушаю вас.

– Вера Петровна! – И в это обращение прорвалось сдерживаемое до сих пор корой мозга непристойное пламя. Вера Петровна вздрогнула и немного поерзала на стуле. –

Меня мама попросила забрать ее путевки. Они уже оплачены. Я, надеюсь, вам не помешал?

Грудь Веры Петровны – невероятно, но факт! – умудрилась растянуть еще чуть белоснежное, зазвеневшее как струна, полотно блузки, не прорвав его при этом.

– Нисколько, молодой человек, – улыбнулась Сфинкс, на глазах превращаясь в человека. И обратилась к третьему участнику мизансцены, доселе Мишей не замеченному:

– Вы не будете возражать, солнышко, если я отпущу мальчика? – правый глаз Веры Петровны взглянул на Мишку с расчетливым акульим холодом. – Это всего полминутки? Умоляю, не уходите – я умру, если не услышу, чем все закончилось!

Она обращалась к собеседнице лебезя и жеманно, словно семена перед ней на цыпочках.

– Ну, о чем вы говорите, Верочка Петровна! – прозвучало хрипловатое контральто. Так, наверное, говорила бы по-русски Элла Фитцджеральд. И со взмахом кисти, каким отпускают прислугу, согласилась. – Я подожду, конечно!

Заметьте, культурное, все-таки, было время! Сейчас бы просто ответили: "Говно вопрос!".

Мишка повернул голову на звук ее голоса и увидел обладательницу контральто. Увидел и замер. Это была Личность Очень Известная В Союзе Советских Социалистических Республик. То есть, Мишка тогда не знал, кто сидит и беседует с Верой Петровной – он никогда не интересовался Известными Личностями, хотя и иногда общался с ними, в силу того, что половина семьи была связана профессионально с творчеством.

Замер же он по нескольким причинам:

– Во-первых, женщина была очень красива.

– Во-вторых, красота ее была очень тонкой, аристократичной, с оттенком неуловимой печали, столь любимой русской интеллигенцией, как одна из необходимых составляющих загадочной русской души.

– В-третьих, она была окружена ореолом некой загадочной недоступности. Очень редкая черта, которой обладают либо очень благородные дамы с наследственной интеллигентностью, либо проститутки экстра-класса. Редкая, и, подчеркнем, очень опасная для мужчин черта!

Мишка в силу своего щенячьего, для мужчины, возраста этого знать не мог.

– В-четвертых, она была одета очень просто, и одновременно очень изящно. Стил, который создают только очень дорогие вещи, подчеркивала прямая осанка. Но ни сами слова "бутик", "кутюрье", или "одеваться от кутюр", ни их смысл, ни финансовое значение тоже не были ему еще известны.

Неизвестная пока Мишке Очень Известная Личность подняла на Мишку янтарные тигриные глаза и повторила:

– Я подожду!

Но инерция ее рассказа была велика, и она продолжила:

– Представляете?! Всю квартиру залило, жить совершенно невозможно! Паркет вздыбился, с потолка обвалилась штукатурка, дранку видно!

Вера Петровна, сделав жалостливое лицо, кивала, полная фальшивого участия.

– Простите! – спохватилась Очень Известная Личность, картинно приложив руку к груди. На длинном пальце рассыпался бело-голубыми искрами граней большой камень. И вновь взглянула на Мишу:

– Давайте отпустим молодого человека!

И хотя взгляд ее был абсолютно нейтрален, у Мишки вдруг промелькнула шальная гусарская мысль: "Все получится!".

Вера Петровна встала из-за стола, повернулась спиной, качнув бедрами, и простучала каблучками по потемневшему от многолетних слоев воска паркету к картотеке в дальнем углу.

Стоя она смотрелась хуже – попка превратилась в солидную попу.

Захлопали дверцы, зашуршали мышами конверты.

Очень Известная Личность посмотрела на Мишку.

Мишка посмотрел на нее.

Очень Известная Личность нейтрально улыбнулась.

Миша улыбнулся в ответ.

Видимо улыбка вышла откровенной, потому что Очень Известная Личность отвела глаза и стала рассматривать плакатный календарь на стене кабинета.

Каблучки простучали назад. Паркет старчески крикнул под креслом.

– Молодой человек, пожалуйста! – Вера Петровна протянула Мишке большой белый конверт, украшенный вензелем Союза Творческих Работников, и ведомость. – Распишитесь вот здесь в получении.

Мишка расписался. Она одной рукой забрала у него ведомость, а второй протянула листок бумаги:

– Здесь мой рабочий телефон. На тот случай, если у мамы будут вопросы.

И загадочно улыбнулась.

Мишка вежливо поблагодарил, попрощался с полупоклоном, выслушал в ответ:

"До свиданья!" – с намеком от Веры Петровны.

И нейтральное:

"Всего доброго!" – от Очень Известной Личности.

Вышел в коридор, осторожно закрыв за собой дверь. Прислонился к стенке и стал ждать.

Как ни старался коридор отличаться от других официальных коридоров – портретами Творческих Личностей с их автографами и различными пожеланиями; фотографиями сенок из капустников; разнообразными цитатами Великих Творцов – из-под всего этого одеяния виднелись кирзовые сапоги советского учреждения: фикусы в тяжелых кадках;

графики выполнения неясных обязательств; тяжелое бархатное знамя за стеклом.

Сердце Мишки пело в неясном предчувствии большого и радостного события, так ребенок, млея от восторга, разворачивает долгожданный пакет под елкой.

Дверь кабинета открылась изнутри.

У Мишки сладко и тревожно задрожало в животе. Он был слишком сосредоточен на предстоящей ему авантюре очаровать Незнакомку, и не понял, что это отразился резонансом удар Колокола Судьбы.

Мало значения мы в своей жизни придаем посланным нам знакам, подспудным первым впечатлениям, не анализируем неясные предостережения подсознания. И тем самым отталкиваем подсказки, превращая свободу выбора в свободу глупого, неверного выбора.

Очень Известная Личность вышла из кабинета и направилась по длинному коридору к выходу. Сердце у Мишки забилось сильнее, получив порцию адреналина, и он, сделав несколько шагов, догнал ее.

– Простите мою назойливость!

– Да? – она остановилась, повернувшись к нему.

Теперь Мишки коснулся очень заграничный цветочный аромат ее духов.

– Меня так потряс ваш рассказ о вашем горе... это ведь вашу квартиру затопило?

Она грустно рассмеялась. Смех был хрипловат, наполнен шармом и сжал мишкино сердце.

– Ну, горе – это слишком громко сказано, но это очень и очень большая неприятность.

Они вместе медленно пошли по коридору. Она была довольно высокого роста. На каблуках она была вровень с Мишкой, с его метр восемьдесят один.

Даже походка её была необычной. Очень свободной и независимой.

– В квартире жить совершенно невозможно!

Она сокрушенно покачала головой. Янтарный раскосый глаз сверкнул на мгновение.

– Простите, мне очень неловко... – Мишка скорчил обязательную гримасу. – Как я могу к вам обращаться?

Походка сбилась. Она остановилась и посмотрела на него в упор рентгеновским взглядом. Пришла к выводу, что он действительно не знает, с КЕМ разговаривает, и глаза ее округлились.

– Меня зовут... – театральная пауза, – Личность Очень Известная В Народе СССР.

По его реакции поняла, что это ему тоже ничего не говорит, и удивление в глазах дополнилось недоумением, янтарные глаза осветились изнутри волшебной улыбкой.

Паркет под мишиными ногами колыхнулся веселой волной, и он понял, что следующая волна может накрыть с головой и унести в неизведанное.

– Зовите просто Личность Очень Известная, Лоив..., а вас как?

– А я просто Миша. Извините, Лоив, может быть, я могу вам чем-нибудь помочь?

Его искренняя наивность привлекала и располагала к себе. Было в этом мальчике что-то притягательное, настоящее... Тонкая бровь приподнялась изломом: "А почему бы и нет?"

– Нет, что вы! – снова это хрипловатый смех. – Я сейчас тоже брала путевку.

"Она сказала путевка! Она одна!" – разорвался в голове радостный динамит догадки.

– Я на время ремонта уеду в Дом Творческих Работников. Только не в Южный, куда едет ваша матушка, а в Ближний.

И они снова пошли по скрипучему, давно не чищенному паркету к выходу. Мишка забежал вперед, галантно придерживал тяжелую, как в метро, дверь.

Бабье лето дунуло на них прохладной свежестью, взвол-

нованно зашуршало красно-желтыми листьями – это хмельные феи Лета и Зимы взяли их в свой лихой оборот.

– Я могу вас проводить? – Мишка смотрел прямо в ее янтарные, желтые, тигриные, дразнящие, холодные, смешливые и еще черт знает какие одновременно глаза, и не видел в них отказа. Но тем не менее...

– Спасибо, я припарковала машину прямо здесь, – Лоив приподняла руку, кисть изящно стала падать, но замерла в падении, указав направление движения.

Впереди стояли белые "Жигули", семерка.

Мишка направился было к ним, но Лоив прошла чуть дальше. За "Жигулями" застыл, нежась в лучах солнца, неведомый Мишке элегантный и хищный автомобиль. Большой, сверкающий шкуркой (Мишка потом узнал, что эта краска называется "металлик").

Лоив повернула ключ в замке. Мишка, стряхнув с себя оторопь, распахнул дверцу, и Лоив одним изящным изгибом тела вдруг оказалась за рулем.

Мотор заработал, машина зажглась огоньками, как авиалайнер. Лоив тепло улыбнулась, стекло само пошло вниз – тоже невиданная прежде диковинка в эпоху стеклоподъемников с ручками как у шарманок:

– Всего доброго, Миша! Удачи!

– До свидания, Лоив! – Мишка улыбнулся, хотя сердце тоскливо заныло.

– До свидания, Миша! – ответила она, слегка помедлила, будто хотела что-то добавить, но вместо этого снова улыбнулась. Звук мотора сменил тональность. Машина пошла вперед, красные стоп-сигналы мигнули Мишке с перекрестка предупреждением об опасности, и сказка исчезла, оставив после себя пустоту.

Мишка посмотрел по сторонам. Всюду вдруг стало скучно и одноцветно. И с осознанием этой пустоты пришло четкое понимание – он влюбился. Влюбился окончательно, обжало-

ванию не подлежит. Влюбился в недостижимую мечту.

– П...ц! – сказал Мишка, ни к кому не обращаясь, да и к кому пришел он, тоже не уточнил.

Он просто впервые физически ощутил, что в Москве существуют параллельные миры, в которых идут свои параллельные жизни. Текут они в разных плоскостях, нигде не пересекаясь, и перескочить из одной жизни в другую невозможно...

– А вот хрена! – зло подумал Миша.

Его плоскость московской жизни состояла из дыхания рот в рот с незнакомыми людьми, прижатыми к нему в метро; из плотной атмосферы перегара в автобусах по утрам и трамвайного хамства в любое время суток на выбор; из хоккейных тычков встречных в плечо в плотном уличном беге. Удачно дополняли друг друга его всегда голодное брюхо и пустые прилавки продуктовых, да и всех прочих, магазинов.

А до плоскости жизни Лоив ему было не допрыгнуть...

– А вот хрена! – снова подумал Мишка. – Я в нее влюбился, и я ее добыюсь! Превратим параллели в меридианы!

Сам не понял, чего сказал, но звучало красиво, звучало девизом, и ставило перед ним конкретную цель.

На следующий день он уже названивал на проходную Ближнего Дома Творческих Работников – номер ему дала мама.

– Добрый день! – бодро тараторил он в трубку, которую с той стороны сжимал в огромной руке отставной гэбэшник, с пучками седых волос в ушах и свинцовым взглядом. Так, во всяком случае, представлял его себе Мишка.

– Здравствуйте! – весело откликнулся с той стороны голос, несомненно, немолодой, но женский.

"Значит, гэбэшница!" – подумал Миша, и продолжил.

– Меня зовут Алексей Голованчик, я ассистент режиссера Андрея Тарковского. Мне... нам с Андреем Арсеньевичем очень нужна Лоив СССР, для съемок. Он мне назвал ее номер, а я забыл, каюсь...

Мишка всхлипнул и занял жалостливо:

– Помогите, пожалуйста... Как вас, простите?

– Алевтина Васильевна.

Мишка вздохнул и снова всхлипнул:

– Помогите, Алевтина Васильевна, пожалуйста.

И вспомнив интонации Лоив, прибавил:

– Алевтиночка Васильевна!

Алевтина Васильевна смешливо фыркнула и милостиво сказала:

– Подождите, перевожу разговор гражданке.

С полминуты в трубке слышалось тихое шуршание и завывание статических помех, потом раздался щелчок и послышались длинные гудки.

На втором трубку как-то стремительно сняли, и он, одновременно с одиноким громким ударом своего сердца, услышал ее хриловатый и немного недовольный голос:

– Алло! Да!

– Здравствуйте, Лоив!

Настороженная пауза.

– Здравствуйте... а кто это, простите?

– Это Миша... из Дома Творческих работников, вчера. Помните?

– Ах, Миша! – голос потеплел. – Здравствуйте!

По интонациям, она совсем не удивилась его звонку. Не спросила даже, как он узнал ее номер.

– Лоив, – руки у Мишки стали влажными от волнения, – я, пожалуй, наберусь наглости и приглашу вас на выставку импрессионистов в Пушкинский. Знаете, "Париж – Москва"? Да? Можно мне набраться такой наглости? И пригласить вас? Завтра? Часов в двенадцать?

Вновь он услышал ее хриловатый, глубокий, и на этот раз веселый, смех. Сколько различных оттенков она смогла уместить в его коротком звучании!

– Все собиралась пойти, но так и не собралась... Набирайтесь наглости, Миша, приглашайте на завтра, только не на двенадцать...

Мишка с обостренными на нервах чувствами услышал шелест страниц еженедельника.

– А в два часа... да, в два? Договорились?

– Договорились! – неожиданно для самого себя по-пионерски звонко ответил Мишка.

Феи Лета и Зимы шумно загоготали в своем потайном зале, гулко хлопнув друг друга по ладоням, словно игроки на баскетбольной площадке, когда мяч входит гвоздем в кольцо, а сетка стоит не шелохнувшись.

Отметили Феи это событие очередной кружкой эля, и бросили Мишку и Лоив в омут Бабьего Лета. Закружило, только схватились за руки, как вынесло потоком жизни на стремнину на девять странных, страстных лет...

.....

– Да-а... – задумчиво покачает головой Колдун, – велик ваш потенциал, господин доктор! Девять лет жизни с таким могучим Носферату! От многих Божьих Искр на вашем месте только бы рожки да ножки остались, а вы, батенька, как огурчик.

– Как огурчик? – посмотрит исподлобья на Колдуна Миха, и мрачно фыркнет. – Скорее, я был как выжатый огурец! Никаких душевных сил, полный коллапс. Если бы не уехал в Израиль, то наверняка погиб.

– Но ведь вы живы! – резонно отметит Колдун и пожмет плечами. – И забудьте про "если бы", применять сослагательное наклонение в вашем случае неправомерно.

.....

Это были незабываемые, бушующие девять лет. Девять лет метаний из одной крайности в другую. Девять лет любви, ревности, страсти. Девять лет без минуты покоя.

По накалу эмоций, по насыщенности событиями, раз-

нообразию выяснений отношений этот период их жизни легко укладывался в небольшой телевизионный сериал для глотающих слезы домохозяек. В нем были бы все компоненты, необходимые для краткосрочного успеха и скорого отбывания вложенных бабок.

Представим себе...

...Сценарист, морщась от головной боли и отвращения к процессу, набрасывает основные вехи сериала. Посматривает на часы, бледный с похмелья в прокуренной квартире – авантю-тю, по времени цейтнот, и скоро этот бездарь-режиссер постучится в дверь.

Из каких сцен будет складываться сериал?

Любовная горячка героя. Он забывает про работу. Душа его стремится к героине. Хочет ее завоевать. Денег у него нет. Он и по обычным советским меркам нищий, а уж по меркам Лоив СССР!

Тысяча рублей, с трудом скопленных его родителями для первого взноса на гипотетическую кооперативную квартиру, расходятся по пустякам.

Сценарист задумывается: на какие красивые пустяки были спущены родительские деньги?

.....

Колдун поворачивается к Михе и вопросительно приподнимает бровь. Михе краснеет, отворачивается, обреченно машет рукой:

– Оставьте! Романтический дурень! Не хочу вспоминать!

Бросает Колдуну раздраженно:

– Ну что вы так смотрите, словно сами не знаете?

Колдун взгляда не отводит, и Мишка сдается:

– Ладно, что было, то было – не отвертишься!

И с вызовом смотрит на Колдуна:

– Да, я опередил "Миллион алых роз"! Правда, это не розы были, а гвоздики... темно-красные. И, естественно, не миллион, а штук двести, может, триста.

В глазах его появляется этакая гусарская удаль, напополам с мушкетерской галантностью:

– А красиво вышло, черт возьми!

При этом слове Колдун чуть вздрагивает, но Мишка не замечает. Он улетел на тридцать с лишним лет назад.

.....

У Лоив – он ее уже иначе как Лоиша, или Лоишка не называл – был день рождения. Он накануне вечером принес и поставил в комнатку консьержки два ведра, полные бордовых гвоздик. Рано утром, пока Лоиша еще спала, сбегал за ними вниз, и раскидал по всей спальне. Получился довольно толстый цветочный ковер.

.....

"Она проснулась, села с ногами на кровать, закутавшись в одеяло, и молчаливые слезы катились по щекам", – пишет Сценарист, морщась от отвращения к себе.

– Господи! Ну что за фигню я пишу! – он чиркает спичкой, затягивается. – Меня же убьют за такую пошлятину!

.....

– Ничего это не пошлятина! – возмущается Миха. – Она действительно плакала, и смотрела на меня так...

Он, закусив губу, качает головой, вздыхает:

– Правда, я потом понял, что плакать, впрочем, как и смеяться, сочувствовать, страдать, для нее...

Жесткая морщина ложится у рта:

– ...что два пальца об асфальт. Их этому учат.

.....

Значит, такая сумасшедшая любовь с его стороны? – рассуждает про себя Сценарист.

Его согнутая спина торчит из распаханного холодильника, в котором гремит и перекачивается что-то стеклянное, зря потревоженное им в тщетных поисках похмельной бутылочки пива.

– А с ее стороны? – он выпрямляется, держа руку на ручке

холодильника, как на дверце такси, смотрит поверх старого агрегата в окно. – Такая вот, вся из себя, Лоив СССР, и влюбилась в щенка с провинциальным акцентом? Чего вдруг? Член у него какой-то волшебный?

.....

Колдун косит смешливым глазом на Мишку, тот наливается краской и шепчет яростные матерные пожелания в адрес Сценариста. На Колдуна упорно не смотрит, и взгляда его замечать не желает.

.....

– Ну, совсем макулатура! – злится на себя Сценарист и шепчет в адрес своей жизни и режиссера яростные матерные пожелания. Спыхватывается:

– Стойте, стойте! А что, если мы сделаем этого пацана провинциального эдаким современным Растиньяком бальзаковским? Москва – тот же Париж. Нравы схожи, погоня за наживой, московской пропиской... Стойте, стойте!

Он все больше загорается идеей:

– Конечно! Лоив – жертва в руках юного, но безжалостного провинциального негодяя, желающего покорить Москву, получить московскую прописку и жить за счет...

.....

– Да я этому пидару сейчас яйца-то пообрываю! – взрывается Миша. – Не было у меня таких мыслей! Почему никто не может поверить в любовь! Это же песни ее окружения, это они ей все уши прожужжали, твердили ей, тупо, то же самое. А уж мамаша в первую очередь!

Выпячивает нижнюю губу и шамкает: "Он тебя использует! Ему нужна твоя квартира, твоя слава, твои деньги...".

Переводит дух, пожимает плечами:

– Почему нельзя поверить в любовь?

– Конечно, можно и нужно! – поддерживает его Колдун. – Скажите, а любовь к Лоив осталась бы такой же, если бы исчез ее статус, квартира в самом центре Москвы с окнами на

одну из правительственных трасс? Исчезли бы фестивали, Дома Творческих Работников, приглашения на постановки, закрытые просмотры? Канули бы в Лету посиделки с интересными, остроумными, талантливыми людьми, цвет СССР? Прекратились бы восторженные взгляды встречных, устремленные на вас на ваших прогулках по Патриаршим, а оттуда через Бронную на Арбат?

Миха смотрит на него сначала ошарашенно, потом недоуменно:

– Ну-у... – тянет нараспев, задумчиво, – не знаю...

Встряхивается и бросает Колдуну с иронией:

– А давайте усложним задачу! Осталась бы моя любовь к Лоив такой же, будь она горбатой, одноглазой, со вставными зубами, которые на ночь опускала бы в баночку, что на прикроватном столике? Будь она старше меня не на ...дцать лет, а на ...дцать плюс еще немного? Что вы думаете, осталась бы моя любовь к Лоив такой же?

Колдун неопределенно поводит плечами, ничего не отвечая.

– Вот-вот, – кивает согласно Мишка, – и я говорю: все идет в комплекте, уважаемый, все идет в комплекте. Вытащите из комплекта хоть одну деталь, попробуйте изменить в человеке хоть одну сторону его личности, и – оп-ля! – весь комплект рассыплется карточным домиком.

И добавляет, улыбаясь:

– А то, как обычно, хочется: усы Ивана Борисовича, а член чтоб Бориса Петровича, ан, нет! С членом и весь Борис Петрович объявится собственной персоной, прошу любить и жаловать!

.....

А Сценарист возвращается со своей холостяцкой кухни в кабинет, он же спальня, он же салон и продолжает набрасывать скелет сериала:

«Необходима сильная сцена ревности... какая, как ее прописать, кто участники?»

.....
– Подарить ему правдивую сцену? – Миха смотрит вопросительно на Колдуна.

– Господь с вами, господин доктор! – в ответном взгляде Колдуна сквозит недоверие:

– Вы действительно верите в совместимость правды и киноискусства?

– Тем не менее, – тихо бормочет Миха.

Лоив пропала. Домашний ее телефон глумился над Мишкой длинными, безответными гудками. Про сотовые тогда не писали даже в фантастических романах. Миша метался по своей тоскливой комнате, не находил места. Стрелки часов ползли и ползли, а телефонные гудки неслись и неслись...

Ближе к полночи Миха оделся, засунул во внутренний карман дубленки топорик для рубки мяса – случайная кухонная находка, и поехал к ее дому.

Стоял терпеливо на морозе. Ждал. Голова звенела. Около часа ночи остановилось "Вольво". Из машины вышли Лоив и один из Очень Главных Творческих работников. Миша не двигался с места. Сердце потянулось медленными, тягучими ударами. Очень Главный рванулся к нему. Лоив удержала. Очень Главный возбужденно размахивал руками. Миша не двигался. Лоив затолкала Очень Главного в машину. "Вольво" раздраженно огрызнулся выхлопной трубой и уехал. Лоив подошла и уткнулась Мишке в плечо. В фильме на этом кадре зазвучала бы тихая нежная музыка. Они зашли в подъезд. Миша твердо знал – не уехал бы Главный – остался бы лежать на снегу со снесенным черепом, а Мишка в лучшем случае мытарился по тюрьмам до конца своих дней.

.....
Сценарист с сомнением пожевал губами, покачал головой недовольно, но сцену ревности принял.

.....

Мишкина жизнь менялась круто. После ординатуры его не оставили в Престижном Институте им. Академии Наук СССР, погнали. Может, из-за отсутствия необходимого блата, а может, из-за того, что забросил работу – жизнь Лоив поглотила его без остатка, потащила за собой, с собой, внутри нее самой потоком, с которым не поборешься.

Карма, которую еще ошибочно называют Случайным Стечением Обстоятельств, привела Мишку в поисках работы в коллেকтор всех врачей-неудачников, на Станцию Скоропостижной и Незалежной Медицинской Помощи Москвы.

Но Карма, как мы сказали, случайной не бывает. Благодаря ординатуре в Престижном Институте Мишка оказался в рядах аристократов этой низшей врачебной касты неприкасаемых. Он стал врачом свежеиспеченной кардиореанимационной бригады, последнее слово медицинской бюрократической мысли, чей-то трамплин для прыжка в партийную номенклатуру.

.....

– Нет, – обращается Мишка к Колдуну, – этой темы здесь касаться не будем. Это отдельная сага!

Глаза его загораются живым задорным огнем, здоровым цинизмом, и, как ни странно, романтикой!

– Это сама по себе книга: веселая, грустная и злая одновременно...

Вздыхает громко:

– Жизнь, одним словом.

Колдун согласно кивает:

– Если память мне не изменяет, были у вас планы написать что-то такое...

Неопределенно шевелит пальцами:

– Даже и название называли, помнится... "Девять/Девять", не так ли?

– Угу, – недоверчиво смотрит на него Миха, – это время

начала суточной смены на "спецах", спецбригадах... когда же мы с вами успели это обсудить?

Колдун лишь отмахивается: мол, излишне заострять внимание на таких незначительных деталях.

.....

Сценарист кашляет kloкочущим кашлем курильщика, яростно, словно желая убить, давит окурки в тяжелой грязно-серой, многогранной пепельнице, и записывает на отдельном листке примечание: "Вернуться к теме скорой помощи. Продумать сценарный ход. Бандиты? Любовь?"

.....

Лоив зарабатывала кошмарные для Советского Союза деньги, причем зарабатывала их официально, или почти официально, в пределах свободного от уголовного кодекса пространства. Миха с его ста пятьюдесятью рублями находился на очень дальней от нее орбите. Он мучился, страдал, ощущал себя альфонсом, бесился бессильно в окружении мужиков, тянущих из кармана пачки сотенных.

.....

– Я вспоминаю этот период, как сплошное страдание... – пытается сформулировать Миша для Колдуна. – Нет, не так! Это был очень интересный и счастливый период моей жизни. Но наполненный постоянным чувством собственной неполноценности. Неполноценности во всем. Начиная с одежды.

Мишка морщится, то ли от сострадания к себе, то ли от презрения... тоже к себе:

– Ботинки были заношены до дырок в подошве, когда шел дождь, носки намокали... Костюмчики эти серые, знаете?

Он брезгливо передергивает плечами.

– Румынское синтетическое говно. Пузыри на коленях. Денег не хватало. А ее окружение представляете?

Колдун согласно кивает:

– Господин доктор, страдание, чувство вины, неполноценности – все это срывает защиту с Божьей Искры, обнажает ее

энергетическую суть. Носферату легко принуждает ее вырабатывать эфирную энергию нужного ему спектра и пьет ее взахлеб.

Он разводит руками в стороны:

– Конечно, такими темпами он прикончит жертву за раз... придется искать новую. Но для такого могучего хищника это не проблема.

.....

Можно глубоко уйти в этот период жизни доктора Михи. Судьба милостиво дала ему возможность перейти на работу в платную поликлинику.

О-о! Платная медицина совкового периода... собственно, советская медицина всегда была платной. Но эта, особая ее часть, была платной еще и официально, что создавало простор для извлечения и неофициальной прибыли, и привлекало массу предприимчивого медицинского люда всех специальностей и охочих до нетрудовых доходов администраторов.

Мишка стал крутиться, выращивать и рубить капусту, доходы стали вполне уважаемыми для подавляющей части населения.

Но это, как пишет известный писатель Редьярд Киплинг, "уже совсем другая история", которую можно было бы назвать "Частный Доктор". Возможно, даже и интересная история, но нам с ней сейчас не по пути.

Душа Михи кричала от неуверенности, неустроенности, состояния подвешенности, жизни на птичьих правах. Прописать его у себя Лоив, натурально, боялась, и Муха в своей московской жизни зависел целиком и полностью от своей бывшей жены.

Жизнь на грани постоянного срыва, нелюбовь к себе. Страх за себя. Возникшее неизвестно почему чувство близкой смерти.

Как-то, через много лет, в хор-рошем подпитии, скажет

Мишка своему другу: "Знаешь, братан, возникла четкая уверенность, что меня едят заживо". Скажет, а на следующий день протрезвеет, и не будет помнить, о чем говорил. Вспомнить, он, может, и не вспомнит, но чувство это, инстинкт, жил в нем, бил в тревожные колокола и гнал его от Лоив, да из СССР. Гнал, да и пригнал его, а вместе с ним и нас, через распахнутую пасть баула в квартире Лоив, в государство Израиль...

.....
– Что ж, если вопросов больше нет...

Колдун посмотрел на своих гостей:

– Время не ждет!

– А оно вам разве не подвластно? – нервно усмехнулся
Миха.

– Не в той мере, в какой хотелось бы.

Сказано было серьезно, без тени улыбки.

Резко встал, с шумом отодвинув кресло, потянулся, похрустел шеей:

– Вперед, господа врачи, вперед!

.....
В кабинете было уютно, чисто, и свежо. Потрескивал все так же камин, взвивались искорки, исчезая в коротком полете. В воздухе стоял легкий аромат шишек и смолы, как будто комнату проветривали в прозрачном сосновом бору. Как сие было сделано в отсутствие окон, оставалось загадкой.

Нина уже суежилась возле "пилотских кресел", так Миша назвал про себя шезлонги психоаналитика. Расставляла звонкие, запотевшие бокалы с водой, раскладывала салфетки, в общем, готовила все необходимое для полета.

Повернулась к ним, подмигнула весело, подбадривая:

– Занимайте места согласно купленным билетам!

Миха улыбнулся уголком рта, улегся привычно на удобное ложе, поискал глазами гигиенический пакет "Эль-Аль" и положил его рядом, прикрыв ладонью.

Элька зашуршала юбкой, изящно располагаясь в своем кресле, уловила Мишкину нервозность, подняла вопросительно брови, участливо наморщив лоб и улыбнувшись по-матерински, все в одной короткой пантомиме.

Мишка улыбнулся в ответ, прикрыл глаза: "все путем, мать!"

– Господин доктор! – Колдун пристально смотрел в глаза Михи. – Сейчас время подготовиться! Посудите сами, бездушный ли механизм вырвал кусок вашей плоти механическими челюстями, или же это сделал дворовый пес, какая вам, в сущности, разница? Рана остается той же. Не забывайте об этом, имея дело с бездушными клубками эфирной энергии, которые я лично люблю называть «мыслеблохами».

– Не забуду! – пообещал Миха. – Порву, как Тузик грелку!

– Пижон и хвостун! – фыркнула Эля.

– На размеры старайтесь не обращать внимания, – продолжил Колдун, – размер мыслеблохи просто показывает, насколько вы ее откормили. Опаснее она от своей величины не становится.

– Что вы говорите... – с сомнением протянул Миха, и шутливое выражение его лица быстро уступило место... ну, скажем, собранности, – и какого же размера могут быть мои твари?

– Достаточно крупные, я думаю, – Колдун сощурился, прикидывая, вытянул губы трубочкой. – С небольшого слона, наверное.

Миха почесал свой подбородок, смотря прямо перед собой, и игнорируя Элькины тревожные взгляды.

– А вот этот... ну, рот, как бы воронка...

– Да-а? – Колдун чуть наклонил голову набок в благожелательном ожидании. – Что с ним?

– Он тоже зависит от размеров блохи?

– Довольно-таки очевидно, мне кажется, – пожал плечами Колдун, – чем больше зверь, тем больше у него и рот, и все остальное, не так ли?

– Так все-таки, зверь или бездушный сгусток энергии? – тревожно попыталась приподняться на локте Элька, но ремни не пустили.

– Хватит разговоров, дамы и господа! Поехали! –скомандовал Колдун.

Мишка сморщился, как от зубной боли. Комната уже ожидаемо накренилась, пошла по кругу вприсядку, желудок устремился к горлу в поисках выхода, и все рухнуло в разноцветную пропасть.

На этот раз прожитая жизнь не обрушилась на Миху грузом всех воспоминаний, а сразу же бесшумно закружилась вокруг них радужными переливами мыльного пузыря.

– Как самочувствие? – обратился Колдун к Михе тоном заботливого доктора. Он вышел из-за стола и стоял в изножье кушеточки на зыбком полу. При каждом его движении по полу разбегались знакомые водяные круги.

– Вашими молитвами, – пробормотал Мишка, промокая салфеткой холодную испарину, выступившую, все-таки, на лбу. Плохой вестибулярный аппарат, господа, это вечная проблема!

– Живой? – Элька, которая могла с аппетитом есть в такой шторм, в который и морские волки предпочитают отсиживаться в каюте, повозилась с ремнем и села на кушетке, поджав под себя ноги.

– Нормально! – бодро подмигнул ей Мишка, вышло это у него несколько нарочито и потому фальшиво.

Элька смотрела недоверчиво.

– Не, правда, все классно! – успокоил ее Мишка, и звякнув пряжкой, уселся на своем ложе.

– Ну, если так... – Колдун прищурился, всматриваясь в калейдоскоп мишкиной жизни, проносящейся перед ними

многоцветной лентой. – Будьте готовы, господин доктор! Сосредоточьтесь, наполнитесь спокойствием и заученными пустоминаниями по самое горлышко.

Он пытливо посмотрел на Мишку:

– Вперед?

– Вперед! – ответил Мишка внезапно севшим голосом.

Рука Колдуна вновь вытянулась неправдоподобно и метнулась атакующей змеей вперед, прорвав с кока-кольным шипением тонкостенную оболочку Мишкиной жизни.

"Господи, прямо как плохой парень из второго терминатора!" – мысленно ахнула Элька.

.....

В его единственной любимой из всего большого дома комнате, в кабинете, висела страшная черная тоска. Такая тоска заполняет дом со смертью близкого человека. Только сейчас этим близким человеком был он сам. Это его жизнь распадалась на глазах, умирая постыдной, позорной смертью. Господи Боже, что же я наделал!

Мишка сидел в своем кожаном черном, начальственном кресле, бессильно уронив руки на темно-коричневый полированный стол. Голова упала на грудь.

И в то же самое время Мишка полулежал на психоаналитическом шезлонге в... кабинете Колдуна? Или шезлонг подвешен в центре его жизни? Где он сейчас на самом деле?

Зрение на секунду сфокусировалось. Он увидел справа от себя Эльку, она смотрела на него с тревожным вниманием. Так врачи смотрят на пациента, состояние которого еще не изменилось, но интуиция подсказывает, что ничего хорошего сейчас не будет, готовьтесь!

Колдун стоял по-прежнему у него в ногах, подперев ладонью подбородок, отчего стал похож на классически воссозданный образ капитана Немо.

Картинка вновь стала размазанной, он опять оказался в своем кабинете. Кондиционер бесшумно гнал прокуренный

до синеватой пелены воздух. Было как-то постыло и холодно. Абсолютный зябкий ноль...

Далекий голос позвал его со дна наполненного отчаянием Стикса, слов он не разбирал, да и ни к чему. Ничего хорошего ему не услышать. Никогда. Так и надо. Подонки не заслуживают человеческого к себе отношения.

– Г..с...д...н...До-о-от...pp!

Что за чушь?! Глюки завелись? Что за голоса в его кабинете? Хотя, наверное, это на улице... Господи, что же я натворил! Что ты натворил, ублюдок, дерьмо конченное! Выжег вокруг себя всех, как напалмом...

– Госп... доктор!

Стены кабинета сотряслись от рокота голоса.

– Ми...шшшшш!

Женский голос? Еще один! Меня зовут? Крыша поехала... Что же я натворил, сука! Я всем ломаю жизнь...

– Миша! Ты здесь!

Стены кабинета расплылись, задрожали. На их фоне, как на старых снимках с наложением, проявились смутные очертания какой-то человеческой фигуры. И стены кабинета вновь сошлись вместе, и воцарилась реальность. Господи, пошли мне смерть, чтобы выбраться из этой тоски! Почему не убиваешь меня, Боже! Почему?!

– ГОСПОДИН ДОКТОР!!!

Стены кабинета разошлись. Сознание Михи раздвоилось. Голову пронизала сотней длинных игл непереносимая боль. Муха закричал.

– Назад! – Колдун яростно прижал Эльку к ее ложу, не давая вскочить, броситься к Мишке:

– Вы провалитесь в его воспоминания! Барьер не выдержит! Мне вас не вытащить! Просто зовите его! Кричите!

Элькины зрачки пару секунд метались в стороны, сужаясь и расширяясь.

Но анестезиолог, – если, конечно, мы говорим о хорошем

анестезиологе, господа! – обязан сохранять самообладание и стремительно найти единственно верное решение.

– Мишка! – пронзительно крикнула она так, что у самой зазвенело в ушах, а Маг отшатнулся. – Они положили мокрый порох!

"Тот самый Мюнхгаузен" был одним из их культовых фильмов. Рабочая их рутина была обильно приправлена цитатами из него, часть их личного сленга, истинное значение было доступно только посвященным.

"Они положили мокрый порох!" означало опасность, подвох, бяку, подстроенную начальством или любящими коллегами.

.....
– ...крый порох! Мокрый порох!

Боль терзала голову, разрывала изнутри череп.

Стены его домашнего кабинета разъехались, и в комнате появилась мужская высокая фигура в ногах мишкиного шезлонга. Шезлонга!? Какого хрена?! Где он? Голова сейчас лопнет!

Мишка обхватил руками горящую голову, сжал виски. Стало чуть легче. Теперь в кабинете, справа от него, появилась Элька, точно в таком же, как у него, шезлонге.

"Крышу, крышу снесло!" – понял Миха. Эта мысль принесла с собой успокоение. Он вздохнул. И вдруг понял... или вспомнил все разом!

Колдун. Охота. Мыслеблехи. Воспоминания. Опасность.

Он поднял взгляд. Колдун навис над ним, протягивая напряженную руку:

– Бога ради, держите меня за руку! Быстрее! Барьер нестабилен! Вы провалитесь в воспоминания навсегда!

Мишка схватил его за руку. Его сознание озарилось эфирным зрением.

Абсолютная раздвоенность. Два Михи. Он един в двух лицах. Дихотомия Михи. Идентификация Борна... Господи,

при чем здесь Борн?! Сосредоточься, мудака!

Он живет в момент самого тяжелого потрясения своей жизни, и он же переживает его уже повторно, заново.

Господи! Твою мать! А ЭТО что?! Кто ЭТО?!

Открывшимся ему эфирным зрением Миха увидел рядом с собой, в своем кабинете...

Представьте себе небрежно свернутый клубок черных нитей, перепутанных, кое-где завязанных неровными узлами. Теперь увеличьте мысленно этот клубок до трехметрового диаметра, а нити в нем – до толщины мужской руки. Представьте их скользкими и блестящими, покрытыми чем-то похожим на хитиновую смазку, и беспрерывно снующими одна против другой змеиными петлями. Этот ночной кошмар ивановской ткачихи висел в воздухе, врастая в стены комнаты, и не касаясь пола.

В глубь этого существа? предмета? уходила смерчем воронка, как черная дыра в пространстве, поглощающая все вокруг себя.

Раздвоенным сознанием Миха и видел змеиный клубок рядом с собой в кабинете, и одновременно смотрел на него со стороны. И этой отстраненной частью своего сознания Миха заметил и почувствовал, как покидают его эфирное тело и исчезают внутри черной дыры ленты энергии.

"Это уходит энергия моей жизни, – промелькнула безразличная мысль второй половины его раздвоенного «я». – Хватаюсь за чью-то руку, как за соломинку... надо отпустить и уйти на дно..."

И энергия стала исчезать в воронке с удвоенной быстротой.

"Да эта тварь сожрет тебя вместе со всеми твоими воспоминаниями, превратит их радость в сплошное горе, грусть, пустоту, а тебя превратит в шизофреника!"

Кто это сказал? Он сам подумал, или это Элька, непонятно как оказавшаяся рядом с ним, кричит беззвучно

раскрытым ртом? А может, это он оказался рядом с ней?

Да! Да!

Вторая, или все-таки первая его половина, отчаянно пыталась завладеть ситуацией. Он почувствовал, что оживает, что поток уходящей из него энергии ослабевает. Это ощущение придало сил обоим половинам.

Колдун! Вот чью руку он держит! Вот почему он видит этот клубок из видений наркомана! Мыслеблохи!

Миха на секунду осознал себя единым и неделимым, лежащим на дурацком, костлявом шезлонге в центре мыльного пузыря своих воспоминаний.

Он должен прекратить вспоминать!

Миха сжал ручки шезлонга. Они были мокрые. Он понял, что мокрые его ладони. И не только. По груди, рукам, лицу струилась вода. На него вылили кувшин с водой? Зачем? Вернуть его из воспоминаний? Он облизал губы. Это была не вода. Он весь истекал потом. Горло мгновенно свело от жажды. Не сейчас! Сейчас он должен что-то сделать... но что? Вспомнить? Вспомнить, как тоска засасывала его глубже и глубже. Вспомнить, что жить незачем и не нужно...

Нет, нет! Он опять дробится на части, распадается на кусочки, теряет связь...

Вот оно! Всплыло в памяти! Книги! Какие книги? При чем здесь книги?

Книги... память... воспоминания... надо вспомнить еще что-то важное...

Миха застонал, голову словно пробили в один хлесткий удар ржавым гвоздем через оба виска. Сквозь звон в ушах прорывался комариным писком голос Эльки, но слов было не разобрать. Его снова потащило на дно черного потока. Хотелось рыдать, оплакивать безутешно свою никчемную жизнь... такую пустую... Пустую?

По голове вновь от души резали молотком.

Нет, не дам утащить на хрен! Пустая жизнь! Пустоминания! Давай, давай, пустоминай!

.....

Фрол, одетый в черный блестящий пиджак, вбежал по лестнице в казино Монте-Карло. Пиджак его переливался пятьюдесятью оттенками черного, с зеленоватым, как навозная муха, отливом. Ноги были видны нечетко, как бы окутаны туманом, из-под которого сверкали остроносые черные туфли "Кавказ – эlegant". Под пиджаком виднелась белоснежная сорочка и черная бабочка. Волосы были прилизаны блестящим гелем на косой пробор, но одновременно подстрижены и торчали коротким серым бобриком. А лицо между прической и бабочкой... представьте себе Николая Валуева в роли Джеймса Бонда.

Черные змеиные петли утратили непоколебимость механического движения. Дернулись.

Черная тоска немного отпустила Миху, позволила вздохнуть полной грудью. Воздух на вкус был удивительно свеж и легкий, словно только что испеченный батон.

Почему его зрение раздвоилось? Он потряс головой. Не помогло. Он был по-прежнему един в двух лицах. Но стремительно, со звоном в ушах, стало возвращаться понимание ситуации.

.....

Все вокруг наполнилось громким шумом, который почему-то напоминал какофонию симфонического оркестра перед началом концерта: голоса инструментов звучат простуженно и отрывисто, перекликаются с шорохом платьев, щелчками откидываемых сидений. В зале казино с белоснежными стенами и высоким куполом это звучало диссонансом. Впрочем, ненадолго. Все шумы перекрыло громкое жужжание колоссальной копировальной машины, и неторопливая вертикальная полоса ослепительно белого света прошла взад и вперед по всей огромной зале.

.....
Миха понял, что так ему вспоминается заученная наизусть фраза: "Фрол пронзительным холодным взглядом просканировал казино, оценивая наличие внешней угрозы".

.....
В центре зала огромным многослойным свадебным тортом журчал негромко фонтан, истекая изумрудного цвета водой.

.....
"Зацвела она у них, что ли? – изумился про себя Миха. – Куда, простите, смотрит княжеская эпидемстанция!".

Дышать он стал совсем свободно. Теперь он видел и Колдуна, и Элю, и, одновременно, и свой, разжалованный в бывший, кабинет никогда, как оказалось, не бывшего своим дома.

И в этом кабинете, рядом с ним, с Михой, находилась некая тварь, огромная эфирная сущность... огромная?

Этот клубок спутанных нитей раньше вырастал из стен комнаты. Теперь же он помещался в ней, не касаясь стен. Да и хитин блестел не так жизнерадостно. Петли по-прежнему скользили одна против другой, но не так... сладострастно? И узлов на них несколько поубавилось.

Ну что, Фрол не в то горло тебе пошел, а?

Миха мстительно улыбнулся. Что, сучара эфирная, это тебе не мою тоску жрать?

Когда сидишь и только чувствуешь, как жизнь медленными всхлипами покидает тело... ненужное, бречное, дерьмовое твоё тело, ненужная дерьмовая жизнь, дерьмового никчемного существования...

Рука дернулась, вырываясь из плеча. Миха чуть не прокусил губу от боли. Колдун навис над ним, страшно почернев лицом, а пол вдруг заходил быстрой озерной рябью.

Ой, что же там, в казино? – спохватился напуганный Мишка.

Вспоминаем – пустоминаем, не отвлекаемся!

.....
Фрол небрежно облокотился на полированную мраморную стойку. Бармен с жидкими, гладкими черными волосами, похожий на Гитлера, выжидательно уставился на него пуговками глаз:

– Мсье?

– Бокал Каберне Франк 1978 года! – небрежно бросил Фрол.

– Мудак, это не вино, а сорт винограда! – бармен в сердцах швырнул тряпку, сверкнувшую кометой вдоль стойки, оставляя за собой мокрый след:

– Когда эти русские научатся нашей культуре!

– Сам мудак! – ехидно вернул ему Фрол. – Бармены полируют бокалы только в дешевых салунах, а не в казино Монте-Карло!

Бармен открыл рот, но не нашелся, что сказать, да так и застыл с открытым ртом

– Слюни подбери, дебил! – бросил ему Фрол и, победно распрямившись, пошел в глубь зала. Публика, сплошь состоящая из черных фрачных плеч, накрахмаленных манишек и декольте с глубокими ущельями меж высоких грудей, поспешно расступалась перед ним.

Впереди у фонтана ждала его женщина в длинном сером, сверкающем вечернем платье, с осиной талией и тяжелым бюстом – сочетание, угрожающее хозяйке этого великолепия полным физическим преломлением пополам.

– Ну, ты, Джеймс Бонд ху... Валув! – бросил ему вслед бармен.

Фрол, не оборачиваясь, выставил средний палец.

.....

Миха вновь четко ощутил свое присутствие в обеих своих ипостасях. Он ясно видел справа от себя Элю, чувствовал на себе ее неотрывный тревожный взор. Левой рукой он крепко сжимал ладонь Колдуна.

Вторая его половина утратила чуть яркость присутствия. Спутанные змеиные нити превратились в клубок обычной пряжи... конечно, если не взглядеться внимательно.

Клубок начал подрагивать, раскачиваться, и подпрыгивая, все дольше зависал в воздухе. Частота дрожания стремительно нарастала, послышалось низкое гудение трансформаторной будки.

"Сейчас исчезнет!" – догадался Миха.

.....
Фрол резко развернулся и пошел обратно к стойке бара. Все те же фрачные безголовые плечи и глубокие декольте поспешно расступались вновь.

Четко проявилось лицо с козлиной бородкой, стрелками седых усов, моноклем в правом глазу. При виде Фрола глаза широко распахнулись, монокль выпал и закачался на цепочке, а сигара не удержалась в испуганно раскрытом рте.

– Извольте, господа! – пискнуло лицо. – Сколько же можно: туда-сюда, туда-сюда! Дежавю сплошное!

Но тоже заполошно метнулось с пути боевой машины под именем Фрол.

Бармен, наплевав на замечание Фрола, продолжал протирать бокалы вафельным полотенцем с фиолетово-черным чернильным штампом "Гостиница Корона Алтая", оттиснутым в углу.

При виде вернувшегося Фрола краска сбежала с его лица. Фрол остановился перед стойкой. Наступила мертвая тишина, нервно и фальшиво взвизгнул скрипичный смычок и затих.

– Другая из главных областей, именуемая Онтической топикой, связана с бессознательным: составляющие ее проявления отвечают тем формам опыта, в которых действуют энергии бессознательного. Сюда принадлежат процессы, которые описывает психоанализ; и, соответственно, при изучении Онтической топики синергичная антропология оказывается в теснейшем соприкосновении с психоаналити-

ческой философией – прежде всего, с теориями и концепциями Делеза и Лакана, – веско сказал Фрол, глядя в застывшие муравьиные зрачки бармена.

Бокал выпал из безвольных рук бармена и взорвался звоном осколков.

Миха поднял голову. Раздвоенность сознания ушла. Он был един в одном – Слава тебе Господи! – в одном своем лице.

Он лежал на психоналитическом ложе. Вращался вокруг мыльный пузырь его жизни. Пришло ощущение холода, и немедленно на Миху обрушился озноб. Одежда промокла насквозь от пота. Холод и слабость. Слабость, жажда и голод. Да, именно в таком порядке. Хотя нет, может, слабость, голод и жажда?

– Господин доктор!

Миха повернул голову. Колдун заглянул глубоко ему в глаза, видимо остался доволен, судя по спокойному выражению его лица.

Впрочем, оно всегда спокойно, подумал Миха.

– Я думаю, теперь вы можете отпустить мою руку, господин доктор! – улыбнулся Колдун.

Миша перевел взгляд вниз. Он сжал правую кисть Колдуна с такой силой, что она потемнела, ногти Михи прорвали кожу, и кровь уже успела застыть подтеками и черными дорожками.

– Боже мой! – охнул от стыда Мишка, рука не разжималась, мышцы свела судорога. – Простите, пожалуйста! Я не соображал, что делаю...

Он бормотал виновато, одновременно распрямляя пальцы другой рукой. С силой.

– Господин доктор, извиняться абсолютно не за что, – Колдун с наслаждением вновь и вновь разжимал и сжимал в кулак освобожденную из плена кисть, – вы же поступали совершенно неосознанно. Так всегда и со всеми происходит.

Профессиональный риск, знаете ли.

Он подумал и уточнил:

– Один из профессиональных рисков. Самый, смею заметить, незначительный.

– Мишка, любимый! – нежный Элькин голос.

Мишка повернул голову вправо. Почувствовал себя Железным Дровосеком – сведенные напряжением мышцы отозвались болью в плечах, шее.

– Где моя масленка? – промычал он с кривой гримасой.

– Ты как? – тихо спросила она. Он увидел кровь на ее ладонях – след ногтей в стиснутых кулаках. Единственное, что ей оставалось. Еще и молитвы – губы обветрились от непрерывного шепота.

– Прорвемся! – подмигнул он. – С похмелья и хуже бывало.

Попробовал приподняться, присесть на кушетке. Комната сильно накренилась, собираясь пуститься кругом, но раздумала и выровнялась. Желудок дернулся спазматически, но тоже пожалел хозяина и успокоился.

Колдун поднес к его рту запотевший бокал. От холода заныли зубы. Вкус воды был странный, на грани неприятного, с почти неуловимыми оттенками дыни и камамбера. Зато сразу прибавилось сил.

– А жизнь-то налаживается! – приободрился Мишка.

«А что с этой тварью, мыслеблехой?» – ударило по вискам. Он схватил Колдуна за рукав:

– Господин Колдун! – спросил он с отчаянной надеждой.
– Я ее убил? Мыслеблеху? Я ее прикончил?

Колдун с сомнением помассировал подбородок:

– В том, что прикончили, я не уверен. Не так-то просто избавиться от этих тварей. Иначе давно не было бы в мире беспричинной тоски, стало бы намного меньше самоубийств. Но в том, что она вас долго не побеспокоит, сомневаться не приходится.

Развел руками:

– Зависит все от вас – начнете тосковать, жить прошлым, знайте – непременно вернется!

Миха покачал головой:

– Откуда только взялся весь этот бред... – он уточнил, – я говорю про мои...

– Пустоминания? – подхватил Колдун. – На то они и называются «пустоминания». Ни про что, и ни о чем. Отрывки из заученного вами текста.

– Неужто? – усомнился Миха. – Не припоминаю. То есть, конечно, книга бредовая. Точнее – дерьмовая! – он возвел глаза к потолку, подбирая сравнения, но сдался:

– Да, попросту, никакая! Такого буйства обкуренной фантазии в ней и быть-то не могло.

– Да, Мишка,

Эля, убедившись, что Мишкина жизнь вне опасности, удобно возлежала на боку, длинные ноги элегантно скрещены, короткая юбка касается допустимого верхнего предела, но не переходит его. Предел, негласно установленный Микой.

– Бонд твой хорош! Крейг нервно курит в сторонке... откуда ты его взял? Тут не только мыслеблоха сдохнет, я сама чуть не испарилась!

– Госпожа доктор! – пол под Колдуном уже не ходит волнами, даже не дрожит рябью, лишь ленивые круги медленно волнуют его ртутную поверхность, когда Маг преступает с ноги на ногу:

– Чем хороши для меня эти убогие творения господина Свисча и иже с ним?

"Господь Великий! Как же он любит риторику и витиеватые выражения!", – мысленно закатила глаза Эля, но сделала вид – вся внимание:

– И чем же, господин Маг?

– Автор не способен прописать ни героев, ни окружаю-

щую его массовку. Такой текст, заученный наизусть, просто требует участия измученного им мозга. Дорисовывает детали, дорабатывает сюжет, дизайн. Вот и возникают странные воспоминания того, чего не было никогда, да и быть не могло. Дежавю.

Он презрительно фыркнул:

– Бокал Каберне Франк! Только идиот, кому лень заглянуть хоть одним глазком в гугл, я уж не говорю о том, чтобы раскрыть Паркера, может принять сорт винограда за название вина.

– Мне еще запомнились муравьиные зрачки, – в тон Магу добавила Элька. – Хорошее выражение. У муравьев нет, и не может быть зрачков. Фасеточное строение глаза.

– Да-а, – протянул Миха, и с наслаждением потянулся, разминая затекшие от напряжения мышцы, – в таких пустоминаниях не просто нет эмоций, они стерильно чисты.

Колдун цокнул языком – типично израильская манера выразить свое несогласие, настолько идущая вразрез с его обликом, что Миха недоверчиво – не показалось ли? – взглянул на него:

– Не только стерильны. Они забирают энергию у блохи, губят ее.

– Вирус для вируса, – кивнула Элька.

– Примерно так, – кивком согласился Колдун и подмигнул Михе:

– Самочувствие, господин доктор?

– Супер, просто зашибись! – буркнул Миха, не ожидая ничего хорошего.

– Что ж, – Колдун хрустнул шеей, – в таком случае пришло время искоренять Настоящее Зло.

Последние два слова явно начинались с заглавных букв.

.....

В кабинете было накурено до спазмов в горле на вдохе. Кондиционер гнал в комнату холодный воздух, и промозг-

лость только усиливала это чувство.

Стоял летний субботний вечер. Как раз наступили сумерки, время пробуждения молодежи перед выходом в город под аккомпанемент призывных гудков машин и нетерпеливых выкриков, приглушенных стеклопакетами плотно закрытых окон. Отголоски смеха, хлопанье дверей и дверец, трели телефонных звонков на пределе слышимости. Субботний вечер потягивался, перекачиваясь пластичными мышцами под молодой шкурой, выпуская когти и лениво зевая.

А в комнате зависла – а может быть, стояла? – физически ощутимая тоска. Тоска и безысходность, плотно стиснутые вместе, сжатые давлением до состояния тёмно-чёрного желе. Желе можно было кромсать на куски, резать толстыми ломтями, а можно было целиком опрокинуть в пасть субботнего вечера на вершине его очередного плотоядного зевка и увидеть, как быстро, но мучительно он умрет – столько смертельного яда было в этом блюде.

Миша перестал быть Михой, Мишкой, Мишуней. Он вообще перестал быть. Распад, конец Вселенной, который наступил для него раньше назначенного древним племенем майя срока. Осталась только холодная пустота внутри. Только она и спасала от осознания ужаса, им же самим и сотворенного. Жизнь его рушилась на глазах; превращалось в прах все, чего он только ни касался. Античный царь Мидас со знаком "минус". Мидас наоборот. Анти – Мидас.

Он сидел в своем любимом начальственном кресле черной матовой кожи с широкими подлокотниками. Сидел ко всем спиной, взгляд прикован к столу.

Чизла молча, с остекленевшими от ненависти глазами, хозяйски стуча высоченными каблуками, бегала по всем этажам дома. Его дома. Его ли?

Каждый раз, как она входила в кабинет, Миха сутулился от стыда еще больше, сжимая до белизны ногтей сплетенные пальцы. Он не мог видеть, но слышал, как она срывает со

стены его портреты. Ломает с хрустом рамки, топчет холст ногами, прорывая его в святом экстазе мщения шпильками насквозь. Поташила за собой вниз по лестнице длинный хвост обрывков – обломков.

"Господи, такая щуплая, откуда в ней столько злобной силы!" – удивление смогло пробиться даже через полный эмоциональный ступор.

Открылась с шумом дверь в сад. Тяжелая двухстворчатая дверь из экзотического африканского дерева, название которого ускользнуло из Мишкиной памяти. Помнилось только, что хозяин быстро выпроводил остальных, немногочисленных, правда, покупателей из магазина, когда они захотели заказать её в свой дом, и сел, широко улыбаясь, за стол переговоров.

Из сада потянуло средневековым духом пылающих холстов, жженой краски.

"Господи, вот и сгорела моя жизнь!" – тоскливо колыхнулось сердце, между лопатками вонзился шип.

Он, начиная с шестнадцати лет, когда и был написан другом-художником его первый портрет, таскал его всюду за собой. По всем квартирам, городам, республикам и странам. Не потому, что портрет был хорош или грамотно прописан. Наоборот, он был по-щелячье неуклюж и непропорционален, с плоской перспективой. Просто... так уж сложилось, повелось. Портрет начал свою жизнь на стенке квартиры в одной из столиц Закавказья, в день мишкиного шестнадцатилетия.

Он участвовал во всех пьянках, вечеринках, обольщениях. Был свидетелем радостей, слез, обид и встреч, переходящих в расставания. Он вбирал и хранил в тайниках своего холста события всей мишкиной жизни. Мишка любил вставлять против него, всматриваться в свое лицо, портрет подмигивал в ответ и дарил разные сценки из прошлого...

Сейчас холст морщился, краски корежились от жара,

прежде чем вспыхнуть, и от этого лицо на портрете, казалось, корчилося в муках.

Снова туфельки простучали по лестнице вверх и затихли. Чизла остановилась рядом с ним. Глаза, бесцветные от злобы и ненависти, грудь вздымается истерическими вздохами.

– Смотри сюда! – голос, хриплый от угрозы. – Сюда, я сказала!

Он покорно поднимает голову.

Чизла держит в одной руке его большую фотографию, а в другой – портняжные ножницы.

– А сейчас, скотина! – певучие странные нотки в голосе, исполненные непонятного Михе смысла, – я выкалываю тебе глаза...

Взор ее уходит и вовнутрь самой себя и, одновременно, она смотрит в какую-то, только ей известную точку.

– Я выкалываю тебе глаза на этой фотографии, части твоей души...

Голос становится все более певучим, шаманским. Чу! Ударил где-то бубен? Нет, пригрезилось, наверное...

– И это будет означать,
Согласно культу вуду...

Она глубоко вздохнула и низким голосом призывно запричитала, не переводя дыхания:

– Смерти прихода скорого,
Ничем не отвратимого,
Не быстро, и не медленно
Придет конец мучительный,
Веревочка не вьется,
И кончик уж видать.

Эля зябко поежилась – от слов исходил осязаемый холод, а сами они виделись черными, покрытыми прозрачными, морозными шипами.

– Стоп! – негромко произнес Колдун

Картинка застыла. Стоп-кадр. Миха и Чизла. Унеслась вперед. Или это Мишка стремительно вернулся в свое настоящее "я"? Впрочем, какая разница?

Кабинет Мага. Шезлонги. Пузырь воспоминаний. Колдун. Эля. Кулаки сжаты, зубы стиснуты, глаза невидящие. Да-а, везет Чизле, что она сейчас не здесь...

– Странно, – Мишка с силой потер уставшие веки, одним махом выпил стакан холодной воды, пальцы предательски подрагивали, как ни старался он это скрыть. – Я не помню этой...

Он замялся, в попытке подобрать определение.

– Считалочки, ну как ее еще назвать?

И повторил, с нервным смешком:

– Да, считалочки этой детской, ну... про конец мой неизбежный.

– Ничего смешного, я, милый, не нахожу, – сухим от ненависти голосом сказала Эля. – Неужели ты не понимаешь, что это никакая не считалка?

– Да не было ничего подобного, Эля! – взмахнул руками Миха. – Не б-ы-л-о! Понимаешь? Я не псих, я все прекрасно помню!

Он перевел дух.

– Да, Чизла была! И портреты рвала и жгла! И глаза мне... в смысле, на портретах, ножницами выкалывала! Это все было.

Подумал и добавил, вспоминая:

– И про культ Вуду она говорила... – он покачал головой. – И все! Никаких считалочек.

– Натурально, вы не помните, господин доктор, – вмешался Колдун, – и не можете помнить. В этой части воспоминаний стоит блок. Для вас этих событий не было. Не произошло. Это оч-чень важная деталь!

Он воздел в воздух правую руку и потряс указательным

пальцем, желая подчеркнуть важность сказанного:

– Кто управляет настоящим, не управляет ничем. Помните?

– Да, конечно, – пожал плечами Миха, какое это может иметь отношение к делу? – Кто управляет прошлым, тот управляет будущим. Джордж Оруэлл. "1984 год"

– Совершенно верно! – просиял Колдун. – Запомните это. Мы вскоре вернемся к этому гениальному прозрению.

Он перевел взгляд на Элю:

– И, конечно, вы правы, госпожа доктор. Это не считалка. Это грамотно наложенное, довольно хорошо исполненное проклятие.

Мишка фыркнул:

– Не смешите меня! Эта детская страшилка, для малышей дошкольного возраста, это вы называете проклятием?!

Он рассмеялся.

– Э-э, господин доктор, – пришла очередь Колдуна покачать головой, – слова не имеют никакого значения в проклятиях!

Эля и Миха непонимающе воззрились на него.

– Главное – это последовательность звуков и их мелодика, фонетическая последовательность, – пояснил Колдун. – Именно это вызывает определенные направленные возмущения эфирной энергии, способные открыть каналы в защитном барьере.

Он прервался:

– Вы помните? Барьер мы с вами обсуждали.

Они нетерпеливо, быстро закивали, да, да, помним, дальше, дальше!

– Эти каналы остаются открытыми, парализованными. Функция барьера нарушается. Энергия более не сохраняется, теряется. Скорость ее потери, сиречь, умирания, зависит от квалификации и от эмоциональной силы... – он задумчиво полуприкрыл веки, а нос свесился вопросительным знаком:

– Как же нам назвать заклинателя? Только, пожалуйста, не «колдун» или «маг», – он поморщился. – Это меня оскорбит!

Наступила тишина. Миха находился в прострации. Разум был парализован бесчувственной, рациональной злобой, беспощадностью и неотвратимостью, которые в точной, выверенной пропорции наполнили проклятие.

– Можно? – Эля протянула руку, выставив указательный палец. Примерная ученица. – У меня, похоже, есть предложение!

– Ну-с? – благожелательно поднял брови Маг.

– Раньше было в ходу название для таких вот, – Эля брезгливо сморщила нос, – мелких пакостников, ведунов, ведьмаков. И мне оно кажется уместным для Чизлы и иже с нею.

Она сузила глаза, приподнялся уголок верхней губы, отчетливо стала похожа на опасную волчицу, и бросила, презрительно:

– Шептун!

И обвела всех взглядом:

– Годится?

– Хм, – Колдун повторил, прокатив слово по языку, словно пробуя на вкус. – Ш-е-п-т-у-н...

Проглотил, прислушался к своим ощущениям и энергично кивнул:

– Принято!

Миха лишь махнул рукой, мол, как вам угодно, мне лично все равно!

– Так что же? – он развел руками. – Я запомнил эту последовательность слов. Теперь я могу проклясть, кого захочу?

– Эй, милый! – встревожилась Элька. – Проклятье губит душу того, кто его насыляет!

– Только в том случае, если оно не исполнилось – тогда оно бумерангом бьет по шептуну, – быстро бросил ей Маг. –

И не душу – не у всех есть душа, правда? – а физически его убивает.

И повернулся к Мише:

– Не совсем, в ваших устах это проклятье действительно будет безобидной детской считалочкой, – улыбнулся Колдун. – Надо знать язык, на котором эти слова приобретают магическое значение, открывают эфирные поры.

– Ну, на русском? – недоуменно свел брови Мишка. – На каком же еще Чизла...

– Дело в том, господин доктор, – перебил его Маг, – что я снял блок и перевел слова на русский язык для простого понимания.

– На английском, значит, – кивнул сам себе Миха, – у нее английский совершенно...

– Нет, – хитро подмигнул Колдун, – и не на английском. Чизла произнесла его на древнем языке.

– На иврите? – воскликнула Элька. – Ну, конечно, древний язык как нельзя лучше...

– Нет, госпожа доктор, – расплылся чеширским котом Колдун в довольной улыбке, – намного более древнем языке. Можно сказать – на праязыке.

– Господи! – в сердцах бросил Миха. – Хватит нас мариновать. На каком языке, черт возьми?!

При упоминании черта Маг вновь непроизвольно вздрогнул.

– На очень древнем языке, дамы и господа! – сказал он торжественно. – На языке неандертальцев.

Оба врача синхронно, молча и совершенно кукольно несколько раз мигнули, хлопнули глазами.

– С одной небольшой поправкой, – добавил Маг, перфекционист, почитатель точности, – и это название не совсем верно. Язык, безусловно, существовал. Только вот слов в нем не было. Язык слов принес современный человек, – он скептически хмыкнул, язвительно добавил, – разумный.

И, отмерив достаточную, по его мнению, порцию информации, замолчал.

– То есть вы хотите сказать, – первым нарушил тишину Миха, – что моя...

Запнулся и поправил себя:

– Что Чизла – неандерталка? – он по буквам произнес непривычное слово, прислушиваясь к его звучанию.

Эля перевела взгляд на Колдуна в ожидании ответа.

– Конечно, не чистая форма, но многое в ней есть... – он скрестил руки на груди и кивнул головой утвердительно и в то же время как-то сокрушенно. – Да, в Чизле многое от этой породы.

– Она знает язык неандертальцев?! – усомнилась Элька. – Откуда, позвольте спросить?

Колдун усмехнулся:

– Я же говорю, название «протобашенный язык», которое ему дали ваши ученые, не есть верное! Оно не отражает сути языка неандерсов!

"Вот уж не думала, что он способен на такие проявления чувств! – подумала Эля, смотря на Мага. – Безусловно, есть в нем что-то восточное, эдакое средиземноморье прорывается из-под льда европейского лоска".

Кровь прилила к его лицу, глаза заблестели:

– Да и я допустил неточность, сказав, что перевел слова заклатья на русский! Правильнее сказать – я их озвучил!

– Озвучили? – Мишка задумался, вдруг его лицо озарилось пониманием, а глаза округлились. Вслед за ним охнула Элька, прикрыв в изумлении рот ладонью. – Вы хотите сказать...

– Совершенно верно, господа врачи, совершенно верно!

Вид Колдун приобрел учителя, говорящего себе: "Хвала Господу, ученики хоть не тупые!"

– Язык неандертальцев – телепатический! Телепатическое общение! Да-с! Телепатическая передача символов, я их только расшифровал и озвучил.

Несколько мгновений ошарашенной тишины.

– Вы только сейчас начинаете понимать, что еще задолго до появления человека современного анатомического типа на планете существовала цивилизация, отличная от вашей, – продолжил Колдун, дав им придти в себя. – Ваши ученые, как обычно, до хрипоты доходят в спорах, сравнивая величину гипоглоссального канала *Homo sapiens sapiens* и *Homo sapiens neandertalensis*, якобы там находится нервный узел, отвечающий за способность управлять тонкими движениями языка, необходимыми для устной речи.

Он покачал осуждающе головой:

– А дело совсем не в этом! Совсем иная цивилизация, иной ход развития, иные формы общения между собой. Иные верования, иная религия, но религия!

"Боже ты мой! – метнулась испуганная мысль в мозгу Мишки. – Неужели это происходит со мной! Я лежу на изломанном современной мыслью дизайнера шезлонге в кабинете совершенно непонятного Колдуна, вокруг меня кружится калейдоскоп всей моей жизни. Меня прокляла на смерть Чизла, она же потомок неандертальцев! Бред какой-то... с ума бы не упасть окончательно! Телепатия, параллельная цивилизация... может, еще и не одна! Не просочиться бы в параллельный мир ненароком, ей-Богу..."

Бросил на Эльку взгляд утопающего, в надежде на спасательный круг, но получил только ответный взгляд не лучше его.

"Думает о том же самом, – понял Миха, и, как ни странно, эта мысль его подбодрила. – Ладно, мы вдвоем, индуцированный бред у обоих возможен, но маловероятен... Прорвемся, не впервой!"

– А вы можете это доказать? – осторожно спросила Элька.

– Доказать? – в глазах Мага сверкнули сполохи надвигающейся бури. – Мне надо что-либо вам, – он выделил слово

"вам" непонятной, но не предвещающей ничего хорошего интонацией, – доказывать?!

Опустил глаза, смахнул несуществующую пылинку с лацкана безукоризненно чистого пиджака, поправил безупречный узел галстука. Погасил огонь в глазах. Глубоко вздохнул. Поднял глаза обратно.

– Вы ко мне пришли, не я к вам. Пришли сами, по своей доброй воле. Пришли в последний момент, и, смею вас уверить, поступили правильно.

Он поймал их обоих взглядом:

– Свободный выбор, дамы и господа! Вы всегда можете встать и уйти. А коль скоро решили остаться, значит, согласны принимать мои мысли и руководствоваться моими указаниями. Или не так?

– Так, так! – примирительно промурлыкала Элька. – Мы вам верим на слово!

– Вы считаете, что вуду – это магия неандертальцев? – Мишка элегантно перевел разговор на другую тему.

– Вуду! – Маг пренебрежительно махнул рукой. – Вуду – это одна из попыток сапиенс сапиенс подражать неандерам, перенять их магическую силу.

"Даже само слово, это сокращение, "неандеры", выходит у него как-то панибратски, по-семейному. Так обычно сыщики относятся к матерым преступникам, с профессиональным уважением", – подумала Элька.

– Цивилизация неандертальцев зижделась на совершенно иных принципах. Они не строили жилищ, жили в полном единении с природой. Были прекрасными охотниками. Им не нужна была речь – они общались телепатически, им не нужна была письменность – коллективная память хранила в себе летопись всех событий лучше хард-дисков.

Он спохватился:

– Но я вам расскажу все позже, даю слово!

"Даю слово" прозвучало веско, нерушимо.

"Расскажет!" – поняли господа врачи.

– Я не смогу долго поддерживать стабильность нашего нахождения в воспоминаниях господина доктора, даже несмотря на отсутствие мыслеблех. Мне надо решить два вопроса.

Колдун задумчиво потер нос:

– Во-первых, надо до конца определить природу Чизлы. С ней все как-то совсем не просто, и даже мне еще совершенно не ясно, а во-вторых, я хочу проверить, не оставил ли кто след в вашей памяти, подкорректировав ваши воспоминания.

– Что это значит: "след в памяти?" – напрягся Миха.

– Оруэлл. "Кто управляет прошлым, тот управляет будущим". Помните, господин доктор?

Утвердительный напряженный кивок. Эля, вся обратившаяся в слух.

– Мы очень встревожены возникновением в эфирном мире новых сущностей и фактами ушачения их появления.

Эля открыла, было, рот, сгорая от любопытства узнать, кто это загадочные "мы", но прикусила язычок.

– Я называю их "Ловцы Воспоминаний".

Он посмотрел куда-то за пределы комнаты, собираясь с мыслями.

– Наши поступки, принимаемые нами решения в большой степени определяются нашим опытом.

– Наша мудрость – следствие нашего опыта; а наш опыт – следствие нашей глупости, – вставил Миха.

Колдун вежливо улыбнулся и продолжил:

– Опыт наш базируется на анализе наших воспоминаний – сознательном и подсознательном. Это значит, что если найти способ изменить, подкорректировать воспоминания человека, то можно способствовать принятию [им](#) решений в нужном вам направлении.

– О, Господи! – ахнула Элька. – Это означает заставить идти мир, куда тебе надо!

– Это значит, – сурово сказал Маг, – преступить один из наших главных принципов и лишить вас свободы выбора!

– И вы считаете, кто-то покопался в моей памяти? – тревога прозвучала в дрогнувшем голосе Мишки.

– Нет, нет! – успокоил его Колдун. – Это явление пока прослеживается у видных политиков, общественных деятелей, модных актеров.

Он улыбнулся Эле:

– Как вы и сказали, всех тех, кто может изменить направление движения мира.

Он вновь обратился к Михе:

– Но все-таки надо убедиться, что это действительно так, и никто, как вы метко извоили выразиться, не покопался в ваших мозгах. Но начнем с Чизлы...

И Маг пожал плечами, покачал неопределенно головой:

– Совершенно непонятный мне экземпляр... – вздохнул – выдохнул, покрутил головой, разминая шею, словно перед схваткой, слегка хлопнул в ладоши:

– Ну-с, приступим!

Стоп-кадр с Чизлой медленно стал вращаться по часовой стрелке. Остановился. Продолжило вращение только ее трехмерное изображение. Недолгий едва слышный хрустальный перезвон, и фигура Чизлы стала покрываться мерцающими разноцветными огоньками, их становилось все больше и больше, пока ее силуэт не превратился в одно сверкающее и переливающееся всеми красками пятно света.

"Мамочки, словно взбесившаяся телереклама!" – подумала Элька.

Маг взмахнул руками и медленно повел ладонями по контуру Чизлы сверху вниз. Вслед за его движением огоньки вспыхивали и меркли, как догорающий костер. Вот он коснулся руками пола, замыкая невидимый круг. Изображение Чизлы стало меняться, исчез кожный покров, за ним подернулись дымкой и исчезли мышцы, сердце, легкие,

остался лишь обнаженный костный скелет. Впрочем, нет, не совсем!

– А что, – язвительно спросила Элька, – не расстанусь с силиконом, буду вечно с молодым? Магии не поддается?

Действительно! Челюсти черепа были четко очерчены толстыми инородными телами на месте исчезнувших губ, а в области грудной клетки были подвешены два увесистых с виду, непрозрачных мешочка.

– Масенька, бедная! – участливо пропела Элька. – Как же у тебя поясницу-то не ломило, таскать такую-то тяжесть, а? – и сочувственно поцокала языком.

Мишка промычал нечто нечленораздельное.

Маг издал сложносочиненный гортанный звук, не нуждающийся в переводе, свирепο сверкнул глазами, и повторил обряд. На этот раз от кистей рук исходило красное, несколько раздраженное свечение.

Силикон исчез.

Колдун отряхнул руки:

– С протезами, искусственными клапанами, или, скажем, скобками после аорто-коронарного шунтирования всегда проблематично. Но силикон! – он возвел глаза к небу, как бы призывая в незримые свидетели:

– Его удаление требует особых навыков, не все на это способны, без ложной скромности скажу я вам, далеко не все! – веско добавил он.

– Полностью согласен! – сочувственно заметил Миха. – Мешает диагностике ужасно! МРТ молочных желез проблематично. УЗИ с маммографией тоже теряет в своей ценности...

– Это еще ладно! – подхватила Эля. – А после облучения что происходит?

– И что же происходит? – живо заинтересовался Колдун. При слове "облучение" в глазах его зажегся странный огонек.

Эля всплеснула руками:

– Теряют симметричность, искажается форма, надо менять имплантант на новый, а подгонять новое под старое – всегда дает плохой результат.

Колдун покивал головой задумчиво, решая в уме какую-то свою проблему, вздохнул:

– К делу, дамы и господа, к делу!

Не все светящиеся точки, покрывшие трехмерное изображение костного скелета Чизлы, исчезли. Десятка два из них остались и мерцали разноцветными звездочками, рассыпанными в беспорядке... или же в кажущемся беспорядке?

– Что это, господин Маг? – прошептала Эля, не отводя взгляда от мерцающих огоньков.

– Это, госпожа доктор, энергетические узлы Чизлы, – рассеянно ответил тот, перебирая пальцами в воздухе, словно играя на невидимой арфе.

– А разве энергетические узлы не должны находиться в определенном порядке, симметрии? Ну, я знаю... располагаться цепочкой вдоль позвоночника? – высказал Миха некоторую осведомленность.

– Должны... – все так же рассеянно продолжал Колдун, продолжая водить руками от одной точки к другой.

– Но я не вижу никакой связи между расположением узлов и скелетом! – недоуменно воскликнул Мишка, и Элька согласно мотнула головой.

– Так-так, – протянул Колдун, и вытянув губы трубочкой, осторожно коснулся указательными пальцами сиреневой звездочки, светящейся над левой ключицей, и ярко-алой в области крестца. Обе ярко вспыхнули, перестали мерцать и зажглись ровным зеленым светом. Маг довольно улыбнулся:

– Отлично! – и посмотрел на Миху. – О чем мы... ах – да! Совершенно справедливо подмечено – нет никакой связи между пространственным расположением нервных узлов, и скелетом. Что же это значит?

– Только не скажите: "Это же элементарно!" – взмолилась Эля.

– Это означает – поменяйте скелет! – победно подмигнул им Колдун. – Нам подсунули фальшивку! Должен вам сказать, кустарно сработанную фальшивку!

– Вы хотите сказать, что мне, в моих воспоминаниях, кто-то подменил...

Колдун не дал Михе закончить:

– Нет, я так не считаю, но сам факт интересен! Истинная сущность Чизлы замаскирована и для недостаточно опытного исследователя недоступна. Что же она так упорно пытается от нас скрыть? И кто так упорно пытается скрыть ее от нас?

С этими словами он уверенно провел линию в воздухе от одной горящей зеленой точки до другой, соединив их между собой. Оба огонька сдвинулись. Один стал напротив седьмого шейного позвонка, второй зажегся на самом конце кобчика.

Скелет изменился. Он заметно вытянулся, а ключицы расширились чуть ли не в два раза и стали плоскими.

Эля и Миха повернули головы к Магу спросить, о чем это говорит, но так и не спросили. Опешили от непривычной картины – великий Маг и Волшебник застыл в недоумении!

Господа врачи переглянулись. Эля тревожно подняла брови, Мишка в ответ философски пожал плечами: "Нам остается только наблюдать".

Колдун в нерешительности потерял кончик носа и мягко коснулся мигающей красным светом звездочки в области переднего средостения, за грудиной. Она перестала мигать и засветилась фиолетовым светом.

Маг хмыкнул и указал пальцем на темно-сиреневый узел в середине лобной кости. Он погас на мгновение, мигнул, и засветился ровным фиолетовым цветом.

Маг удовлетворенно вздохнул.

Но в этот момент фиолетовый узел вдруг задрожал, стал тусклым, ярко вспыхнул вновь и...

...весь скелет задрожал в воздухе, налился ярким, словно раскалился добела, светом, вспыхнул и распался мириадами

мерцающих огоньков, как праздничная шутиха, и исчез!

Колдун, невозмутимый доселе Великий Маг, испустил протяжный стон, перешедший в клекочущий выкрик.

– Что произошло? – не сдержалась Элька.

Маг ответил ей свирепым взглядом из-под сведенных воедино бровей.

«Элька, оставь человека в покое!» – сделал Мишка "страшные глаза" – дескать, не видишь – проблемы, и без тебя ему тошно.

– К моему искреннему сожалению, я не могу с достаточной достоверностью ответить на ваш вопрос, госпожа доктор.

Перед ними вновь стоял прежний, вернувший лицо, уверенный в себе Колдун – безмятежность, безупречность, элегантность, и ни одной морщинки ни на лбу, ни на костюме:

– Ясно одно – моя попытка восстановить истинный энергетический облик Чизлы, первопричину, провалилась.

Он низко склонил голову:

– Я был самонадеян и заносчив, считая противника хорошо изученным и не способным более поразить меня. Это привело меня к недооценке врага, и, как следствие, к поражению.

– Смею вас заверить, – Колдун вздернул подбородок, и в глазах сверкнул блеск отточенной стали, – к кратковременному поражению.

Он по-военному четко развернулся к Эльке:

– Возвращаясь к вашему вопросу, могу лишь предположить, что произошло то же самое, что и при попытке обезвредить мину начинающим сапером.

Самоуничтожение заставило его болезненно поморщиться:

– Мина взорвалась. Сапер не распознал заложенную в ней ловушку. Она среагировала на вмешательство извне и...

Пальцы его экспрессивно выстрелили в стороны:

– ...Бах! Все секреты испарились в пламени взрыва. – Он шумно выдохнул. – Вот такая неприятная история.

– Ну и бог с ней! – беспечно сказал Мишка. – Вытащим Чизлу из другого воспоминания и разберемся с ней! Мы теперь вооружены новым знанием, не так ли?

– Нам пора возвращаться из ваших воспоминаний, господин доктор, – проигнорировал его вопрос Колдун, а может, намеренно ушел от ответа. – После всего произошедшего барьер теряет стабильность.

Он посмотрел на Элю, перевел взгляд на Миху. Улыбка тронула уголок рта, он подмигнул Мишке:

– Но на прощание барьера еще хватит. Давайте не забывать, что наши воспоминания – это и наше счастье! У вас есть возможность прожить счастливые моменты заново, господин доктор. Не отказывайтесь! Редкая возможность!

– И не думаю отказаться! – голос Мишки внезапно сел и вынудил его откашляться. – Что же я увижу?

– Не увидите, господин доктор, а проживете! – с укоризной заметил ему Колдун, вытягивая обе руки вперед и вверх, и прорывая радужную пленку барьера. – Вы уже человек опытный в наших делах! Почувствовали разницу!

.....

Сначала было блаженство. Чистое блаженство, покой и защищенность. Он плыл сквозь эти чувства в теплоте папиных рук, поднятый над папиным сияющим лицом, и сам расплылся в счастливой улыбке.

А потом его закружила музыка. Его любимая музыка. Все любимые песни зазвучали одновременно, но и по отдельности, каким-то непостижимым образом не мешая друг другу, наоборот, усиливая и оттеняя звучание каждой из них.

Музыка налетела на Миху пенящимся нотами валом, и понесла в себе в космос, напоенный теплом и безмятежным полетом, чтобы схлынуть и оставить его кружиться в танце

первой любви, заново жить ее волшебством, ударами сердца, таинством проникновения и причастием ее страстного крика. Кружиться с ней в вальсе взгляд в взгляд...

И вот он уже кружится, держа в поднятых руках свою маленькую дочку, свою Росинку. Голова его закинута, радость переполняет и бьет через край сиянием глаз. В ее ответном взгляде он читает покой, ощущение полной защищенности и чистое блаженство...

Он понимает, что это те самые чувства, с которыми он смотрел на своего отца, плывя на его руках над его головой.

И с осознанием этого все салюты, фейерверки и пылающие фонтаны огней, которые он успел увидеть за всю свою жизнь, прогремели заново, самыми красивыми своими залпами, заполнив сверкающими разноцветными сполохами всю Вселенную без остатка...

Миха рыдал, рыдал хрипло и тоскливо, как могут плакать только не молодые уже мужчины, раскачиваясь и с длинным стоном выдыхая воздух. Он не видел ничего вокруг, и не понимал, что они вернулись из мира воспоминаний в странный мир кабинета Колдуна. Он не знал, что рыдать он начал еще там, в воспоминаниях, испустив полный безысходности, тоскливый вой.

Не знал и, наверное, не узнает никогда, как, несмотря на страшный окрик Колдуна, Эля слетела со своего кресла и ступила на зыбкую трясину пола. Он не видел, как трясина поддавалась под ней, готовая поглотить навсегда, как пот покатился ручейками, а потом сплошным потоком по лицу Колдуна от усилий удержать ее на поверхности.

Не видел, как Эля зависла на долю секунды в нерешительном равновесии над невидимой бездной, но все-таки вырвалась и оказалась на его ложе.

Он не чувствовал, как она обвилась вокруг него, шепча слова утешения, любви, ласки, полные тепла, сочувствия.

И, конечно, он никогда не сможет вспомнить, как он

зарылся в нее мокрым лицом, скорчившись в попытке стать меньше, и срывающимся голосом просил Колдуна выключить все это и никогда больше не включать, никогда больше не проживать прошлое, как настоящее...

.....

В кабинете было, как всегда, свежо, и в воздухе стоял легкий аромат цветущих кустов жасмина. Миша вздрогнул, отнял руки от лица и непонимающим взглядом посмотрел вокруг.

– Когда мы успели вернуться? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

– Только-только, – ласково ответила Элька.

Он дернул головой, моргнул и пристально посмотрел на нее:

– А почему ты рядом со мной? На моем, – он бледно улыбнулся, – ложе?

– А у тебя закружилась голова, уже после нашего возвращения, ты немножечко потерял сознание на минутку, и я к тебе скакнула, – безмятежно ответила Элька.

– Что-то я этого не помню, – протянул Мишка.

– Солнце, ты же доктор! – Элька пожала плечами. – Легкая ретроградная амнезия, сам подумай!

Мишка помассировал лицо и с изумлением воззрился на руки, перевел взгляд на Эльку:

– Я что – плакал?! – удивление пополам со смущением в голосе.

Колдун кашлянул, прочищая горло, наткнулся на бритвенный Элькин взгляд и посчитал за лучшее промолчать.

– Нет, любимый, что ты! – Элька покачала головой, – я просто опрыснула лицо холодной водой.

– А почему у тебя кофта мокрая? – недоверчиво склонил голову набок Мишка.

– Пролила на себя в спешке... Это что – допрос, любимый? – Элька несколько раз хлопнула веками, уставившись на Мишку бездумным и чистым кукольным взором.

– Ладно тебе! – Мишка смущенно улыбнулся. – Спросить нельзя?

– Ну-с, с возвращением из мира воспоминаний! – прервал их диалог Маг. Он подошел к камину, снял с полки сигарный хумидор, придирчиво прошуршал сигарами, и начал неспешный ритуал раскуривания. В багровых отсветах огня его лицо казалось осунувшимся и усталым

– Спасибо! – пробормотал Миха.

Он осторожно сел, спустил ноги на пол и встал. Кабинет качнуло, Мишку повело чуть в сторону, замутило, но ничего, отпустило. Он с облегчением выдохнул и улыбнулся Эльке:

– Все в порядке, малыш!

– Да? – усомнилась она, приподняв бровь. – А чего побледнел?

– Чуть голова закружилась, уже прошло!

Дверь кабинета распахнулась, в комнату впорхнула Нина. Теперь на ней был синий рабочий комбинезон. На левом нагрудном кармане стоял черный штамп "Грузчики", на правом черным же цветом была оттиснута надпись "Бригада Комунистичего куда?".

Колдун поперхнулся дымом и закашлялся, на лету успев подхватить выпавшую изо рта сигару.

Мишка переглянулся с Элькой, и оба синхронно приснули со смеху.

– Вызывали? – спросила Нина грубым голосом, шмыгнула носом. – Чаво? Кушетки утащить, кресла притащить, так?

Колдун досадливо поморщился и молча махнул рукой, как бы говоря: "Да-да! И проваливай отсюда, побыстрей!".

Нина расторопно подхватила оба шезлонга, бесшумно исчезла с ними в дальнем углу кабинета, темноту которого не мог рассеять огонь камина. Чем-то там глухо звякнула, и

возникла из темноты вновь, катя перед собой два элегантных до воздушности, уже знакомых нам черных карбоновых кресла "Mansory", под стать креслу Колдуна.

Кресла она поставила было перед письменным столом, в обычном стиле "хозяин – посетители", но Маг отрицательно помотал пальцем, выкатил свой трон из-за стола, и расположил все три кресла кружком, а-ля миникруглый стол "мы одной крови, ты и я".

– Я могу идти? – поинтересовалась Нина.

– Да. Но вскоре понадобится, – ответил Маг.

Нина ответила военным кивком и открыла дверь.

– Нина! – окликнул он.

Она остановилась в дверях.

Колдун отбил пальцами сухую короткую дробь по спинке кресла, принял некое решение, и добавил:

– Нина, я думаю, пришло время начинать Отсчет.

Нина замерла, как застывает человек, пораженный только что услышанным. Затем медленно и аккуратно прикрыла дверь, постояла еще несколько мгновений спиной к ним, то ли собираясь с мыслями, то ли приводя в порядок свои чувства, и лишь после этого повернулась и посмотрела на хозяина.

– Сир, вы желаете, чтобы я оповестила участников? – из голоса исчезли напускное фиглярство, легкая ироничность, на грани фамильярности, с которой она до сих пор позволяла себе обращаться к боссу. Да и внешний вид ее изменился: исчезла из облика верткая расторопность прислуги, показная деловитость секретарши, как, впрочем, и женственность в целом.

Сейчас перед ними стоял в ожидании приказа опытный, не раз побывавший в деле адъютант.

Элька метнула быстрый взгляд на Миху – заметил ли он? Муха в ответ утвердительно прикрыл глаза и коснулся двумя пальцами плеча.

Элька, в отличие от него никогда не ходившая в "милуим",* и вообще крайне далекая от армии, нахмурила брови, не понимая жеста, но быстро сообразила – погоны! Мишка так обозначил погоны! Он хотел так передать ей, что Нинка оказалась совсем не проста, и сама в чинах.

– Нет, – Колдун сел в кресло, держа спину безукоризненно прямо. – Оповещать преждевременно. Проверьте, где находится каждый из участников. Удостоверьтесь в их быстрой доступности, буде в таковой возникнет надобность. Подтвердите наличие, состояние и готовность средств связи. На данном этапе все.

– Рада исполнить, сир, – ответила Нина, и, бросив взгляд на "подопечных", как она назвала господ врачей, спросила:

– Сир?

– Я сам.

– Очень хорошо, сир. – Нина по-военному кивнула, словно отдавая честь, виртуально щелкнув каблуками, и вышла.

– Прошу вас, присаживайтесь, – Колдун радушным жестом указал на кресла перед собой.

К креслу вполне было применимо избитое выражение "и оно приняло их в свои объятия". Оно не скрипнуло, не напряглось неприветливо, сидениеสปружило насколько надо, а спинка упруго поддержала, ровно насколько нужно.

Кончик сигары зажегся багровым углем – это Колдун, собираясь с мыслями, глубоко и длинно затянулся дымом, скрываясь от господ врачей за дымовой завесой.

– Не хочу показаться излишне дидактичным, но все-таки считаю необходимым вкратце напомнить основные вехи нашего разговора, – прервал он затянувшееся молчание.

– Кем, простите, не хотите показаться? – поинтересовалась Эля.

– Занудным, – ответил за Мага Мишка.

* военные сборы (иврит)

Маг недовольно кашлянул, но решил не обращать внимания на детские шалости.

– Помните, мы говорили о людях и...

– ...Пара-людях, – перебила его Элька нетерпеливо. – А еще, если вы помните, мы начали вовсе не с этого. Мы пришли к вам в отчаянии от непонятной, сразившей нас внезапно болезни.

Она наклонилась вперед:

– Правильнее сказать, я нас сюда притащила, поняв, что с нами не все чисто. Что-то произошло мистическое...

Она потрясла разведенными руками от недостатка слов:

– ...Нечто, выходящее вон из обычных медицинских рамок.

– Да, я помню, – кротко сказал Маг, – порча. Кто-то наслал на вас порчу. Так вы решили.

– Да, – подтвердил Миха. – Но по вашему мнению, – он чуть скривил иронично губы, как бы желая отстраниться от сказанного, – речь шла о проклятии.

– Речь идет... – Колдун согласно смежил веки, – речь и шла, и продолжает идти о проклятии. Более того, о смертном проклятии.

Прикрытые глаза резко распахнулись, и он заключил их в ловушку своего взгляда:

– Не так ли? Исходя из ваших же собственных ощущений?

При этом напоминании Элька болезненно содрогнулась, а Миха рефлекторно поднес руку к груди, закусив губу.

– И поскольку одно тесно связано, можно сказать, переплетено с другим, я прошу дать мне закончить.

– Конечно, – Миха положил руку на коленку Эли, улыбнулся в ответ ее напряженному взгляду. Она улыбнулась в ответ. С грустью, но напряжение в ее глазах чуть спало. Он ласково потрепал ее по ноге:

– Продолжайте!

– Да, госпожа доктор, люди и пара-люди...

Он запрокинул голову вверх, уносясь мыслями в неизмеримо далекое прошлое.

– ...Божьи Искры и пара-люди – гибриды между ними и между собой. Бесчисленное количество гибридных форм между представителями всех пяти человечеств и гибриды с гибридами.

Колдун задумчиво посмотрел на них, опустив голову на переплетенные пальцы рук. Его тень в отблесках камина и огня свечей, казалось, жила на стене своей жизнью, независимой от хозяина.

Мишка вздрогнул. А может, и не казалось?

Может, тень головы самостоятельно подвигала мощным утесом носа вверх-вниз? Да нет, наваждение какое-то, отмел он эту мысль, опасливо покосив глазом в сторону Эльки. Нет, сидит спокойно, слушает, померещилось ему, слава Богу!

– Как вы понимаете, скрещивание происходило интенсивнее всего в местах соприкосновения ареалов обитания. Гибриды оказывались слабее исходных форм, и, конечно, погибали. Но чаще всего они были сильнее, унаследовав от прародителей их лучшие стороны, и все больше теснили чистую, первоначальную породу, пока она не исчезла с лица Земли.

– Всегда? – спросила Элька. – Во всех случаях чистая первичная порода исчезла?

– Bravo, госпожа доктор! – Колдун восхищенно сверкнул глазами, сдвинул ладони, обозначив аплодисменты. – Это случилось во всех случаях, кроме одного. Все человечества смешались, под эгидой Божьих Искр, которые внесли в мир мораль и этику. Внесли в мир Душу, на которой он и зиждется. Почти всех объединили Божьи Искры.

Он покачал головой, а Миха проследил незаметно за движениями его тени на стене, вздохнув с облегчением – повторяет движения хозяина, как и положено добропорядочной тени.

– Объединили всех, кроме одного. Неандертальцы частично не смешались. Осталась ядро чистой породы. Теснимая со всех сторон "человеком современного анатомического типа" и своими же гибридами, она уходила вверх – высоко в горы, и вглубь – в недра пещер.

Уходя, чистые неандертальцы совершенствовались, приобретали новые навыки. Они становились все малочисленнее, но и все сильнее, все изощренней в битве за выживание...

Маг встал, прошелся по кабинету, заложив руки за спину, остановился у стола:

– И гибриды, которые образовывались в результате скрещивания неандерсов с человеком современного анатомического типа, с Божьими Искрами, тоже необычны и весьма опасны.

Нос его скорбно качнулся:

– Вы с ними были знакомы не понаслышке, прожили с каждым из них многие годы. А теперь хорошо представляете себе их энергетическую сущность.

Быстрый, сочувственный взгляд:

– Я говорю о Рачительном Хозяине и Носферату, как вы сами понимаете. С Клещом вы – слава Творцу! – не столкнулись, хотя у господина доктора, продолжи он свой бизнес, были бы все шансы.

Два печальных кивка – да, хорошо понимаем.

– Только сейчас ваши ученые начали задаваться вопросом – а кто они, собственно говоря, были – неандертальцы? А, раз задавшись, приходят к неутешительному выводу – понятия зеленого не имеем, господа! Да-с!

И он сокрушенно развел руками, показывая глубокое сожаление господ ученых наших.

– Теории о цивилизации неандертальцев плодятся, словно мухи, схватываются одна с другой не на жизнь, а на смерть. Только побеждает одна, как появляется на свет новая, уничтожающая победителя!

– Это значит, доказательств нет никаких, – проворчал Миха. – Пиши, чего хочешь.

Маг поднял вверх указательный палец, потрясая в воздухе:

– Именно так, господин доктор!

Он хлопнул ладонью по столу, и тот отозвался гулким пушечным эхом.

"Ничего себе, силенка!" – уважительно подумал Мишка, а Элька подскочила от неожиданности.

– Прошу прощения за несдержанность, – Маг отвесил Эльке короткий полупоклон.

– Что вы, господин Маг, пустяки, – улыбнулась Элька.

Тем не менее, он отошел от стола, вернулся в кресло, и после этого продолжил:

– Простой пример – на сегодняшний день пришли к согласию, и верному, позволю заметить, согласию о небольшой численности неандертальцев – их никогда не было больше, чем несколько десятков тысяч.

Он наклонился вперед и заметил язвительно:

– А как же такая небольшая по своей численности популяция смогла просуществовать столько тысяч, если не сотен тысяч лет? За счет каких таких особых качеств?

Откинулся назад, скривив губы в ухмылке:

– А скажу вам по секрету, такие качества были!

Покашлял, видимо, от долгого рассказа пересохло горло. Тотчас распахнулась дверь и появилась Нина с подносом с тремя запотевшими стаканами воды.

"За дверью, что ли, караулила в ожидании?" – подивилась про себя Элька, а вслух сказала:

– Нина, деловой костюм вам необычайно к лицу.

Нина успела переодеться: пиджак в талию, юбка, прикрывающая колени, белая блузка, черные классические лодочки. Волосы забраны в тугой пучок, заколотый длинными шпильками.

– Благодарю, мадам, – сдержанно ответила Нина, расставляя бокалы.

Она изменилась не только внешне. Исчезли нарочитый простоватый говор, напускная ярмарочная клоунада. Пропала угловатость и неуклюжесть движений. Сейчас она походила на большую, хищную и очень опасную кошку.

Кивнула Магу, но без фамильярности, словно в ожидании приказа, и исчезла, не получив его, будто испарилась. Если бы не легкий хлопок двери, Миха мог бы поклясться, что так оно и было.

Колдун опрокинул в себя полный стакан ледяной воды махом, словно хлопнул стопку. И продолжил:

– Достижения неандертальцев были весьма значительны. Искусные охотники, они жили в полном единении с природой. И постепенно добились, за счет этого единения, превосходства над ней. Их охотничьи навыки выросли от простого знания привычек и уклада жизни животных до понимания их психологии, и далее – к чтению их мыслей.

Он обвел их взглядом:

– Да, господа врачи, неандертальцы обладали выраженными телепатическими способностями. Могли общаться друг с другом на больших расстояниях. Со временем появились специальные индукторы – индивиды, усиливающие телепатическую передачу, не давая ей рассеяться. Таким образом, сеть охватила всю популяцию. Мгновенный интернет, без браузеров, вай-фая и прочих ненужных деталей. Коллективное знание в прямом доступе.

Камин потрескивал, взлетали искры, отсветы пламени танцевали на стекле люстры, латуни маятника старинных напольных часов. Багровый неясный свет прятал в тень половину лица Мага, и только глаз, сверкающий из темноты, напоминал о ее существовании.

Тень мощного торса Колдуна на стене, казалось, сбросила покровы цивилизации, и в неровном мигающем свете полень-

ев разминала бугры мышц, скрытые до поры пленкой современной одежды.

– И конечно, коллективная память лучше любого хард-диска хранила информацию, передавая ее по наследству и собирая в копилку каждое новое знание... Еще немного терпения, госпожа доктор! Непосредственное отношение, самое непосредственное!

Колдун приложил палец к губам, предвосхищая ее вопрос «какое это имеет к нам отношение?» еще до того, как она успела открыть рот.

– Как я уже сказал, – продолжил он, – неандертальцы жили, сроднившись с Природой, чувствуя ее движения, ее подспудные силы. Они могли впитывать ее сырую магию. А с веками развили способности к ее применению. Научились облекать ее в различные формы, управляя потоками энергии лечить болезни, наводить порчу и снимать ее. Позже развились способности к мгновенному высвобождению узконаправленных энергетических лучей.

– Если я не ошибаюсь, – вставил Миха, качнувшись в кресле, – мгновенное высвобождение энергии называется взрыв.

– Да, вы правы, – кивнул Маг, – взрыв! Одна из форм боевой магии. Немедленное уничтожение противника.

Он задумчиво потеревил подбородок:

– Надо понимать, что применение чревато определенными проблемами – никак не выдать за несчастный случай, а тем более за естественные причины. Да-с!

Он перевел взгляд с одного лица на другое. Их глаза застыли неподвижно – догадались, что он сейчас скажет.

– Как вам и самим стало ясно, одной из форм боевой магии являются смертные проклятия. Крайне эффективное средство вне зоны боевых действий!

Он откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу. Врачи не шелохнулись, слушали напряженно.

– Начало проявления отсрочено от момента воздействия, как мина с часовым механизмом, поэтому трудно увязать с конкретным лицом, его применившим. То есть, недоказуемость. Второе – его высокий разрушительный потенциал. Не зная конкретного противодействия, его невозможно обратить...

– А вы – знаете? – рывком подалась вперед Эля.

Колдун жестом остановил ее:

– Секунду, госпожа доктор! Все по порядку, и все в свое время, иначе не сможем добиться результата.

Миха настороженно прищурился – объяснение получилось туманным и... неискренним? В бизнесе такие разъяснения звучали для него предупреждением: "Внимание! Нас хотят нас... извините, развести!". Но тут, правда, не бизнес, тут совсем другое дело...

Миха поколебался, но решил все-таки посчитать тревогу ложной.

– Вернемся пока к неандертальцам.

Он сокрушенно покачал головой:

– Они осознали себя, как единое целое. Сообщество, в котором благо рода стоит несоизмеримо выше блага отдельного, ничтожного члена. И поступки, поведение этого ничтожного члена продиктованы исключительно целесообразностью его для рода. Идеальный клан, господа врачи, идеальный!

Голос его набирал силу, и конец тирады отозвался испуганным резонансом в бокалах.

– На этом этапе, – Колдун скосил глаз на бокалы и понизил голос, – неандертальцы осознали себя как силу, призванную подчинить себе все остальные виды людей и создать единое человечество. Но... возникли проблемы!

Колдун строго посмотрел на них, словно в этих проблемах была и доля их вины:

– Выяснилось, что неандертальцы не могут скрещиваться с другими видами людей, и единственный путь объединения состоит в уничтожении всех остальных, – он криво усмехнулся, – "родственников". Что, собственно говоря, не представляло никаких сложностей. Нет этики, нет морали, нет и внутреннего запрета на уничтожение себе подобных. Все диктуется лишь голым разумом, прагматизмом и целесообразностью. Так бы все и произошло, в сжатые, как говорится, сроки. Но тут, дамы и господа...

Колдун выдержал театральную паузу и продолжил:

– ...на сцену неожиданно вышел новый лидер – человек современного анатомического типа.

Он указал на них жестом конферансье:

– Появились – прошу любить и жаловать! – вы, Божьи Искры! И, – он потряс перед собой сплетенными между собой руками, – сразу новый фаворит устремился вперед. Устремился благодаря, как вам уже известно, полученному невероятному дару – Душе.

Он возвел глаза к невидимому небу над домом:

– Душа, ведь, – это не только способность воспринимать энергию эфира и переводить ее в нужные формы. Это – самое важное! – и свобода выбора, возможность решать, что хочу именно я, а не коллективное мое начало. Это врожденный этический комплекс, знание, что такое хорошо и что такое плохо, не требующее логических подтверждений, ибо дано нам изначально свыше.

Он опустил взгляд на них, и Эле показалось, что полумрак комнаты прижался к ее стенам – столько было в его глазах внутреннего света:

– А это знание и есть вера в неизбытность этого высшего изначального...

Свет во взгляде померк, и сумрак комнаты, вильнув своим темным хвостом, с радостью вернулся на место.

– Божьи Искры несли с собой любовь, свободу, мораль и

этику. Они несли с собой Веру. Веру в высшее Начало. И это объясняет ту легкость, с которой человек современного анатомического типа распространился по всей планете, смешиваясь с другими человечествами, объединяя их в одно целое...

– Но! – левый указательный палец подчеркнул экспрессивно мощь этого неожиданного "но". – Оказалось, что есть одно "но"...

– Неандертальцы? – тихо спросила Эля.

Поглощенная рассказом, она свернулась калачиком в кресле, скинув туфли и подперев щеку рукой, не отрывала взгляда от Мага.

– Да, – с грустным вздохом подтвердил он, – неандертальцы...

Прищурил глаза, поджал губы:

– ...Представьте себе, господа врачи! Вы создали целую могучую цивилизацию. Вы умеете в определенной степени управлять природными силами, обращая себе во благо. Вы считаете себя, безусловно, высшими существами, призванными установить на планете порядок и единообразие. И если для этого понадобится искоренить другие виды – что ж! Ничего не попишешь – высшее благо!

– Лес рубят – щепки летят, – заметил ехидно Миха. – Орднунг! Арбайт махт фрай!

Маг с сомнением покачал головой:

– Я думаю, здесь все намного глубже... Вдруг выясняется, что вы ошиблись! Вы не есть вершители судеб, а всего лишь подсобный строительный материал! И из этого материала, сиречь из вас, ваш неумелый сосед, которого вы как раз собрались определить подметать двор, неожиданно получил неограниченные полномочия, и будет лепить мир по заданному ему образу и подобию!

Он бросил взгляд на их лица, в горящие мыслью глаза, напряженно впитывающие информацию, и остался доволен.

– Гнев, горечь обиды и злость за несправедливое, лишенное логики решение вполне может обуять вас! Неисповедимость путей ведь можно считать просто признаком глупости или симптомом болезни Альцгеймера, не так ли? А если авторитет поставлен под сомнение, то его больше нет! Необходимо устранить ошибку... Война, дамы и господа! Только так восстановим справедливость! Только так!

Он замолчал, дав им возможность осмыслить сказанное.

Тишина, лишь шуршание рассыпающихся угли прогоревших поленьев, да чуть слышный ход напольных часов в углу кабинета.

– Господи Всемогуший! – ахнула Эля, потрясенная своим открытием, и накрыла рот ладонью. – Вы же говорите... это же пересказ... вы хотите сказать – Падшие Ангелы?! Неандертальцы – это уничтоженные за бунт Падшие Ангелы?!

– Это же миф! – следом за ней воскликнул изумленно Миша. – Вы нам рассказали историю происхождения Падших Ангелов?!

– Судить вам, господа врачи, – сухо улыбнулся Маг, – история это или миф! Как бы то ни было, бунт был подавлен.

– Надо полагать, жестоко подавлен? – спросил Миха.

Элька недовольно взглянула на него, досадливо нахмутив брови.

– Надо полагать, господин доктор, – коротко кивнул Маг, смотря в сторону. Кашлянул коротко. Продолжил:

– И тем, кто остался в живых, пришлось подчиниться и открыть свои границы. Но подчиниться и смириться – вовсе не одно и то же, господа врачи! Гибридные формы с неандертальцами, как я уже говорил, получились особыми – хищными, прагматичными, в большой степени лишенными моральных и этических установок. Чем ближе они к неандерам, тем сильнее их паранормальные способности.

Он посмотрел на них со значением:

– Но гибриды были прикрытием, дымовой завесой,

способом выиграть время для чистой породы, отступить, реорганизоваться, скрывшись высоко в горах или глубоко в пещерах. Неандертальцы не исчезли, лишь ушли на время.

Он выпрямился в кресле. Спинка кресла с безукоризненностью вышколенного слуги последовала за ним.

– А тот, кто ушел, может постучать во входную дверь: "Тук-тук! Я вернулся!". А может ведь и отпереть ее своим ключом, и войти, не спросившись, не так ли?

– Да, если замок не меняли, – нервно усмехнулся Мишка.

– Вы предлагаете заменить весь генетический код? – довольно язвительно поинтересовался Колдун, и отмел взмахом руки такой вариант. – Нет уж, благодарю покорно!

– Скажите, пожалуйста, – грустно и тихо, почти прошептала Элька. – Если мне, конечно, дозволено спросить: а почему этот дар, Душу, не дали неандертальцам? Может, они были более достойны этого дара, чем...

Сказать "чем мы" казалось ей нескромным, но она нашла:

– ...чем человек современного анатомического типа, Homo sapiens sapiens?

– Хороший вопрос! – склонил голову Маг в знак уважения. – И вы, безусловно, не только вправе его задать, но и получить на него ответ.

Они переглянулись. Мишка подмигнул ей – круто! Элька приподняла кокетливо брови, изящно качнув головой.

– Разве такой дар, как Душа, можно дать? Навязать? – Маг посмотрел пристально на Элю: – Дар, который на самом деле еще и тяжелое бремя? Груз ответственности? Дар, который можно воспринять как наказание?

– Бремя белого человека. Редьярд Киплинг, – съязвил Мишка. Правда, шепотом. Но Колдун, конечно же, услышал!

– Господь с вами, господин доктор! – отрезал он сухо, развернувшись всем телом к Михе. – Никакой связи с цветом кожи, ясно? Н-и-к-а-к-о-й! И с вероисповеданием тоже!

– Хорошо, хорошо! – Миха примирительно поднял руки, – сдаюсь!

Колдун издал тихий, но сложный горловой клекот. А Эля грозно шикнула на Миху.

– Все – все! Молчу! – он опустил голову, как бы приняв позу величайшей покорности, а на самом деле, чтобы скрыть искры смеха в глазах.

– Такой дар нельзя навязать, пусть даже и высшей волей, – продолжил Маг после глубокого выдоха. – Его можно только предложить.

– Свобода выбора, – кивнула Эля. – Понимаю. И почему его, то есть дар, не предложили...

– Что вы, госпожа доктор! – произнес Маг с мягкой укоризной, и грустно улыбнулся. – Неандертальцам его предложили в первую очередь.

– И?! – ошеломленно воскликнули одновременно оба, подавшись вперед. У Михи пропал и намек на шутливость.

Маг развел руками:

– Они его отвергли. Посчитали наличие Души признаком слабости, мягкотелости. Свобода выбора означает потерю времени в спорах и дебатах перед лицом опасности, снижает боевой потенциал и не дает принимать быстрых и эффективных решений перед лицом потенциального противника, то есть остального мира. Мораль и этика – понятия не только начисто лишённые ценности, но и опасные для выживания вида.

Он замолчал на секунду, то ли собираясь с мыслями, то ли ушел в воспоминания. Взгляд его описал рассеянную кривую и упал на камин.

Эля вздрогнула – глаза Мага стали багровыми, словно сплошь залитыми кровью. «Нет, нет, – успокоила она саму себя, – это всего лишь отблески пламени, отблески – и ничего больше».

– Итог обсуждения, уместнее будет сказать – вердикт, – вернулся Маг к разговору, и голос его был полон злой иронией, – был вынесен неандертальцами очень быстро и являлся окончательным.

Он пристально посмотрел на них:

– Предложение принять Душу и связанные с этим обязательства является абсурдным, более того, оскорбительным для всего рода, поскольку ослабляет его. Род неандертальцев не нуждается ни в таких предложениях, ни в каких-либо других.

Пауза, словно он сосчитал до трех, стараясь взять себя в руки:

– Такое, – губы искривились в злобной усмешке, – "мягкотелое" предложение. Да, да, господа врачи! Именно так они изволили выразиться.

Голос его уже грозно урчал низкими тонами, ноздри хищно раздулись, словно обоня свежую кровь.

Господа врачи застыли, боясь пошевелиться, или поднять на него взгляд. Эля, правда, скользнула тихонько рукой к Михе, он ее крепко сжал и не отпускал.

– Такое мягкотелое предложение, – повторил он, – не может иметь своим источником высшее начало. Соответственно, род неандертальцев достаточно могущественен и разумен, чтобы в дальнейшем обходиться без подобных вмешательств, и намерен их пресекать. Дальнейшую судьбу развития рода человеческого, сиречь неандертальцев, они в состоянии решить сами. Конец цитаты.

Колдун умолк. Тишина наступила полнейшая. Миха кашлянул, рискнул оторвать взгляд от пола и посмотреть на него.

Колдун был совершенно спокоен, невозмутимое выражение лица вернулось в полной мере, руки скрещены на груди.

– Да, господин доктор? – он благожелательно улыбнулся, подняв брови и приглашая к беседе.

– Я бы сказал – чванливость и зазнайство непомерное, – заметил Миха.

– Да, – согласился Колдун, – для этого есть точное определение...

– Гордыня, – голос Эльки чуть дрогнул, – так это определено в Завете.

– Абсолютно верно, госпожа доктор! – кивнул ей Маг. – Грех гордыни. Смертный грех. И непростительный. Неандертальцы сами определили свою судьбу.

– Их выбор. Свободный выбор, – желчно усмехнулся Миха.

– Не могу с вами поспорить, господин доктор! – Колдун вздохнул. – Ну-с, пожалуй, хватит с нас отвлеченной истории рода человеческого. Перейдем к практическим ее аспектам, имеющим непосредственное значение для вас, две Божьи Искры, соединенные в пару.

– Что же так высокопарно, – Миха улыбнулся. – Каламбур получился: "Высокопарная пара".

– Вас высокопарными не назовешь, – улыбнулся Колдун. – Неужели вы в и самом деле объясняете все с вами происходящее простым стечением обстоятельств?

– Ну-у... – Миха описал руками в воздухе неопределенную фигуру. – Иногда появляется некое чувство предопределенности, предрешенности, как будто тебя несет поток по заранее выбранному руслу. Мы с Элькой много говорили на эту тему.

– Я попробую объяснить, не возражаете? – предложил Маг.

Они пожали плечами.

– Нет, не возражаем, даже наоборот, – ответила Эля за обоих.

Колдун помассировал правое плечо, размял, закусив губу, мышцы предплечья.

– Старые шрамы? – посочувствовала Элька.

– Да, ноют, – поморщился он. – Обычное дело перед смелой климата.

– Да, – солидарно кивнул Миха, – у меня поясница тоже так реагирует на хамсин...

– Нет, господин доктор, – усмехнулся Колдун, – я имею в виду перемену климата, а не погоды. Например, смена магнитных полюсов Земли. Явления такого масштаба.

– Да? – Мишка встревоженно выпрямился в кресле. – И когда же нам ожидать?

– О, – успокаивающе махнул рукой Колдун, – пусть эта проблема вас не тревожит. Есть еще время. Уверю вас, его вполне достаточно, чтобы не волновать вас.

Мишка бросил на него недоверчивый взгляд, но промолчал.

– Вы, надеюсь, помните предназначенье Божьих Искр? – вернулся Маг к теме разговора.

Они кивнули – помним.

– Отлично! А что происходит, если две Божьих Искры находят смысл жизни одна в другой?

Пожали плечами – откуда нам знать?

– Они замыкаются между собой! – Колдун обозначил руками в воздухе шар. На долю секунды им показалась, что поверхность шара вспыхнула переливом цветов, словно радужный мыльный пузырь воспоминаний Миши, но шар исчез, словно не было.

– Вся вырабатываемая ими энергия циркулирует между ними. Замкнутая среда. Им никто более не нужен.

– Замкнутый контур, – прошептала Элька.

– Простите? – повернулся к ней Колдун.

– Я называю это состояние замкнутый контур, – отрешенно повторила Эля, и лицо ее озарилось внутренним светом. – Состояние полного покоя, нирвана. Приникаешь друг к другу...

Она моргнула несколько раз, возвращаясь в реальность, и с удивлением воскликнула:

– А ведь действительно есть такое чувство, что тебя кружит, словно в водовороте!

– Конечно, – Маг скрестил руки на груди. – Это настоящее таинство обмена эфирной энергией. Мало кто познал это, но тот, кто познал, сумел точно отобразить суть одной простой эмблемой... Инь и Ян.

– Ой, – девчонка проснулась в Эльке, распахнула удивленно глаза. – А ведь правда! Инь и Ян! Как точно!

– Да, точно, – согласился Колдун. – Но это означает, что предназначенье Божьих Искр утрачено. Они не несут более энергии во внешний мир. Нет этических и моральных постулатов. Торжество хаоса! Этого допустить нельзя!

Тишина, повисшая в комнате, была настороженной и опасной.

– Вы хотите сказать, что мы не должны быть вместе? – сухим и острым, как ветер пустыни, голосом осведомилась Элька.

– Нет, госпожа доктор, – поспешил внести ясность Колдун, – наоборот! Надо уметь читать послания, лежащие меж строк жизни. Вам суждено быть вместе.

– Скажите на милость! – фыркнул язвительно Миха. – Суждено... а где, позволю спросить, свобода выбора, наше решение, случайное совпадение обстоятельств, в конце концов?

– Выбор вы сделали сами, если не ошибаюсь.

Миха решительно кивнул, Элька посмотрела на него сияющими глазами.

– Соответственно и сами приняли решение. А относительно случайностей, я позволю себе напомнить ваше любимое произведение, в котором сказано, что и кирпич просто так на голову не падает. И все это стечение обстоятельств каким-то чудесным образом пошло вам только на пользу...

Мишка поперхнулся от возмущения:

– Да неужели?!

– Да, да, господин доктор, не спорьте! – Колдун погрозил пальцем, как бы в шутку, но улыбки ни у кого не вызвал.

Все замолчали. Миха и Элька задумались, а Колдун – что бы дать им на это время.

– Ну хорошо, – нарушил тишину Миха, хлопнув решительно себя по ногам. – Какое это имеет для нас практическое значение? Классический вопрос – что делать? У вас, надеюсь, после всей, э-э... после всего... – он пошевелил пальцами, подбирая дипломатический эпитет, и нашелся, – всего комплекса обследований уже есть решение нашей проблемы?

Колдун задумчиво потерял кончик носа:

– Как правило, чтобы успешно решить проблему, надо иметь необходимое число вводных...

– А разве мы их вам не обеспечили? – нетерпеливо мотнул головой Мишка. Элька шикнула строго, одарив недовольным взглядом.

– Должны были обеспечить, – миролюбиво согласился с ним Колдун. – Но... имело место одно "но"...

Он поджал губы:

– Я должен признать, что не учел фактора изменчивости противника.

– А можно ли подробнее? – вежливо попросила Элька.

– Попробую, – охотно согласился Маг, комфортно располагаясь в кресле.

"Оп-паньки! – с тревогой подумал деятельный Мишка, которому эти велеречивые беседы надоели по горло. – Пора бы его поторопить. Направить в нужное русло".

– Прошу прощения! – он вежливо сложил пальцы домиком в подтверждение просьбы. – Тебе не кажется, Элька, что мы порядком засиделись... Который час, простите? – он обратился к Колдуну.

И тут же предупредительные напольные часы – только и ждали вопроса, скажите на милость! – наполнили комнату

тихим перезвоном, словно бриз налетел с моря и принес с собой отголоски далекого ленивого прибоя.

– Постойте, постойте, – оторопело пробормотал Мишка.
– Что-то у вас с часами...

Он автоматически бросил взгляд на штору, вспомнил, что окна за ней нет, и перевел взгляд на хозяина.

– До сих пор не было никаких нареканий – ход безукоризненный, – пожал плечами Колдун, и участливо поинтересовался. – А в чем причина вашего беспокойства, возьму на себя смелость спросить?

– Они пробили два часа! – Мишка схватил Эльку за руку.
– А пришли мы в двенадцать! То есть, либо мы тут находимся четырнадцать часов...

– Либо ровно два часа, – циферблат наручных часов Мага сверкнул красноватым отсветом камина. – Стандартное время моей консультации. Ничего необычного.

Миха погладил Элину руку, откинулся на спинку кресла, закинув ногу на ногу, и тонко улыбнулся Колдуну:

– Праздничную ночь не грех и продлить, не так ли?

– Сила воздействия печатного слова порой удивительна, согласитесь? – вернул улыбку Колдун, оставив вопрос без ответа.

Элька хихикнула и похлопала Мишку по руке:

– Учитесь, Киса, хорошо излагает!

Колдун одним плавным движением поднялся с кресла и оказался у каминной полки. Стоя спиной, провел знакомую до мелочей сигарную церемонию и повернулся к ним, уже в сизом облаке дыма.

– Господа врачи! – он выхватил сигару изо рта, и ее кончик темно-красной полосой прорезал дымовую завесу. – Я совершил грубую ошибку. И недооценил противника. Мне остается лишь признать непростительность своего проступка... глупость, если вам будет угодно...

– Ну что вы, господин Маг... – Элька подняла ладони

вверх, всем видом показывая протест, но грубый Миша ее остановил.

– Что случилось? – при этом вопросе его глаза непроизвольно сузились. "Хозяин, осторожно! Что-то мне тут чего-то не нравится!" – тяжело заворочалась, просыпаясь, верная интуиция.

Маг таким же плавным обратным движением вновь оказался в кресле.

– В последние несколько... – он запнулся, – скажем, в последние... – снова пауза, – за последний определенный период времени стали чаще случаться некие странности, – нашелся он.

– Если кто-то, кое-где, порой у нас честно жить не хочет, – фальшиво напел несносный Мишка. Колдун, видимо, не страдающий отсутствием слуха, скривился, но продолжил:

– В частности, появления ловцов воспоминаний приобрели чуть ли не массовый характер. Результат их работы заметен в первую очередь на политиках. Комментировать, надеюсь, не надо?

Колдун загнул мизинец левой руки. Облако сигарного дыма закружилось над его головой, приобрело очертания единицы и расплылось завитками.

– По всему миру стали множиться Носферату и Рачительные Хозяева, словно мухи! И они стали ненасытными, более хищными. Теперь им нужно значительно меньше времени для полного истощения своих жертв.

К мизинцу присоединился безымянный палец. А очередные клубы дыма поплыли по комнате цифрой "2".

– Появляются новые, неизвестные ранее гибридные формы, пользуясь врачебной терминологией, назовем их злокачественными. Чизла – яркий их представитель. Почему они стали появляться с такой частотой, что вызвало их появление и с какой целью? – он пожал плечами. – Пока все спорно и неясно. Но одно понятно – они абсолютно амора-

льны. Чизлы до предела циничны и прагматичны. И, похоже, их предназначение именно в этом и состоит. Преклонение перед деньгами. Чизлы несут с собой новую, а на самом деле старую, как мир, религию денег, она же «цель оправдывает средства». Они успешно реанимируют золотого тельца. Работая в паре с ловцами воспоминаний, уничтожают этику и веру. Удачный продукт, ничего не скажешь!

Загнут средний палец. Плывет по воздуху зыбкая цифра "3".

– Как результат – заметное и повсеместное уменьшение численности Божьих Искр. Их малое число с трудом удерживает мир в рамках морали и разума. Животное безумство прорывается из-под спуда циничным беззаконием, убийствами, вакханалией терроризма.

И указательный палец согнулся под тяжестью обвинений. Из колец сигарного дыма сплелась волнистая четверка, постояла чуть и растаяла.

Колдун задумчиво посмотрел на руку с оставшимся в одиночестве большим пальцем и перевел взгляд на Миху.

– Смерть – это слон бешеный и дикий... – прошептал он неожиданно и пронзительно.

Миха вздрогнул и посмотрел прямо в его глаза:

– Ужас наводящий, пеною покрытый, – подхватил он таким же странным шепотом.

У Эли мурашки побежали по коже.

– Слон с кровавыми и злобными глазами... Буммм! – пророкотал Колдун низким басом, тяжело резонировавшим в груди Эли.

– Господи Боже! Что это?! – произнесла она одними губами.

– А? – очнулся Миха, сумев оторвать взгляд от Колдуна. – А-а! – повторил он оторопело. – Это стихи. Американский поэт начала века... двадцатого века. Вейчел Линдзи. Не

думал, что их кроме меня еще кто-нибудь знает. Мне, например, папа читал.

– Ну-ну, – неопределенно сказала Эля. – Подходящая поэзия для ребенка, ничего не скажешь.

– Божьим Искрам объявлена война, – Маг покачал головой. – Вернее будет сказать, на Божьи Искры идет безжалостная охота. Уничтожение их – необходимое условие построения нового мира. И охота эта ведется организованно, по команде. А раз есть команда, есть и центр управления.

Большой палец медленно и тщательно был согнут. Колдун покрутил образовавшимся кулаком перед глазами и остался, судя по всему им доволен.

Сигарный дым над его головой закрутился небольшим смерчем. Из смерча вырвалась на мгновение цифра «пять», стала объемной, непрозрачной, приобрела багровый оттенок во вспышке пламени, вылетевшей из лопнувшего полена. Крутясь в воздухе, превратилась в четверку... "3", "2", "1"...

– Бумм! – Колдун, казалось, легко коснулся кулаком стола, но столешница загудела набатом, а ножки стола прогнулись с испуганным скрипом. – Неандертальцы возвращаются, дамы и господа! Они набрались сил, они стали умнее и коварнее, и они хотят получить свой мир назад.

Мишка почувствовал, как неприятный холодок пробежал по спине. С тревогой посмотрел на Эльку. Она подняла на него глаза и улыбнулась, но напускная улыбка не смогла победить страх в ее глазах.

"Так! – подумал Миха. – Хватит теоретической философии. Пора переходить к делу. Пусть уже снимет проклятие, и надо валить отсюда!"

– О. К. – сказал он вслух. – Это, я так понимаю, плохие новости. Есть хорошие?

– Хм, – хмыкнул Колдун, – ошибаетесь, господин доктор. Все вами услышанное до сих пор плохими новостями не являлось. Скорее, информацией к размышлению. Теперь же

мы переходим непосредственно к вашей теме.

Он задумчиво выдохнул, собираясь с мыслями, тщательно уложив нос на сцепленные для этого, как подставка, руки.

– Как я и предполагал, источник проклятия находился в вашем окружении и был выявлен мной достаточно легко и быстро, по результатам элементарного анализа ваших воспоминаний, господин доктор.

Он откинулся на спинку кресла и уставился вниз, покрыв большие пальцы рук, словно наматывая невидимую пряжу. Сигара нервно мерцала оттенками красного и черного. Огонь и уголь. Мороз и Солнце. День чудесный...

– После выявления источника надо было провести его идентификацию, иными словами – установить его энергетическую природу, его истинную, так сказать, суть. Здесь я столкнулся с интересным явлением.

Он снова плавно перетек из кресла в положение "стоя", и оказался спиной к камину.

Миха с тревогой следил за ним. Колдуна явно что-то смущало, беспокоило, и он не знал, как сообщить об этом своим "пациентам". Перехватил Элин взгляд, указал на Колдуна глазами, вопросительно поднял брови. Эля согласно прикрыла веки, а потом возвела взгляд вверх – нам ничего не остается, только ждать!

– Этим явлением была маскировка! – воскликнул Маг, экспансивно разведя руки в стороны. – Умение маскироваться само по себе заслуживает пристального внимания – это относительно новое качество, но с ним я уже довольно сталкивался в своей практике! – он досадливо махнул рукой, а сигарный дым заскользил вокруг него плавным кругом.

– Ничего особенного, складываешь потихоньку пазл из перепутанных участков энергетических линий, воссоединяешь в итоге утраченную целостность.

Дымные кольца, обвивавшие его, сломались, преврати-

лись в ромбики, прямоугольники, пазы одних вошли в другие...

– Ошибся? Ну и ладно, ничего страшного! – он посмотрел вверх, как бы призывая высшего свидетеля своей правоты. – Перебираешь куски заново, пока они не встанут в надлежащем порядке. Занятие нудное, но совершенно необходимое в нашем деле, и до сего дня, спешу заметить, не сулило никаких неприятностей или неожиданностей.

Он замолчал, руки в карманах брюк, качнулся с пятки на носок, крепко затянулся сигарой.

– Но! – выдохнул он, со значением покачав указательным пальцем. Дым постоял чуть столбом, покачался, да и свился из своих же колец в слово "НО?", иронично зависшее в воздухе. Колдун яростно развеял его взмахами руки.

– Но сегодня произошло нечто непредусмотренное, точнее, мною непредвиденное! – он сокрушенно покачал головой. – Вы сами все видели. Стоило мне только неверно соединить между собой две линии в поисках истинного энергетического скелета Чизлы, как – п-хх! – сигара ярко полыхнула, вылетел клуб дыма, словно облако взрыва, – и все испарилось!

Воцарилась недолгое молчание, прерванное Мишей:

– Может быть, я что-то недопонимаю, но давайте вернемся в мои воспоминания, выловим другую картинку с Чизлой, повторим попытку. А если и она сорвется, – Мишка горько улыбнулся, – не беда! У меня воспоминаний о ней – хоть отбавляй, с удовольствием избавился бы, хоть частично...

Он вздохнул, глаза отрешились от реальности завесой взгляда, ушедшего в прошлое.

Элька открыла, было, рот, но Маг прижал палец к губам, и потряс сложенными щепотью пальцами другой руки – характерный средиземноморский жест: "Подожди немного!".

Мишка открыл глаза. Посмотрел на Эльку; перевел взгляд на Колдуна; снова на Эльку:

– Странно, – протянул он недоуменно, – пытаюсь ее вспомнить, Чизлу, я имею в виду, и не могу! Точнее, вспоминаю, но как-то расплывчато, словно смазанная фотография. Словно ускользает из памяти, и все! Лицо нечетко, голос, интонации, какие-то... общие? Ничего индивидуального, никаких ее обычных повадок не вспоминается.

(Элин слух резануло это слово – "повадки", так, обычно, говорят о животных).

Он пожал плечами, да так и остался сидеть, задумавшись, – голова меж задранных плеч – похожий на нахохлившегося воробья.

Элька бросила тревожно-вопросительный взгляд на Мага. Он отрицательно качнул головой, как бы отметая в сторону ее волнения – не волнуйтесь, госпожа доктор, ничего с ним не произошло!

Мишка дернул недовольно щекой, повернулся к Колдуну:

– Постойте... если я не могу воссоздать в своих воспоминаниях образ Чизлы, причем, вдруг не могу! До недавнего времени ведь будто перед глазами стояла!

Он тряхнул головой:

– А сейчас, как в мутном зеркале.

Колдун молча сидел в кресле, по-военному прямо держал спину и, не мигая, смотрел на Миху. Только огонек сигары мерцал в медленном четком ритме.

На лице Михи медленно, как на фото в проявителе, стало проступать выражение тревожного понимания.

– Если я не могу ее четко вспомнить, после того как ваша, – он кивнул подбородком Магу, – попытка не увенчалась успехом, и образ Чизлы исчез. Не значит ли это...

Маг опустил голову вниз.

– ...невозможность получить ее точный образ вновь?

Он встрепенулся:

– Мы ведь можем вернуться вновь в мои воспоминания, – глаза Михи наполнились надеждой, – покопаться в них,

может, где и сохранился ее неповрежденный образ? Если поискать как следует, разве не так?

Он говорил очень уверенно, как человек, который хочет убедить себя.

– Обязательно ведь отыщем подходящий образец! Как иначе! Не могло ведь исчезнуть все без остатка. Найдем, второй раз уже в ту же ловушку не попадемся, и вскроем Чизлу, как консервную банку! И сможем остановить проклятие, разве нет?

Он попробовал улыбнуться, но улыбка вышла натянутой – видимо, и сам не очень-то верил в сказанное.

Колдун по-прежнему безмолвствовал. Выражение надежды на лице Михи сменилось печалью, а она уступила месту угрюмому принятию ситуации.

– Поня-ятно, – процедил он сквозь зубы, – значит, ничего не выйдет. Не осталось у меня в памяти полноценной Чизлы. Ушла, испарилась, самоликвидировалась.

– А раз так, – продолжал рассуждать вслух Миха, – значит, ее энергетическая суть останется для нас тайной.

Он бросил острый взгляд на Мага:

– Не так ли, господин Волшебник? – иронично процедил он.

Эле изменения интонаций не понравились совсем, и она следила за разговором со все возрастающей тревогой.

Ответа от Колдуна не последовало.

– Оч-чень ловко, господин Колдун! – через иронию стали прорываться нотки неприкрытой враждебности. – Очень ловкий ход, аплодисменты!

Прежде, чем Мишка успел издевательски захлопать в ладоши, Эля вмешалась в приобретший опасный крен разговор.

– Мишка, прекрати, ради Бога! – почти выкрикнула она. Миха вздрогнул и замолчал. – К чему ты клонишь?

– Эля! – он выпятил губу. – Ты же сама обо всем догады-

ваешься! Просто не хочешь в этом признаться. Ни себе, ни мне.

– Прекрати, говори прямо! – Эля вспылила, на щеках зажегся предостережением румянец. Она разозлилась на Миху впервые. В первый раз за все это сложное, запутанное время.

– Прямо? – он усмехнулся. – Они положили мокрый порох, Элька! Теперь понимаешь?

Голос его подрагивал, он с трудом удерживал себя от крика.

– Факир был пьян, и фокус не удался! Нет образа Чизлы, значит, нет ее скелета. Раз нет ее скелета, значит, нельзя выявить ее истинную энергетическую сущность. Раз нельзя выявить ее сущность, значит, нельзя и вывить истинную природу нашего проклятия, – он по-волчьи приподнял угол верхней губы, – смертного проклятия, прошу заметить!

И грустно усмехнулся:

– А без понимания истинной природы проклятия, цитирую предыдущего оратора, – отвесил насмешливый поклон молчаливо взирающему на них (сигара, дым, холодный взгляд) Колдуну, – нет и возможности его снять. Нет, так сказать, противоядия!

Он опустошенно замолчал, не отрывая взгляда от Эльки, и по выражению ее глаз было ясно, что и она это понимает, просто не хочет в этом признаваться. Ни себе, ни ему, ни кому-то еще.

Воцарилось недолгое, но тягостное молчание.

– Господин Маг! Это правда? – жестким, не терпящим уверток голосом, спросила Элька. И они оба повернули к нему лица.

– Да, это правда, – просто ответил Маг, поднял глаза и твердо встретил их взгляд.

– Подождите, – и от этого простого ответа Эля вдруг и совершенно неожиданно для себя утратила вмиг готовую взорваться, накопленную в ней энергию кумулятивного заряда.

– Как же так, – бестолково залопотала она, а руки бес-
сильно упали на колени, – вы же нам обещали в самом нача-
ле встречи, помните? В самом деле... нельзя же... Миша!

Миха никогда еще не видел ее такой потерянной. Абсолютно спокойная в самых тяжелых случаях, она утра-
тила контроль над собой.

Сейчас Железная Эля сидела, опустив руки в прямом и
переносном смысле, и беспомощно смотрела то на Миху, то
на чертового Колдуна, афериста говенного. И взгляд ее был
наполнен не слезами, нет! А тоской, такой тоской беспредель-
ной, что напоминал предсмертный крик из немого кино. И от
этого ему хотелось кричать, завывать страшно, и беспомощно
звать во весь голос маму – верный симптом безысходности.

Но делать это, конечно, было нельзя, и загонять такие
состояния души надо только в жопу, и ни в какое другое
место! И ждать, пока они, состояния эти, не перейдут из
разряда мудовых рыданий в разряд действенных, а именно: в
холодную злость, решимость и расчет, помноженный на гнев.

А пока этого не произошло, сидеть с застывшим лицом,
гладить Элю тихо по волосам, шептать неважно что, лишь бы
успокоить. Успокоить ее, и таким образом – и себя, и ждать,
пока в душе набирает силу и крепнет буря.

Эля немного успокоилась, подняла покрасневшие опух-
шие веки:

– То есть, вы умываете руки, – голос ее стал сорванным,
ломким, – расписываетесь в собственной беспомощности и
оставляете Мишу мучительно умирать?

Она зло рассмеялась:

– И это вы Великий Маг? Не могу поверить! – отрешенно
покачала головой.

– Оставь его, Эля! – презрительно вздернул губу Миха. –
Великий Маг! Скорее мочалок командир. Да и то, наверное,
одной мочалки, – он махнул рукой, – да и та помешанная
какая-то.

– Я понимаю вас, – ровным голосом обратился Маг к Эльке, игнорируя Миху. Лицо у Михи побледнело, а на скулах стали проступать красные пятна, – и, поверьте мне, в высшей степени сожалею о случившемся. Этого не должно было произойти.

Он сокрушенно опустил голову, развел руками:

– Во всей ситуации всецело виноват я. Полностью признаю свою вину.

– Да? – ядовито поинтересовался Миха, щеки уже налились кровью. – И что нам с ваших извинений? Проклятье спадет чудесным образом само? Разверзнутся небеса, ударит гром и покарает Чизлу? А? К нам придет спасенье? – он скорчил рожу, верхняя губа скривилась и заметно подрагивала, – "полностью признаю свою вину"?

Эля с тревогой схватила его за рукав:

– Миш, я тебя очень прошу, успокойся! Сейчас господин Маг наверняка найдет выход...

– Обо всем происшедшем, – сухим канцелярским голосом продолжил Маг, по-прежнему обращаясь исключительно к Эле, – мною будет составлен незамедлительно отчет и передан... – он помедлил, подбирая слова, – в соответствующие инстанции. Отчет, госпожа доктор, будет подробным и верным. Обещаю вам, что мною не будет предпринято ни малейшей попытки каким-либо образом затушевать, принизить значимость моей ошибки.

– Ошибки?! – взвился Миха. Эля тянула его за рукав, словно пса за ошейник. – И вы называете это ошибкой!

Он резко дернул рукой, в попытке вырваться, но куда там! Элька вцепилась насмерть!

– Эля, отпусти! – Миха почти рычал. Колдун стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди, и спокойно взирал на происходящее живым олицетворением красной тряпки для быка.

– Господин Маг, что вы стоите, как му... как столб! – крикнула Элька. – Могли бы извиниться перед мужем! В

конце концов, он же абсолютно прав! Вы нас кормили обещаниями, а сами все испортили своей грубой ошибкой!

– Да какой, на хрен, ошибкой! – Миха выкрикнул дрожащим от досады и злости голосом. – Он просто аферист! С самого начала афера! Я нюхом это чувствовал! С-сука!

– Господи, вы можете убраться из комнаты, пока я его успокою! – Эля повисла на Михе, сдерживая его из последних сил. – Плохо ведь сейчас кончится! Не видите – он в аффекте!

– Не волнуйтесь, госпожа доктор! – ответил Маг кротким голосом. – Я – не господин доктор! Я себя бить не дам!

Миха коротко рыкнул, глаза побелели и стали невидящими. Рукав рубашки рванулся из Элиных рук, словно поводок бультерьера, и Миха прыгнул на Колдуна.

Только вот того на месте не оказалось, а очутился он сразу за спиной пышущего злобой Михи, и как это произошло, ни он, ни Эля ни понять, ни увидеть не смогли.

– Я понимаю и разделяю ваши чувства, – продолжил Колдун ровным голосом психиатра, – но, тем не менее...

Миша резко крутанулся вокруг своей оси, изо всех сил, со стоном выдоха, послав кулак на голос, в челюсть Мага. Кулак прорезал воздух, и увлеченный инерцией своего же удара, Миха запутался в ногах и неуклюже упал на колени, словно стреноженный теленок. И дополняя сходство, замычал от бессильной злости и стыда.

Эля подскочила к нему и подхватила за плечи. Он молча поднял голову. Очки съехали набекрень, и ей было видно безнадежное выражение его глаз через заливший их мокрый блеск.

– Мишка, вставай, любимый! – мягко сказала она и прижалась щекой к его носу. – Видишь? Нос холодный, значит, все в порядке, ты здоровый.

Мишка криво усмехнулся и тяжело поднялся на ноги:

– Он еще и мокрый, – буркнул он.

– Вот и классно! – подмигнула ему Элька. – Тогда уж точно ты здоров!

Он обнял ее и прижался лбом к ее лбу, они обнялись, блаженно замолчали, закрыв глаза. И не могли видеть, как смотрел на них Колдун, приоткрыв от восхищения рот, неслышно прошептав: "Замкнутый контур". Как, услышав этот не слышимый никем иным призыв, в комнате оказалась Нина, прижала ладошки ко рту в молчаливом восторге и тут же снова исчезла, как и не было. Проскользнула ли она мышкой через щелку в приоткрытой ею двери? Или просто материализовалась? Пожмем плечами и махнем рукой – ответа так и не узнаем.

А что Нина увидела – предположить можем. Невероятную красоту и благодать белоснежного ослепительного свечения двух Божьих Искр, обретших друг друга. Всю красоту потоков чистой эфирной энергии, вырывающихся из одного эфирного тела, чтобы расцветиться, вспыхнуть сотней тысяч радуг и северных сияний на секунду и раствориться в эфирном теле другого. Бессмертный Ян- и Инь-круговорот в небесном фейерверке сиянии.

И длилось это пару секунд, не больше. Они чуть отстранились друг от друга и твердо посмотрели друг другу в глаза, улыбнулись. Сплели привычно руки и синхронно повернулись к Магу.

– Я лишь еще раз могу выразить вам свое глубокое сожаление, – пыльным голосом канцелярской крысы повторил он. – Несомненно, по моему рапорту будет вынесена отрицательная оценка моей работы. Думаю, в крайней степени отрицательная. Возможно, и даже весьма вероятно, будет поставлен вопрос о соответствии занимаемой должности, – он со значением покачал головой.

Мишка прыснул коротким издевательским хохотком:

– Элька, помнишь? Как в том анекдоте, когда больной перед операцией спрашивает анестезиолога дрожащим голос-

ком: "Доктор, а я не умру?" – "Ну что вы, больной, – отвечает добрый доктор. – Знаете, нас так за это ругают!"

Элька подняла на него глаза. Посмотрела с любовью, Хмыкнула.

– Пойдем отсюда, любимая! – мягко сказал ей Миха.

– Пойдем, любимый! – ответила она таким же теплым голосом.

На Колдуна, Мага, или Афериста – кто он там? – они больше не смотрели. Пустое место. Ложное решение. Неправильное лечение. Потратили время, и зря. Ничего, в медицине это сплошь и рядом, да и не только в медицине.

Они, не сговариваясь, повернулись одновременно спиной к Колдуну. Мишка взялся за ручку двери.

– Пойдите! – окликнул их Маг.

Они остановились, не оборачиваясь, но спины напряглись в ожидании, костяшки Мишкиных пальцев побелели на дверной ручке.

– Я просто хотел сказать, – вдруг промямлил Колдун в нехарактерной для него манере, – э-э, защита моя распространяется в пределах здания, то есть, пока вы внутри, вашему состоянию ничто не угрожает. Но стоит вам выйти за пределы, на улицу, как...

Миша резко распахнул дверь, пропустил Элю вперед, не оглядываясь, выставил из-за плеча характерным жестом средний палец, и вышел, захлопнув дверь, как отрезал, оставив за собой проклятого афериста и все, с ним связанное.

В приемной стояла полная тишина, Нины за столом не было.

– А что, нас даже никто не проводит? – не замедляя шага, с гневной издевкой задал неизвестно кому громкий вопрос Миха.

– Да, ладно, мать, – с тихой кротостью ответила Эля. – Нине наверняка стыдно смотреть нам в глаза, спряталась где-нибудь и ждет, пока мы уйдем, дверь, думаю, не заперта.

По-прежнему не смотря по сторонам и не оборачиваясь, Мишка рванул на себя ручку входной двери, и она легко распахнулась.

– Вот видишь, солнце, – потеплели Элькины глаза, ей стало приятно, что она не ошиблась, и у Нины есть совесть.

Мишка остановился пред порогом, помедлил, попинал порог:

– Гейландит, говоришь! – зло хмыкнул и сплюнул. – Э-хх!

Отчего стал похож на товарища Сухова из "Белого солнца пустыни". Чуть задержался, переступая через порог, снова ничего не ощутил, махнул рукой и пошел по коридору к лифту.

«Словно большой, обиженный несправедливо ребенок», – подумала Элька, чуть склонив голову в такт мысли. Над порогом задерживаться не стала, вообще, честно говоря, не обратила на гейландит – или как его там – никакого внимания и пошла за Мишкой.

Он уже нажал кнопку вызова и сейчас тихо сопел, сведя грозно брови. Эля знала эту его манеру – сто пудов, яростно матерился про себя.

Подошла, обхватила обеими руками левое плечо, уткнула нос. Он скосил на нее еще злые, но быстро наполняющиеся теплом глаза.

– Что скажешь, милый? – встала на цыпочки, потерлась губами о щеку.

– Чего тут скажешь? – пожал Мишка плечами. – Не поселиться же нам в торговом центре и не выходить никогда на улицу.

– А что? – улыбнулась Эля. – Помнишь, как в фильме, – она прищурилась, вспоминая, и от этого разрез глаз удлинился, стал кошачьим, – как же он назывался... "Мужчина с гарантией"? Что-то такое, правда? Тоже выход, нет? Устроимся здесь – я уборщицей, ты охранником, класс!

– Кнопку, что ли, заело, твою мать! – Мишка в сердцах

сadanул по ней кулаком. Испуганно тренькнула пружина в ее недрах, и кнопка зажглась тускло-красным неровным светом. Натужно завыл в недрах здания маховик, и старая кабина лифта с грохотом трамвая поехала по шахте.

– Элька, тебе не кажется странным? – Мишка повернулся к ней, ласково провел рукой по волосам:

– Тель-Авив. Деловое до ужаса здание, да? Середина рабочего дня. Полон коридор офисных дверей. Ни на одной, отметим, нет таблички с названием фирмы, конторы, тоже, скажи, интересно?

Элька безразлично повела плечиком – не думаю, что это сейчас для нас главное, звучало в ее движении.

Грохот трамвайных колес медленно нарастал – лифт приближался.

– Пришли к Колдуну – никого тут не увидели, не услышали, тишина гробовая. Уходим – те же яйца, вид сбоку. Хоть бы какой-нибудь шум – факсы, телефонные звонки, смех!

– Эй, есть тут кто живой! – он глумливо и неожиданно гаркнул во весь голос.

Элька подскочила от неожиданности, вспылила:

– Мишка, ты что! – глаза полыхнули тигриным цветом. – Хочешь, чтобы я инфаркт получила?! Да и вообще, в этом сейчас все наши проблемы? Больше нам и подумать не о чем? Только незанятость офисных помещений в центре Тель-Авива нас волнует? Таинственная тишина? Да, дорогой?

– Извини! – Миха смешался, – права ведь! – неловко запыхтел, смутился вконец. – Так просто в голову пришло. Странно ведь – такая нелюдимость в центре города... ну, да ладно, проехали! Хотела спросить что-то?

Лифт шумно выдохнул, глухо ударил стопором и остановился. Двери зашумели шестеренками, или чем там полагается шуметь лифтовым дверям, и так и остались закрытыми. Кнопка вызова погасла. Тишина.

– Ну, и? – прокомментировал Миха. Эля вздохнула. – Дальше что?

Понажимал кнопку. Никакого результата. Постучал. Ноль эффекта.

– С-сука! – разозлился Мишка.

Эля снова тихо вздохнула:

– Миш, а, Миш? – позвала его, голос – само терпение.

– Да? – повернул голову.

– Давай спустимся пешком, милый, – дернула за рукав, улыбнулась. – Побереги нервы, не трать их по пустякам, ладно? Они нам еще пригодятся.

– Ладно! – согласно махнул рукой.

– И – да, хотела спросить, – посмотрела ему прямо в глаза. – Что будем теперь делать?

– Что будем делать? – повторил он и вдруг преобразился. – Будем жить! Искать настоящее решение проблемы, правильное лечение, а не терять голову и лезть в мистику!

Голос его звучал твердо, полный спокойной уверенности в своей правоте. Он и сам не знал, откуда берется эта уверенность. Но знал одно – это было сродни чувству предвидения, некоего знания. И когда оно появлялось – все всегда получалось. Так бывало на жестких переговорах с потенциальными партнерами, так бывало перед тяжелыми экзаменами, так бывало порой в сложных жизненных ситуациях. Это чувство возникло сейчас, сладко ныло в сердце и звало вперед. Куда, он не знал. Пока не знал. Но надо было идти. Интуиция уже тянула вперед, торопила, толкала в спину – давай, давай, надо спешить! – но открывать решение сознанию пока не собиралась.

– Плюнь ты на этого ублюдка! Говно он полное, а не колдун. Аферист! Типичный развод! С самого начала я чувствовал, что ничего путного не выйдет! Смертное проклятие! Гарри Поттер еврейского разлива, Гарик Потерман из местечка.

Сказал и сам же скривился:

– Фу! Как можно верить в сказки! Элька, ты же серьезный доктор! И меня, главное, тоже убедила!

– Ну, вот опять я виновата! – она надула обиженно щеки, губки сложились бантиком.

Он схватил Эльку за руку, прижал к себе, нежно коснулся губами ее губ. Ему стало весело, предчувствие скорого – и классного! – решения заискрилось в душе пузырьками шампанского.

– Что ты говоришь! – Элька зажала его лицо в ладонях, скорчила гримасу, передразнивая, чмокнула в нос:

– Ты же серьезный доктор! У тебя уже готов план? Ты уже знаешь к кому ехать, что делать, – и загнула пальчики – раз, два, три?

– Подожди! – рука описала круг над его головой, показывая, как созревает решение. – В мозгу все уже сложилось, пока не улавливаю, не всплывает на поверхность, но, чувствую, вот-вот всплывет.

И потянул ее за собой, к двери на лестницу:

– Пошли!

– Куда? – не дала себя увлечь Эля. – Нет, в самом деле, куда ты меня тянешь?

– Не меня, а нас! – снова дернул ее Миха, она уперлась туфельками. – Еще не знаю, но сядем в машину – узнаю!

– Неужели? – она саркастически вздернула бровь.

– Эля! – он прижал руку к сердцу. – Ей-Богу! Говорю тебе – на языке крутится, в машине вспомню!

Тяжелая металлическая дверь на лестницу шумно захлопнулась за ними. Запахло тоскливо цементом и пылью, а люминесцентный свет только усиливал это ощущение. Каблучки звонко зацокали по ступенькам. Снизу доносился шум неугомонного людского потока. Мишку это почему-то обрадовало, хотя толпу и массовые гуляния он не выносил.

– О, слышишь! – он торжествующе воздел к небу указательный палец. – Люди!

Другой рукой Миха надежно страховал Элю, грациозно скользящую на высоченных каблуках с одной ступеньки на другую.

– А кого ты еще ожидал увидеть в торговом центре? – съязвила Эля, не отрывая взгляда от лестницы.

– Просто жутковато было в этой неживой тишине, – признался Миха. – Какая-то она неестественная... Упс!

Они спустились до нулевого этажа – входа в торговый центр. Шум толпы снаружи – трели мобильных, смех, детский плач, шарканье бесчисленных ног – мощно и ритмично бился о закрытую дверь, как разбивается прибой о закованную в гранит набережную.

Путь вниз на стоянку был перекрыт металлическими решетчатыми барьерами с неровно оторванной, подвешенной на проволоке картонкой с надписью от руки красной тушью: "Опасность!". Подле загородки сидел на высоком табурете скушающий щуплый охранник-эфиоп, все так же окруженный белоснежным накрахмаленным пузырем большой не по размеру форменной рубахи. При виде их он оживился и махнул рукой.

– Эй, стой! – сказал он ломким дискантом, смешно выговаривая ивритские слова. – Нельзя ходить сюда! Апасно!

"Где-то я его уже видел, – мелькнуло в голове у Михи. – А! Он же был на въезде на стоянку! Проверял машину на бомбу, точно!"

– А что случилось? – спросила Элька, склонив голову на мишкино плечо, останавливаясь чуть позади него.

– Паталёк упал! Штукатурка отвалилась, упала на лестницу, вот! – охранник развел руки во всю щуплую ширь, показывая размер бедствия, и сверкнул белозубой улыбкой.

– Поняла? – улыбнулся Миха и тоже расплылся в улыбке.

– Сюда не ходи – снег башка пападешь, савсем мертвый будешь!

– Ну, и как нам теперь пройти на стоянку? – спросил он охранника.

– Сейчас в эту двери выходите, – залопотал тот, указывая на металлическую массивную дверь, – налево идите, там выход из центра. Надо войти на улицу, налево павернють, зайти в следующий вход, и спуститься вниз по лестнице.

– Мишш! – подняла к нему лицо Элька, и в глазах ее заметалась тревога. – Он сказал – выйти на улицу!

– Эль! – он нежно забрал ее лицо в ладони и легко поцеловал в губы. – Нам надо пройти метров сто и снова зайти в здание. Совсем уж скрючить меня не успеет, – дойдем, добежим! А в машине – вот я точно знаю! – ждет нас решение.

– Ну-ну, – недоверчиво покачала головой Элька, – ты выдержишь, не рухнешь?

– Не рухну! – уверенно возразил Миха. – Не накроет! Добежим на одном дыхании! А потом все будет хорошо!

– Да откуда ты можешь знать! – вспыхнула Эля.

– Представь себе – знаю, и всё! – отрезал Миха, и, не дав ей развить тему, распахнул дверь (гулкий шум торгового пассажи неудержимо заполнил собой лестничную клетку), и слегка подтолкнул Элю в спину. – Пошли!

Эля фыркнула, гордо вздернув голову, но вышла. Людской поток тотчас подхватил ее.

– Счастливого пути вам и удачи! – абсолютно без акцента прозвучало Михе в спину, когда он закрывал за собой дверь. Он вздрогнул – ему показалось, что это был голос Нины. Но дверь уже захлопнулась. Щелкнул замок.

Миха потрянул головой, отгоняя морок, и стал проталкиваться через встречную толпу, спеша догнать Эльку.

– Куда убежала? – нагнал ее и подхватил под локоть.

– Чем скорее, тем лучше, – Эля чуть скосила глаза на

него, слегка покусывая нижнюю губу – верный признак волнения. Лицо побледнело, обозначились синяки под глазами. – Пойдем, окунемся в ад! Ожидание пытки страшнее самой пытки.

Он остановился и тем самым остановил и ее. Людской поток, недовольно ворча, обтекал их с обеих сторон, то и дело толкая локтями, сумками, толстыми, неуклюжими боками.

– А я говорю тебе – ничего не случится! – убежденно сказал ей Миха. Он действительно почувствовал, как растет и крепнет внутри этакая бравурная душевная уверенность в чудесном исходе. Хотя, конечно, нет-нет, а сомнение холодило сердце – может, ты просто умом тронулся, приятель?

– Что за глупая убежденность! – в сердцах бросила Элька, дернула рукой, освобождая локоть. – Как ты можешь знать? Перестань! Это просто... просто... – и замолчала, не находя слов. Взглянула ему в глаза. И поразилась – столько в них металось искорок бесшабашной веселости, и почему-то ей тоже стало тревожно-весело, как ребенку, которому должны вручить долгожданный подарок – вдруг все-таки обманут?

– Ну, ладно, – усмехнулась она, – уговорил девушку. Пошли!

Он взял ее за руку, и они пошли к выходу: огромное витринное окно, турникет двери. Через окно, несмотря на темное стекло, лился солнечный свет, от которого они успели отвыкнуть в сумерках офиса Колдуна, и от этого он казался необычно ярким. На его фоне черным профилем виднелась массивная фигура охранника с пивным животом.

Михе силуэт охранника показался громадным.

"А вот и Страж", – промелькнула мысль. Почему охранник показался таким большим и почему он мысленно назвал его Стражем, причем именно с большой буквы, спроси – Миха объяснить не смог бы.

Время вдруг стало плотным, а пространство перед выхо-

дом опустело и округлилось туннелем, словно они смотрели сквозь объектив "рыбий глаз".

В горле у Миши пересохло, сердце тяжело застучало в висках, а ладони похолодели и стали влажными. Они поравнялись со Стражем. Миша почувствовал на себе тяжесть его взгляда, скосил глаза на Элю, понял, что и она испытывает то же самое, механически подмигнул ей, желая прибодрить, толкнул турникет двери, и буквально выпал наружу, щурясь от яркого солнца.

Он устремился к входу на стоянку большими быстрыми шагами, сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, Эльке было бы не догнать на ее стилетах. Тянул ее за собой, сжав ее кисть до синяков, и больше всего боясь вдохнуть, чтобы боль с торжествующим ревом не выпустила бы все свои когти, и не полоснула ими по каждой клетке тела.

Но буквально на третьем или четвертом шаге он стал намертво, словно врезавшись на полном шагу в невидимую стену. Элька со всего маху налетела на него, но даже не пикнула – ей было не до того.

Миша отпустил ее руку – упала безвольной плетью – повернулся, ее глаза подтвердили, что ему это не кажется, и сказал...

.....

– Все другое! Все совсем другое! – сказал я, и буду помнить эти слова всю свою жизнь. Иначе и не скажешь. Вокруг все было действительно совсем другое. Уличная плитка, покрытая летней пылью, да и сама пыль, воздух, облака...

Все было другое, объяснить это я не мог, чувствовал, знал, что все изменилось. Знание это было аксиоматичным – совершенно другое, и все! Прими как факт!

Я глядел на Эльку, в ее изумленные невероятностью происходящего глаза, и понимал, что она испытывает те же чувства.

Я вдохнул воздух. Сперва осторожно, как сапер, каса-

ющийся мины, ожидая мучительной раздирающей боли. Ее не было. Воздух лился в легкие все сильнее, свободнее, радостнее, кружил голову. Он был чист, свеж, необычайно прозрачен и сух для лета Тель-Авива.

Лицо Эли сияло – нет! – излучало счастье.

– Здесь все другое! – прошептала она. – Все иное, но такое, как тебе сказать... дружелюбное, что ли, класснющее... Где мы? – глаза ее стали по-детски круглыми.

И это выражение неземного удивления сказке, застывшее на ее лице, я тоже буду помнить всю жизнь.

Я не знал, что ей ответить. Это, конечно, был Тель-Авив, и, конечно, этот город Тель-Авивом не был.

– Не знаю! – сказал, как сейчас помню, и пожал плечами с глуповатой блуждающей улыбочкой. Но Элька поняла и серьезно кивнула.

Улыбочка эта бродила по моему лицу, и еще не менее глупое сочное рекламное восклицание "Вау!", сопровождающее любой взгляд.

Облака плывут более легкие и кудрявые – вау!

Шины машин шуршат иначе по асфальту: шелковисто и приятно – вау!

И люди – другие! Хоть ты меня убей, а другие! Дружелюбнее, взгляд открытый.

Я безалаберно описывал свои ощущения Эльке, а она перебивала меня, и говорила то же самое, смеясь, при каждом моем дурацком "вау!". И мы все стояли на одном месте, не в силах сдвинуться, не знали, куда идти...

.....

Они стояли, обнявшись, в центре тротуара, и редкие в этот дневной летний час прохожие обходили их, не толкая, и не задевая портфелями, сумками. А они все стояли, озирались, шурились от яркого света, словно вышедшие после длительных блужданий из тьмы, забредшие неизвестно куда

чужеземные путники, и бестолково, но совершенно счастливо и безостановочно улыбались.

Улыбались тому, что воздух – нектар; солнце яркое, но не злое, как обычно в июле; облака – легкие и пушистые; а люди – выглядят более открытыми и спокойными.

– Знаешь, – Элька прижалась лбом к его плечу, смежила веки и прошептала, – словно мы пришли куда-то, где нас долго ждали и сейчас искренне рады, что мы наконец-то добрались, и распахнули нам объятия со словами...

– ...Добро пожаловать в Новый Мир! – пророкотал сзади мощный и знакомый баритон.

Они подскочили от неожиданности, одновременно разворачиваясь на голос и сжав кулаки.

– Вы?! – ошеломленно и настороженно выкрикнули они одновременно.

– Неужели я оставил бы две Божьих Искры погибать? Смотреть, как они умирают от наложенного злобой и ненавистью проклятья? – Маг широко и мирно улыбнулся.

– Неужели вы считаете, что я смирился с безысходностью ситуации? Я?! – Он экспрессивно и гулко постучал себя пальцем в грудь. – Да я бы, скорее, пошел прислуживать к Чизле за обедом и мыть после нее грязную посуду, господа врачи!

В ответ – молчание, недоверие на жестких, как едва обтесанный кремь (резкие черты скул, желваки, сжатые губы) лицах.

– Мне было совершенно необходимо жестоко и несправедливо спровоцировать вас обоих, но в первую очередь вас, – вежливый поклон Михе. Да-да! Гордый Маг отвесил глубокий поясной поклон, почти реверанс Михе, – господин доктор, для того, чтобы вы смогли совершить Переход. Весьма сожалею, весьма!

Он склонил голову – выражение сожаления:

– Но как врачи, вы должны понимать, что необходимое

лечение далеко не всегда является приятным и безболезненным, но от этого не становится менее действенным!

– Где мы? – первой сломала молчание Эля. Миха внешне никак не отреагировал на Колдуна, но Элька почувствовала, как его мышцы расслабились.

– Вы, господа врачи, в другом Море. Пользуясь принятой у вас формулировкой, правильнее сказать – в Параллельном Море.

Два не верящих взгляда в ответ. Барьер. Берлинская бетонная стена. Холодная война.

Из проезжающего в этот момент по Ибн-Гвироль черного спортивного "Мерса" с затонированными стеклами прогремела во все динамики песня Пинк Флойд "Another Brick In The Wall":

All in all it's just another brick in the wall

– Понятно и ожидаемо, – вздохнул Маг. – Я прошу сделать мне одолжение и уделить несколько минут вашего времени, и, поверьте, я смогу все объяснить, – он широко улыбнулся, запрокинув голову к выцветшему летнему небу, и широко распахнув руки. – Торопиться незачем – как видите, боль ушла и более не вернется.

Они переглянулись.

"А что мы теряем?" – сказал их взгляд друг другу.

– Хорошо, – повернулась Элька к Колдуну, и добавила тоном, не терпящим возражений. – Но не в офисе. Туда мы больше не пойдем.

– Как вам угодно! – охотно согласился тот. – Но, согласитесь, не вести же нам беседу, стоя на улице, под солнцем?

(Глядя на него, нельзя было сказать, что он страдал от жары в своей идеально отутюженной пиджачной паре).

– Я предлагаю нам просто посидеть в кафе за чашечкой капучино. Представляется в данный момент желательным и необходимым. Благо, кафе здесь, буквально, на каждом шагу.

– Капучино – это прекрасно! – благожелательно кивнула Эля, с наслаждением вдыхая полной грудью. На каждом вдохе ее ноздри трепетали, а она приподнималась незаметно для себя на цыпочки, запрокинув голову и блаженно опустив веки – какое это счастье дышать свободно и легко!

Они остановились у перехода в ожидании "зеленого человечка" для пешеходов. С любопытством вертели головами по сторонам, чужестранцы в своем доме, запоминая все до мельчайших подробностей. Хотя, казалось бы, и запоминать было нечего! Все привычно, все обычно и все – совершенно иное!

– Господи, Элька! – Мишка, слава Богу, уже не бормотал "вау!" через раз, но голос все еще был полон изумления. – Воздух же совсем другой, не тель-авивский.

– Ага! – блаженно улыбнулась она. – Он чистый и... прозрачнее, нет?

– Угу! – Мишка вцепился в ее ладошку, словно боялся: отпустишь – вспорхнет, и ветер унесет. – И не такой жаркий и влажный... нет, это ж надо! – изумление сменилось недоумением.

Поток машин, поворачивающий из-за угла на стрелку, прервался, заполошно взвизгнув тормозами не успевшего проскочить неудачника. Громко застрекотал "зеленый свет" для слепых, и они пошли по переходу вперед, ведомые Магом. К дому с большой синей бляхой "98".

– Надо же, Лешкин дом! – хмыкнул Миха.

– А? – вопросительно хмыкнула Эля, продолжая крутить головой по сторонам.

– Тут Лешка Шварц живет, в этом доме! Может, позвоним?

– Самое время – ничего не скажешь! – Эльке идея не показалась удачной, она подергала его просительно за руку. – Может, как-нибудь в следующий раз, а, мась?

Он согласно кивнул. Перешли дорогу, повернули направо,

прошли мимо табачного магазинчика, мимодохнувшей холодом лавки мороженщика, красных газетных автоматов, хлипких решетчатых многоэтажных полок, усыпанных различной многоцветной белибердой – той, что в славное время белых пробковых шлемов и английских чопорных усов называлась "колониальные товары".

– Здесь, на мой взгляд, вполне приемлемо, не считаете, господа врачи? – кивнул Колдун.

Типичное кафе старой части Тель-Авива. Первый этаж жилого дома. Большие витрины, расчерченные полосами алюминия, невесть почему названные в Израиле "бельгийским профилем". Белые стены, черные полированные столики, маленькие стулья с прямой спинкой. Открытые квадраты полок на стене за стойкой бара, с неровной линией бутылок. Лопастивентилятора под потолком, лениво перебирающие воздух. Поток кондиционированного холода льется наружу из открытых дверей, развеивает белую ткань занавесей. Простая вывеска – черной прописью по белому фону – "Кафе де Флор".

Они с трудом уместились втроем за столиком, к которому в припадке мании величия были приставлены четыре стула. Время дня располагало к частным беседам – краткая пауза между завтраком и обедом, и из десятка столов было занято лишь два, в разных углах небольшого, полутемного зала.

Заказ был принят ладно, весело и с налетом характерной израильской фамильярности – наследие всеобщего киббуцного равенства – зеленоглазой русой и разбитной девулей, наверняка студенткой – ну, нет профессиональных официантов в Израиле, каемся покорно.

Только успели скрипнуть стульями, усаживаясь удобнее, прокашляться, примостить локти – все то, что предшествует беседе, как расторопная официантка уже примчалась с подносом, ловко, одной рукой разложила плотные серые бумажные плейсметы с логотипом кафе и отпечатанным прямо на них кратким меню. Балансируя подносом, расста-

вила на них жаркие огромные чашки кофе, и, подмигнув улыбкой, умчалась к своему насесту – высокому табурету в конце стойки бара.

– А теперь объясните, пожалуйста, где мы? Что происходит? Куда мы попали? – Эля беспечно махнула рукой. Голосок у нее был веселый, как у девчонки, болтающей ногами.

"Наверное, и выгляжу я так же", – улыбнулась Элька своим мыслям.

Миха отпил глоток, поморщился – кофе был чересчур горяч для него, отставил чашку в сторону:

– И зачем понадобилось разыгрывать весь этот, – хотел сказать "дешевый", но сдержался, – спектакль и доводить меня до нервного срыва?

Он говорил, не поднимая глаз, разглаживая салфетку на столе.

– К моему глубокому, поверьте, действительно глубокому сожалению, не было иного выхода, – Колдун подался вперед, – кроме как "завести" вас. После того, как образ Чизлы, – он недобро улыбнулся, – так удачно исчез из ваших воспоминаний, господин доктор, ситуация стала, – он замешкался, – скажем так, весьма щекотливой. – Колдуну стоило большого труда выдавить из себя признание. – И даже, на долю секунды, показалась мне безвыходной... Решение вы подсказали мне сами! Помните? В начале визита я просил рассказать мне о необычных ваших ощущениях. Пение шин, дорога, подвешенная в воздухе, изменения пространства, небесных тел... Инстинкт, подсознание гнали вас из вашего Старого Мира в параллельную жизнь. И на короткое время вам это удавалось! Но вам не хватало энергии перенестись навсегда. Якорь смертного проклятья удерживал вас, господин доктор, весьма крепко. Этот канат надо было рубить. Рубить энергетическим клинком! Нельзя сказать просто, что-нибудь вроде...

Он описал правой рукой плавный полукруг и сказал фальшивым голосом уездного конферансье:

– Друзья! Да разрешатся ваши беды – все с переходом в Новый Мир! Исчезнет древнее проклятье, излечитесь вы навсегда!

Эля фыркнула, Миха ухмыльнулся, оттаивая.

– Вы только переглянетесь, да покрутите пальцами у виска, – Колдун обвел маленькую аудиторию глазами, – и будете совершенно правы! Так в другой мир не перейдешь, нет, дамы и господа! – и он решительно покачал головой, – неопытному человеку для Перехода необходимо огромное количество энергии.

Он грустно улыбнулся и развел руками:

– Увы! Такое взрывное высвобождение энергии дают у людей только сильные отрицательные эмоции: гнев, ненависть, обида, страсть мести, вот и пришлось их вызвать! Уж не обессудьте! На положительных эмоциях, к сожалению, далеко не уедешь, да-с!

– А почему мы должны вам верить, что мы перешли... – запальчиво вскинулся Миха, и осекся.

– Вот именно, господин доктор! – кивнул Колдун. – Потому, что вы сами это знаете. И это знание не требует никаких доказательств, так ведь?

– Да! – ответила за Мишку Эля, накрыла его руку своей, и повторила радостно. – Да!

Колдун повернул запястье левой руки, сверкнул сапфиром циферблат часов, и недовольно шевельнул бровями:

– Время, к моему сожалению, настойчиво зовет меня к делам, а мне, меж тем, надобно многое вам объяснить, прошу простить мою неучтивость...

Он сухо улыбнулся, никак не проявляя сожаления:

– Либо вы будете слушать, либо – до свиданья, и разбирайтесь сами.

– Будем, будем, уважаемый господин Маг! – сладко пропела Эля, поглаживая мишкину руку.

С того момента, как она поняла – боль отпустила навсегда и больше не вернется, ей становилось все комфортней и комфортней в этом Мире, который подходил им – ей и Михе – словно сшитый мастером костюм. Женской интуицией она чувствовала – Мир их принял, как принимают вернувшихся после долгих странствий близких. С некоторой тревогой ждала реакции Мишки. Он последний раз провел руками по плейсмету, аккуратно положил перед собой, поднял голову, улыбнулся той, своей улыбкой, которую Эля про себя посчитала уже без вести пропавшей, – по-детски сияющей и подкупающей:

– Давайте господин, Колдун! Всецело доверяем, а я приношу вам свои искренние извинения, но согласитесь – причины у меня были.

– Никаких извинений, господин доктор! – учтиво склонил голову Колдун. – Все забыто и никогда более помянуто не будет. Исходя из ваших слов, констатирую, что надпись на... плейсмете – прошу прощения за американизм, но русское название салфетки под столовые приборы "подтарельник" звучит для меня как нечто среднее между "подзатыльник" и "подгузник" – не избежала вашей проницательности.

Элька радостно улыбнулась Мише в ответ, но вопросительно подняла брови.

– Объясните, пожалуйста, госпоже доктор, – предложил Колдун, отпив глоток капучино, и умудрившись при этом не оставить пенных "усов".

– Элька, что написано на салфетке, не обратила внимания? – Мишка провел пальцем по отпечатанному на ней логотипу с названием кафе.

"Кафе де Флор. Ибн-Гвироль..." и номер дома.

– И что такого я не заметила? – после недолгого изучения надписи спросила Элька, поджав губы.

– Эля, – Мишка посмотрел внимательно в глаза, накрыв ее руку своей, – мы перешли улицу напротив дома 98, сделали... сколько шагов? Двадцать? Может, тридцать, не больше, так?

– Наверное, – задумчиво протянула Эля.

– И сразу перескочили через двадцать с лишним домов. Ты хочешь сказать...

– Да, – вступил Маг. – Извините мою неучтивость, но это именно так. Незначительные искривления пространства – времени – симптомы, весьма характерные для Перехода. Больше они вас беспокоить не будут, спешу вас заверить, ибо наблюдаются только в немедленном постпереходном периоде.

Он вновь бросил взгляд на часы, и в голосе его на мгновение прорезались нетерпеливые нотки, чтобы тут же исчезнуть:

– Итак, господа врачи, мне удалось помочь вам перейти в Новый Мир. Мир, где действие проклятья прекратилось, ибо Мир этот живет по чуть иным законам. Но этого "чуть", к счастью, оказалось достаточно, чтобы оно рухнуло. Здесь чуть иной климат, более благоприятный.

– Да, воздух совсем иной, – кивнул Миха.

– И не только воздух, – согласился с ним Маг. – Луна здесь смотрится иначе, не как нарисованный на небе желтый плоский диск, а как солидное небесное тело, которое только чуть не проваливается на Землю через прореху в небосводе.

– Шины, – прошептала Эля, склонив голову на ладонь, – шины шуршат так приятно...

– Это Мир, вообще, более приятен, подходит вам больше старого, – улыбнулся ей Маг. – Вы это уже успели почувствовать вашей женской интуицией, и она вас не обманула.

Он откинулся на спинку стула, который жалобно пискнул, но с честью выдержал испытание:

– В этом Мире для вас будет чуть меньше прагматичности и чуть больше духовности. Он чуть больше размышляет о вечности, и чуть больше обращен к Создателю.

– Я понимаю, – задумчиво сказала Элька, сощутив веки. Миха догадался, что она сейчас скажет, и солидарно кивнул.

– Это потому, что здесь больше Божьих Искр, – медленно, как человек, начинающий складывать цельную картину из отдельных кусочков, продолжила она. – И, скорее всего, мы не первые Божьи Искры, перешедшие, или же перенесенные сюда из другого Мира? А, может, правильнее сказать – из других Миров?

Маг только благожелательно улыбнулся:

– Давайте обсуждать только оставленный вами Мир, и никак не другие. Да, вы не первые Божьи Искры, оказавшиеся здесь, – он развел руками, словно раскрывая объятия. – Да, если бы вам не было предназначено, вы не смогли бы перейти.

Он замолк, задумавшись, горько усмехнулся:

– Тот мир выбрал неандертальцев... пока, во всяком случае. И мы спасаем души, спасаем Божьи Искры, если, как в вашем случае, нет другого выхода. Тогда я помогаю перейти.

– А как же число Душ, оно же постоянно в мире? – нахмурился Миха.

– Оно постоянно в МИРЕ, – руки Колдуна описали в воздухе огромную окружность, – во всем Мире, а не в одном, – он иронично заломил бровь, – отдельно взятом мирке.

– А что же происходит сейчас с нами в том Мире, с нашими близкими? – задумчиво прошептала Эля.

– Проще всего, и правильнее, – пожал Колдун плечами, – знать, что для вас нет того Мира. Есть лишь этот, единственный для вас Мир. В нем у вас та же работа, тот же дом, те же заботы.

Подмигнул с улыбкой:

– И та же зарплата, господа врачи, ничего не поделаешь! Вас окружают все те же знакомые лица: ваши близкие, ваши враги и ваши друзья. Но!

Он выдержал паузу. Тишина, нарушаемая лишь легкими репликами, перелетающими от официантки к бармену и обратно; шуршанием потока кондиционированного воздуха; перестуком чашек и негромкой беседой, долетающей от дальнего столика.

– Но! – он значительно поднял палец. – Вы отметите небольшие, но заметные изменения и среди круга близких людей, причем как друзей, так и врагов.

– Какое странное словосочетание, – удивилась Эля, и повторила, проверяя на вкус. – Близкие враги...

– Конечно! – в свою очередь удивился Колдун. – Если есть близкие друзья, то есть и близкие враги, да-с! Только так!

– Что значит "изменения"? – насторожился Миха. – Внешность меняется? Что, конкретно, изменилось?

– Нет, – покачал головой Маг. – Изменения незначительные. Внешность не меняется. Изменения характера, свойств личности. Причем, чем вы теснее общались с людьми в покинутом мире, чем ближе они были, тем заметнее меняется их отношение к вам в мире этом.

Он тонко улыбнулся:

– И вовсе необязательно в лучшую сторону. Хотя есть определенные закономерности...

И неторопливо отпил глоток кофе.

"Вот ведь любит театральные эффекты", – с нетерпеливым раздражением подумал Мишка.

Маг выудил из внутреннего кармана пиджака сигарный футляр, покосился на бармена и, досадливо крякнув, убрал его обратно.

"Ага, это тебе не виртуальный торговый центр, – позло-радствовал мстительный Мишка, – тут не покуришь!".

– Те люди, которые на самом деле не "ваши" по духу, а случайные привычные попутчики, будут отдаляться от вас. Отдаляться безболезненно и естественно, сами иницируя

расставание своим поведением: заносчивостью, глупостью, просто волей случая, переезжая в другие города. Они могут получить совершенно неожиданные предложения и уйти с работы, которую, как все были уверены, не оставят до пенсии. А истинно "ваши" друзья всплывут вдруг из небытия, и отношения с ними окрепнут.

Они радостно переглянулись, переплели пальцы.

– Ваши близкие изменятся. Потянутся к вам.

– А мы? Мы изменимся... или уже изменились? – решила, наконец, задать бередивший ее вопрос Эля.

– Вы получите ответ от ваших друзей и родных, – покачал головой Маг. – Все узнаете сами.

– А что, все-таки, с тем Миром? – Мишка всегда отличался настойчивостью и упорством. – Мы вернемся обратно?

– Неисповедимы пути... – философски пожал плечами Маг. – И тогда я дам о себе знать.

– А неандертальцы? – с прищуром, словно предчувствуя подвох, спросила Элька. – Здесь же тоже есть неандертальцы?

– Конечно, а как же без них, госпожа доктор! – неизвестно чему радостно просиял Маг. – Обязательно есть! Просто, у этого Мира еще есть шанс устоять перед их натиском. Устоять с вашей помощью, с помощью Божьих Искр!

– Устоим! – с мрачной решимостью пообещал Миха. – Хрен они получают этот Мир! Я... то есть, мы из него никуда не уйдем! Это наш Мир!

– Да, это наш Мир! – твердо подтвердила Эля. – Я это знаю! Так же, как твердо знаю, что мы его никому не отдадим.

– Ну, раз так, господа врачи, – Колдун развел руками, – то и уходите вам, прошу прощения, просто некуда! Свой Мир не бросают, из него не бегут. За него дерутся! И если надо – до смерти, не ожидая и не прося пощады! Ибо другого Мира не дано, и дано не будет!

Они молча кивнули, как ударили по рукам, намертво скрепляя сказанное.

– И в случае, если здесь поднимут голову неандертальцы, я тоже дам о себе знать, можете не сомневаться! – prorонил Колдун, одновременно выуживая нужную банкноту из черного, крокодиловой кожи, портмоне. Сказал как бы невзначай, но ни у кого не возникло сомнения в его словах.

Махнул официантке. Она принялась было выписывать счет, но он поморщился, остановил ее твердым – а в менее политкорректные времена сказали бы "повелительным" – жестом. Ассигнация порхнула в ее ладонь с молчаливым взглядом: "без сдачи". Девуля от неожиданности присела в непривычный для нее книксен и, вернувшись на свой насест у конца стойки, возбужденно принялась шептать что-то бармену, с круглыми, словно от внезапно поразившей её Базедовой болезнью, глазами.

– Я ни в коем случае не прощаюсь, – Маг одним неуловимым ртутным движением – р-раз! – уже не сидел, а стоял возле стола. Безупречно облегающий фигуру, без единой складки, пиджак; сияющие туфли, не омраченные ни малейшим пятнышком; сверкающая снежной морозной целинной рубашка, идеальная геометрия галстучного узла.

– Думается, мне предстоит еще многому обучить вас. – Он придиричливо осмотрел бритвенную складку брюк и остался доволен. – Но! Все мое время, а сейчас придется с величайшим моим сожалением откланяться, господа врачи.

И коротко, четко склонил голову, словно отдал честь.

– "Мамочки! – вдруг заныло тоскливо у Эльки в груди. – Сейчас ведь уйдет!"

Бросила беспомощный взгляд "ну, сделай же что-нибудь!" на Мишку, как будто он мог остановить Мага.

– Подождите! – крикнула она в растерянности, и остановилась, не зная, что сказать дальше. Беседа за дальним

столиком смолкла, и все, включая бармена и официантку, с любопытством глазели на них.

– Госпожа доктор? – Колдун повернулся к ней, пройдясь одновременно взглядом по зевакам. Словно автоматная очередь прогремела над их головами. Взгляды трусливо ретировались. Официантка уткнулась в кассу, а бармен немедленно ушел с головой в полировку бокалов. Только вентилятор продолжал сонно шуршать лопастями.

– Может... может... – она запнулась.

Маг терпеливо ждал.

– Может, вы все-таки скажете нам, как вас зовут? – вдруг совершенно неожиданно для себя выпалила Эля.

– Х-мм, – задумчиво протянул Колдун и прошелся рентгеновским взглядом по рукаву пиджака, в поисках гипотетических дефектов.

– Х-мм, – повторил он в некотором сомнении и вздохнул:

– Что ж, госпожа доктор... и, конечно, – спохватился он, – господин доктор. Извольте! Из всего великого множества данных мне когда-либо имен я лично предпочитаю Шахревар.

Колдун оторвался от изучения рукава, и взглянул на Элю, как ей показалось, с гордостью и даже определенной долей кокетства.

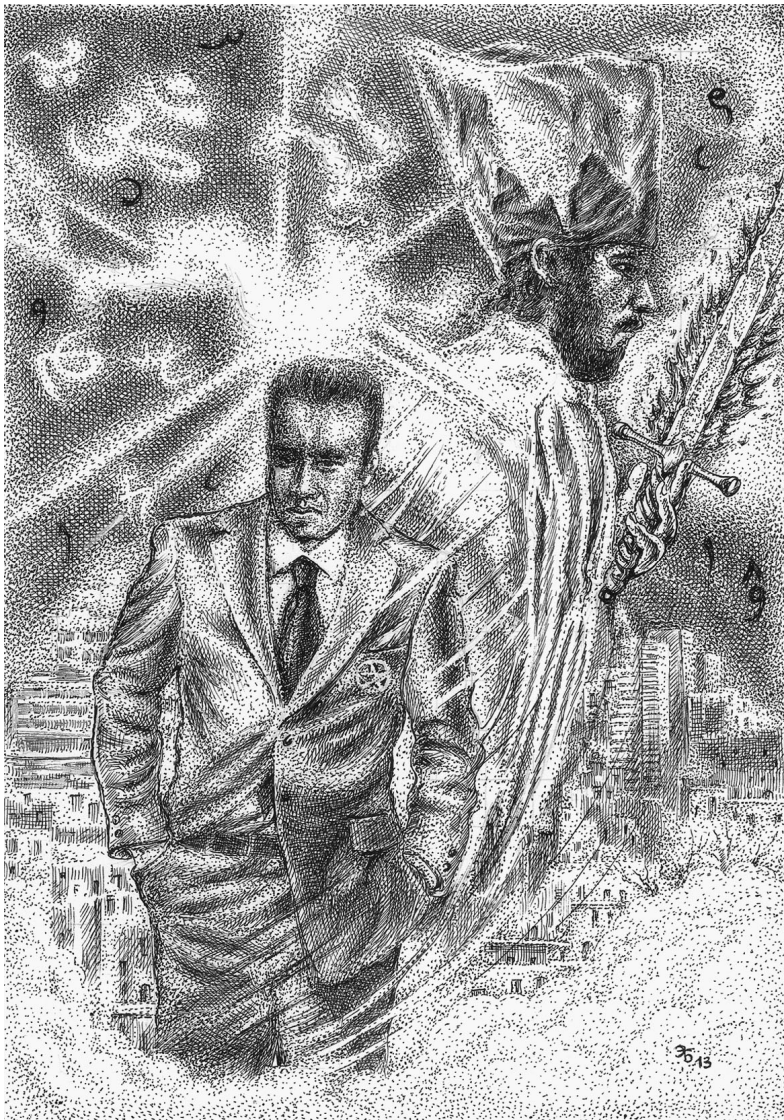
Но – увы! – имя ей ничего не говорило и желаемого эффекта не возымело. В отличие от Михи.

– Шутите... – еле выдавил он из себя одними губами, стремительно бледнея лицом. Встревоженная Элька затрясла его за плечо:

– Миша! Мишка! Что случилось?!

Но он машинально стряхнул ее руку:

– Мать твою ё... – прикусил язык и врезал себя от души и со звоном ладонью по лбу. – Какой же я мудак! С самого же начала было ясно! Огненный меч! Вот ведь мудак, прости Господи!

– Миша! – Элька трясла за плечо уже требовательно, сгорая от любопытства. – Давай, приходи в себя! Кто это? Что за имя?

Он вновь остановил ее, удержав руку.

– Скажите, – и в голосе его звучало глубокое почтение, – а Нина? Нина – кто?

– Господин доктор, в самом деле, – осуждающе прогудел Колдун, вздернув бровь. – Современный мир! Наши дни! Есть Интернет, есть, слава Творцу, Гугл! Не сомневаюсь, вам не составит никакого труда это выяснить самому!

– Да, да! Конечно, вы абсолютно правы, – смешался Мишка.

"Точь-в-точь – провинившийся школьник", – ахнула про себя Элька. Таким растерянным она Мишку еще не видела.

– Миша! – в голос крикнула она, и потрянула его так, что клацнули челюсти.

Он очнулся, взгляд все еще был очарованно отсутствующим, но уже сфокусировался на ней, а лицо порозовело:

– Элька-а! – прошептал он с видом ребенка, впервые увидавшего слона в зоопарке. – Это Шахрехвар, Элька-а! Представляешь?!

– Вот ведь, а? – бессвязно пожаловалась неизвестно кому рассерженная Элька. – Можешь уже объяснить мне, кто это такой?!

Наконец его глаза обрели более-менее осмысленное выражение:

– Шахрехвар это... – он подыскивал слова, помогая себе броуновским движением рук. – Это из зороастризма, короче. Потом от индусов перешло в мифологию древних персов... в общем, это предводитель небесного воинства. Предводитель борьбы со Злом.

– Шутишь! – теперь уже ахнула Элька, накрыв ладонью рот.

– Нет, не шучу, – медленно покачал головой Миха.

И они, замирая от благоговения перед сверхъестественным чудом, перевели взгляд на Колдуна.

Точнее, на то место, где он только что стоял.

Пусто. Никого. Та же тишина. Так же медленно шуршит мельница вентилятора, перемалывая воздух на время. Та же тихая смешливая беседа за столиком в углу.

Никто не обратил внимания, не повернулся изумленно. Никто не вскрикнул: "Эй, глядите – человек исчез! Стоял вот только, и – раз! – и нету его!".

.....

Постойте, постойте! А, может, и не было никого? Привиделось, померещилось? Летнее марево Тель-Авива в избытке порождает зыбкие фата-морганы...

.....

Я помню и по сей день, и никогда не забуду его лицо, лицо огорченного ребенка, у которого забрали сказку. Как он озирался в поисках Шахревара, хотя про себя я называю его по-прежнему Магом. Так мне привычней. Может, лицо и было огорченным, но оно еще и было помолодевшим на десять лет. И это я никогда не забуду.

А потом, через несколько дней, он мне сказал: знаешь, Элька, я почувствовал, как во мне вдруг со скрежетом повернулись внутри какие-то биохимические часы, и стрелки молекулярных процессов вернулись на десять лет назад. Можешь думать, что я псих, но я ощутил это!

А я сказала: нет, любимый, ты не псих, я это тоже на себе испытала. Но это было только через несколько дней. А тогда я накрыла его руки своими, и сказала: Мишка, любимый, пусть сказка и кончилась, но смотри, как все класснуче, мы с тобой выздоровели, самым настоящим чудесным образом, и я тебя люблю, и ты меня любишь. А он в ответ улыбнулся, как только он один-единственный может – как будто солнце распускается на губах. А я добавила: ты чувствуешь милый, какая нас окружает благодать и покой, и этот волшебный

шорох шин на улице, совсем не такой, как в Оставленном Море, и вообще все звуки волшебные и мягкие, ты чувствуешь? А он так медленно повторил одними губами по буквам: п-о-к-о-й, помедлил и добавил: он не заслужил свет, возьми его в покой, конец цитаты.

Задумчиво улыбнулся чему-то глубоко внутри себя и сказал: мы пойдем в наш дом, которого пока еще нет, но который скоро будет, я в этом нисколько не сомневаюсь. И дом этот будет заполнен любовью, светом и белой чистой энергией, которую мы в него принесем, и которая наполнит его смехом и радостью наших друзей. Запнулся и добавил: и наших детей, конечно. И твердо повторил: моя дочь вернется ко мне, я обниму ее, и она прижмется и скажет: папа, извини, я так по тебе соскучилась, просто ужас.

Он сказал это твердо, но во взгляде его читался молчаливый вопрос и страх, что этого не случится. Конечно, мой любимый, ответила я так же твердо и абсолютно уверенно, – все наши дети будут с нами. Всегда.

И он посмотрел на меня, как может смотреть только любящий мужчина, и взгляд этот подделать нельзя – он полон восхищенного почитания – и взял мое лицо в свои ладони, сжал его сильно, но чрезмерно, и сказал: ты, дурында, сказка совсем еще не закончилась, разве ты не понимаешь, что она только начинается?

*Октябрь, 2012 – май, 2013,
Израиль*

ОТ АВТОРА

Мне хотелось бы выразить особую благодарность людям, без участия которых эта книга никогда не увидела бы свет.

В первую очередь, конечно, редактору Семену Габаю – за его выдержку и терпение, помноженные на долгие часы кропотливой работы.

Замечательный художник Эдуард Бресслер вдохнул жизнь в написанные мной образы, и сумел реанимировать то, что, казалось, навсегда кануло в Лету – Хорошо Иллюстрированную Книгу. Эдуард, без Вашего таланта все было бы совсем иначе!

Моим друзьям, без теплых слов и надежных плеч которых я не смог бы писать...Что стоит этот Мир без преданных друзей?

Спасибо вам от всего сердца - Эдик, Марик и Юля, Вадик, Мишка и Люся, Клара, Лена и Шимон!

Моя Мама... Ее по-прежнему острое редакторское перо, тонкое чувство слова, жизненная мудрость с огромным тактом вели меня по книге с первой ее строчки, как вели ее руки меня по жизни с первого ее дня! Безграничное тебе спасибо, Мама, за твою помощь, поддержку и несокрушимый характер! Ты пример всем, кто тебя знает!

Н. В. Наво

Н. В. НАВО

ДУША ВЗАЙМЫ

Эзотерический триллер

ISBN 978-965-92183-0-1

9 789659 218301

**ИЗРАИЛЬ
2013**

